

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Святитель Феофан Затворник

Псалом Давида 118-й
1 ЧАСТЬ

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий
помяни и помилуй почивших сих рабов Твоих!

Николая	Галину	Светлану
Владимира	Алексия	Игоря
Григория	Варвару	Алексия
Григория	Афанасия	Александра
Харитину	Николая	Устину
Павла	Ивана	Параскеву
Даниила	Даниила	Пелагею
Анастасию	Евгению	Владимира
Елизавету	Марию	Ивана
Елену	Василия	Софию
Игната	Петра	Юрия
Игната	Ивана	Отр.Евгения
Софию	Ивана	Тамару
Ефима	Ирину	Галину

Читающий, помолись по возможности за эти души,
близкие дарителю книги(в Киево-Печерскую Лавру)

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Псалом Давида 118-й

ТОЛКОВАНИЕ БЕСЕДОВАТЕЛЬНОЕ

Украинская православная церковь
Полтавская епархия
Спасо-Преображенский
Мгарский монастырь
2003

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II**

УДК 27-475.5-23
ББК 86.37-43
Ф 42

*Выпуск осуществлен издательством
ЗАО "Тираж-51", г.Краматорск,
ул.Орджоникидзе 10/4.*

Замечательные труды Пресвященного Феофана по изъяснению слова Божия – одно из важнейших дел его жизненного подвига. Святитель смотрит на слово Божие не только как на источник теоретических религиозных знаний, но и как на живое и действенное руководство в нравственной жизни. В нем не только Божественное откровенное учение, но и действительная благодатная сила, «яже к животу и благочестию».

Сто восемнадцатый псалом – особенное произведение. В нашей Святой Церкви положено читать его на каждой повседневной полунощнице. По оценке блаженного Феодорита, «псалма сего достаточно к тому, чтобы желающих совершенной добродетели усовершенствовать в ней, живущих в рассеянии возбудить к тишанию, упдающих в духе воодушевить, нерадивых исправить, одним словом – против различных человеческих немощей дать всякого рода врачевство».

ISBN 966-302-445-3
966-302-448-8

© Издательство ЗАО "Тираж-51", составление,
оригинал-макет, дизайн, графика, набор,
верстка, изготовление, издание.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Замечательные труды Преосвященного Феофана по изъяснению слова Божия — одно из важнейших дел его жизненного подвига. Святитель смотрит на слово Божие не только как на источник теоретических религиозных знаний, но и как на живое и действенное руководство в нравственной жизни. В нем не только Божественное откровенное учение, но и действительная благодатная сила, «яже к животу и благочестию».

Сто восемнадцатый псалом — особенное произведение. В нашей Святой Церкви положено читать его на каждой повседневной полунощнице. По оценке блаженного Феодорита, «псалма сего достаточно к тому, чтобы желающих совершенной добродетели усовершенствовать в ней, живущих в рассеянии возбудить к тщанию, упдающих в духе воодушевить, нерадивых исправить, одним словом — против различных человеческих немощей дать всякого рода врачевство».

Толкования Сто восемнадцатого псалма Преосвященным Феофаном глубоко назидательны. Подобно древним святым отцам и учителям Церкви, часто их же словами, святитель постоянно преподает читателям нравственные уроки, вводит в созерцание и оценку различных состояний внутренней духовной жизни христианина. Это живая проповедь о путях к нравственному совершенству. Преосвященный Феофан — несравненный знаток и комментатор Священного Писания оставил нам просто и доступно изложенные труды, не превзойденные по проникновенной глубине понимания священного текста и по полноте и широте его изъяснения. Среди них — Сто восемнадцатый псалом.

Книга содержит постраничный указатель толкований каждого стиха.

Сто восемнадцатый псалом отличается от других псалмов такими видными особенностями, которых нельзя не заметить с первого же раза. Количество стихов сказывается само собою; у нас один этот псалом составляет целую кафизму. Прочитавший его со вниманием не может не заметить и другой еще особенности — именно той, что всякий из 176 стихов говорит что-нибудь о законе Божиим, означая его только разными именами. То и другое может быть еще не так важно, но тому нельзя уже не дивиться, что, — как находят лица, много потрудившиеся в изучении Писания, — в таком количестве стихов все — об одном и том же предмете, нет изречений слабых и нет совершенно тождественных повторений. Есть похожие один на другой стихи, но из них всегда у одного, сравнительно с другим, указывается особая какая-либо черта закона или какой-либо оттенок той же черты. Равным образом, очень простые на вид изречения, когда поближе станешь всматриваться в них, открывают взору ума вход в глубину Божественного законоположения.

Есть и еще одна характеристическая особенность этого псалма; в переводах греческом

и славянском, как и во всяком другом, ее не видно, а в подлиннике еврейском она прямо бросается в глаза. Это то, что псалом расположен по алфавитному акростиху, и притом не так, чтобы каждый стих начинался новою буквою, следующею за начальною буквою предыдущего стиха, например, чтобы первый стих начинался с *а*, второй с *б*, третий с *г*; но каждую буквою начинают восемь стихов подряд, потом другие восемь стихов начинаются следующею буквою. Таким образом, восемь стихов первых начинаются с *а*, восемь следующих с *б*, и так далее. Всего в еврейской азбуке 22 буквы. Положив на каждую по восьми стихов, выйдет 176 стихов. Столько их и есть в псалме.

Эта последняя особенность более всего наводит на решение вопроса о происхождении и назначении этого псалма. Один толковник приводит мнение еврейских ученых, что святой пророк Давид составил псалом этот для обучения сына своего Соломона, которого готовил в преемники себе, закону Божию и молитве. Зигабен делает выписку из Оригена, в которой сей последний свидетельствует, что евреи имели обычай заставлять детей своих, вместе с алфавитом, заучивать и этот псалом. Соединив то и другое, мы полагаем, что святой пророк Давид под конец своих дней, после стольких опытов в жизни, из которых ни один не проходил у него без того, чтоб он не

поставлял себя в прямое отношение к Богу и закону Его, разумно прошедши все нравственно-религиозные состояния и уразумев все их при свете лица Божия, возымел благую мысль передать Соломону всю свою духовную опытность, так, однако ж, что при этом имел во внимании и детей всех отцов, не своего только времени, но и всех последующих родов. Блаженный Феодорит пишет об этом псалме следующее: «Божественный Давид много различных перемен имел в жизни: и бегством спасался от врагов, и в бегство обращал врагов, впадал в горести и потом вел жизнь радостную, проходил путь божественный и претыкался в шествии, и снова следовал Божественным законам. Все это собрал он воедино в настоящем псалме, и все молитвы, какие при каждом обстоятельстве приносимы были им Богу, приводя в один стройный состав, предложил людям единое полезное учение, и в сказанном им показывает, как можно преуспевать в деятельной добродетели».

Спешим при этом устранить могущее возродиться помышление: псалом этот — для детского чтения и изучения; так к чему же нам, взрослым, и особенно многоученым, и заниматься им? — Но псалом этот изучался в детстве, а руководство давал на целую жизнь, и составлял не только руководство, однажды навсегда законченное изучением, но и предмет для постоянного

размышления, и средство для всегдашнего углубления в тайны законоположения Божия. Изречения псалма просты по форме, но не просты по содержанию. Начните разбирать повнимательнее, и вы всегда найдете нечто новое, назидательное, влекущее волю вслед стезей Божиих. Блаженный Августин свидетельствует, что он долго не мог взяться за толкование сего псалма, будучи поражаем его глубиною. «Сколько раз, говорит он, просили меня дать толкование его; и я брался было, но всегда отступал, видя, что это превышает мои силы; ибо, чем псалом этот кажется проще, тем оказывается на деле глубже; так что я и сказать не могу, сколько он глубок. В других псалмах есть темноты; этот же так ясен, что только читай или слушай: толковать нечего. А между тем я не могу сказать, смогу ли что сделать и теперь, приступая к беседам о нем».

После этого сомнения быть не может, что если и мужи ученые будут брать себе по стишку из этого псалма и поучаться в нем размышлением в продолжение дня, то это будет очень похоже на прорывание земли в том месте, где скрыто сокровище. Ройся только — найдешь. В каком бы кто возрасте духовном ни находился, всякий узрит должное и полезное себе. Блаженный Феодорит заключает мнение свое об этом псалме так: «Псалма сего достаточно к тому, чтобы желающих совершенной добродетели усовершенить

в ней, живущих в рассеянии возбудить к тщанию, упдающих в духе воодушевить, нерадивых исправить, одним словом, против различных человеческих немощей дать всякого рода врачевство». Святой Афанасий Великий, минуя все внешние соприкосновенности этого псалма, смотрит на него оком глубокого пустычника и говорит: «В псалме сем святой пророк описывает житие святых, подвиги их, скорби, труды, также восстания демонов, тысячи внушаемых помыслов, сети и прочие средства к уловлению, а вместе и то, чем святые одерживают победу: закон, словеса Божии, терпение, помощь свыше и, наконец, что последует за трудами — награды, венцы, воздания». Святой Амвросий пишет, что «и другие псалмы содержат нравственные уроки, но те суть, как звезды, рассеянные по небу, а этот, как солнце, изливающее в полдень обильный свет».

Такое богатство псалма сего и расположило нас посвятить размышлению о нем достойное время и, что Бог пошлет, предложить то вниманию богобоязненных и ревнующих о спасении своем христиан, в той уверенности, что это хоть какую-нибудь принесет им пользу. Святая Церковь видимо желает, чтобы мы потверже знали и поглубже понимали этот псалом, положив чтение его на каждой повседневной полунощнице, когда освеженная сном мысль бывает способнее и живее воспринимать, и глубже проникать.

Предлагая, однако ж, наши размышления, долгом считаем заявить, что тут мало что будет своего. Все будет заимствуемо у святых отцов и учителей Церкви, потрудившихся в толковании сего псалма. Святой Амвросий посвятил ему целую книгу; блаженный Августин в церкви всенародно предлагал о нем беседы; святой Афанасий Великий, блаженный Феодорит, святой Иларий вели толкование его наряду с толкованием всех псалмов. Кроме них, советниками нашими будут: Зигабен Евфимий и Анфим, блаженнейший патриарх Иерусалимский.

В изложении удержим разделение на восьмистишия, подражая святому Амвросию и блаженнейшему Анфиму, хотя этого нет ни в славянском, ни в греческом тексте, тем более что это не одно внешнее разграничение, облегчающее чтение и поддерживающее внимание и охоту, без влияния на внутреннее содержание. Думалось, что стихи каждого восьмистишия не представляют единства; но более внимательное исследование показало, что каждым восьмистишием заправляет одна мысль, на которую нанизываются стихи, как бисер на одну нитку. Само толкование и размышление покажет, насколько это верно.

Какая же общая форма изречений в этом псалме? — Это не притчи, а молитвенные обращения к Богу. Каждый стих есть молитва, но все об одном — об исполнении закона Господня. Душа,

сознавшая, что спасение только в Боге чрез исполнение святой Его воли, беседует с Богом, моля Его просвещать, вразумлять, укреплять, избавлять от искушений внутренних и неприятностей внешних, восстанавливать от падений, избавлять от врагов — словом, даровать ей, по милости Своей, быть благоугодною Ему. Повсюду идет речь теплая, обращенная к Богу прямо от сердца.

Еще одно замечание. Воля Божия, для нас обязательная, в продолжение псалма выражается не одним словом. Кроме обычного выражения — закон, заповеди, встречаются названия — свидения, оправдания, словеса, судьбы, судьбы правды, путь, путь истины, путь заповедей, путь оправданий, стези заповедей, советы и проч. Каждое из этих названий означает все ту же волю Божию о том, как нам жить, или тот же закон, только в разных его отношениях. Если какое-либо из этих наименований будет давать какой-либо оттенок мысли, содержащейся в изречении, то это будет указано в своем месте.

ПЕРВОЕ ВОСЬМИНАШЕ

Стих первый

Влажени непорочнии в пути, ходящи в законе Господни.

«Путем, пишет Феодорит, здесь пророк именует жизнь, которую все мы проходим от рождения до гроба».

Непорочны в пути те, которые живут непорочно, уклоняясь от всякого греха. «Кто никогда ни в чем не грешил, говорит святой Афанасий Великий, тот непорочен».

Ходят в законе Господни те, которые, по выражению Феодорита, «жительствоуют сообразно с законами Божиими», исполняют всякую заповедь, какая ни встретится по течению

жизни, не опуская ничего из сознанного обязательным и ни от чего не отказываясь; иначе — которые делают всякое добро.

Таким образом, эти два пункта заповедают то же, что в других местах пророк выражает словами: *уклонися от зла и сотвори благо*, отвечая на вопрос: *кто есть человек, хотяй живот, любяй дни видети благи?*¹ или кто в первом псалме сначала: *не иде на совет нечестивых*, а потом: *в законе Господни воля его*.

Так вот кто блажен! Каким же блаженством? Внутренним или внешним, здешним или будущим? Если угодно Господу и не пагубно для человека, то дается и внешнее счастье; но внутреннее блаженство неотъемлемо от чистой и богоугодной жизни, которая, при всех внешних лишениях и недостатках, всякому приносит мир и радость, истекающие из спокойной совести и непостыдного воззрения в лице Господу, наполняет душу крепкою надеждою и возгревает в ней чувства, какие свойственно иметь детям к отцу. Такой человек всегда упокоевается в лоне промыслительной и благопопечительной любви Божией. Это — здесь; потому-то святой пророк и говорит: *не будут блаженны, а суть*.

Что же будет — *не у явится*². Будет то, что и на мысль человеку не может прийти, — так оно полно, высоко, многоценно! Но путь тот же:

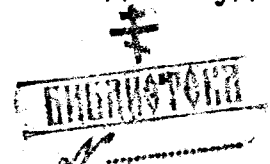
¹ Пс. 33, 13, 15. — ² *Еще не открылось* (1 Ин. 3, 2).

непорочная жизнь по заповедям Господним. Там — отечество; здесь — чужая сторона; жизнь — шествие на родину. Между тем, все живут; следовательно, все идут к концу, но не все шествуют на родину, не туда метят, не туда приводит их путь. О, когда бы *тако теши*, чтобы *постигнуть!*¹ За чем же стало? Обещается блаженство неизреченное; блаженства же кто не желает, кто не ищет, кто для него не жертвует всем? И мы грешные, грехолюбивые, ради чего любим грех? — Ради того, что чаем обрести в нем блаженство; и хоть он обманывает нас и, вместо блаженства, томит и мучит, а мы все в нем валяемся: авось дождемся блаженства! Да, дождемся, как от репейника смоквы.

Блаженства все желают и ищут; оно есть двигатель всех деяний и предприятий человеческих, и больших, и малых. Но не все понимают, в чем оно и как к нему дойти, и даже понявши, не все так располагаются действовать, как нужно, чтобы достигнуть блаженства. В этом скрывается что-то непонятное. Человек осязательно терпит тут обман и даже некоторое насилие, и идет куда зря.

Блаженный Августин ведет об этом пространную речь. «Псалом сей с самого начала призывает нас к блаженству, предмету желаний всякого человека. Есть ли кто, был ли когда-нибудь,

¹ 1 Кор. 9, 24.

или будет ли такой, который не желал бы быть блаженным? Какая же нужда призывать к тому, к чему душа человеческая сама собою стремится? Ведь когда кто призывает к чему, то склоняет волю того, к кому обращает речь, устремиться к предлагаемому им. Что же это с нами делают, убеждая возжелать того, чего не желать не можем? Не лишняя ли это речь? — Нет, не лишняя; блаженства все желают, но как его достигнуть — не все знают. Словами *блажени непорочнии* говорится как бы так: знаю, чего ты желаешь — ты ищешь блаженства, так, если хочешь быть блаженным, будь непорочен. Но в том-то и дело, что блаженства все желают, а того, без чего достигнуть нельзя желаемого всеми, желают очень немногие. Вот он и выставляет наперед всеми желаемое блаженство, и тут же предлагает непорочность чрез хождение в законе Божиим, дабы чрез то, чего все сами желают, расположить и к тому, чего не все желают. Быть блаженным есть столь великое благо, что его желают и добрые, и недобрые; и то не дивно, что добрые ради его добры; но то достойно всякого удивления, что и недобрые недобры из желания быть блаженными. И преданный чувственным удовольствиям, и ищущий богатства и почестей, и опутавшийся всякими пороками — все ищут блаженства. Вот этих-то блуждающих и ожидающих себе блаженства от пагубы и вызывает на должный путь

Божественный сей глас, если только его услышат: *блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни*. Он гласит как бы так: куда идете вы? Вы гибнете, сами того не зная. Куда вы достигнуть желаете, туда идут не тою дорогою, какую вы идете. Конечно, вы желаете блаженства; но та дорога, какую вы идете, ведет в пагубу. Перестаньте же искать такого великого блага на таком злом пути. Вот куда идите, вот какую дорогою шествуйте! Оставьте пагубу путей развращенных, вы, которые не можете оставить желания блаженства. Напрасно вы мучитесь, стремясь туда, где вы только пятнаете себя. Не те блаженны, которые пятнают себя грехом и ходят в развращении века; но те, которые *непорочни в пути и ходят в законе Господни*.

И то правда, что путь этот притруден и многоопасен. Путь заповедей сам в себе чист; но идущие по нему идут непрерывно под дождем грязных брызг, которые если попадут, то не остаются на одной поверхности, а въедаются внутрь. Их приходится не стирать только и смывать, но вырезывать и выжигать. Святой Макарий изображает этот путь пролегающим среди терний и трясин, где скрываются гады ядовитые и звери, а по местам воткнуты копыя и мечи. Сколько тут требуется внимания, напряжения, труда, борьбы! Посему-то слово *непорочни* в подлиннике есть то же, каким обозначают агнцев,

назначенных для пасхальной жертвы. Это, между прочим, указывает на то, что вступившие на путь заповедей для того, чтобы быть непорочными, должны обречь себя, как на заклятие. Только тот, кто в самом начале положил считать себя уже как бы умершим, возможет устоять против всех соблазнов и трудностей: потому что кто считает себя мертвым, тому что еще может встретиться невыносимое? Все такое меньше смерти. Вот это-то и значит, что Господь сказал: *иже хоует по Мне ити, да отвержется себе*¹.

Если б можно было так, что когда сделал должное, а когда и нет, то было бы сподручнее. Но так нельзя; из такого действия ничего не выйдет. Это то же, что строить да разорять; уж идти, так идти. Греческое слово *порευόμενοι* — ходящие, дает мысль, что идущие идут не оставиваясь, не обращая ни на что внимания, не пугаясь преград, — идут, как течет какая-либо величаявая река, пока войдет в море. «Пророк, говорит блаженный Феодорит, ублажает тех, которые неуклонно шествуют путем царским и, следуя внушениям закона, не совращаются ни на правую, ни на левую сторону», а святой Амвросий продолжает: «Непорочно ходящий в законе Господни не перестает никогда ходить этим путем, чтоб не перестать быть непорочным, не уклоняется ни на десное, ни на шее², не озирается туда

¹ Мф. 16, 24. — ² Ни направо, ни налево. — *Ред.*

и сюда, не стоит неподвижно, словно ожидая чего, но шествует, *задняя забывая, в предняя же простираяся*, держа путь к известной цели, *к почести вышняго звания*¹. Вот чего надобно добиваться! А то многие начинают течь, но конца не достигают. «Не вступить только надо на путь, говорит святой Иларий, но и продолжать шествовать им до самой цели. Пока кто идет по пути, тот еще не достиг того, к чему стремится. Потому-то блаженный Павел и говорит: *не яко достигохъ... гоню же*...² Вот и он стремился, и стремился так, что задняя забывал. Тот только и достигает блаженства, кто так устремляется надеждою в будущее».

Стих второй

Блажени испытающи свидения Его, всем сердцем възыцут Его.

Свидения — свидетельства. Так называет святой пророк закон, потому что закон свидетельствует о воле Божией, о том, как говорит блаженный Феодорит, «чего хочет от нас Бог, как желает быть благоугождаем от нас и что воздаст тем, которые следуют Его повелениям, и тем, которые не следуют». Свидениями, впрочем, называется здесь вообще слово Божие. Свидетель обыкновенно говорит слово о том, чего другие не знают, с удостоверением, что говорит правду. Мир духовный и все тайны, касающиеся Божеского

¹ Флп. 3, 13, 14. — ² Флп. 3, 12.

естества, мироздания, мироправления, искупления и возустроения всяческих¹, для нас неведомы. Бог Сам дал о них свидетельство. В этом смысле свидения обнимают все словеса Божии, все Божественное откровение. То и другое, — закон ли только разуметь, или все слово Божие, — называться свидетельством может и потому еще, что истина того засвидетельствована удостоверительно для всех, так что сомневаться в том не только неразумно, но и богоборно. Сам Бог торжественно изрекал закон; Духом Божиим движимые пророки истолковывали его, предживописуя и имеющее быть искупление всех; Сын Божий — Бог, воплотившись, возвестил явно об Отце и изъяснил волю Его и Свою, вступив с человечеством в Новый Завет; Духом Божиим исполненные апостолы возвестили эти тайны всему миру и во всем мире воздвигли единую Святую Церковь, хранительницу истины.

Таким образом, слово Божие — от Бога; следовательно, оно непреложно истинно, ибо Бог есть истина. Бог Самим Собою свидетельствует, что слово Его истинно. Но и дав слово Свое в руководство людям, Он не переставал, во все продолжение его существования на земле, свидетельствовать, что оно истинно непреложно, защищая и покровительствуя тем, которые исповедуют истину его, и поражая наказаниями тех,

¹ Сотворения вселенной. — *Ред.*

которые против совести восстают на него. Особенно же свидетельствует Он это тем, что людям, верным слову, дает испытать и ощутить сердцем все то, что обетовано верным слову в слове Божиим.

Испытывать свидения Божии, закон или вообще слово Божие можно или только умом, или не умом только, но и делом: первое предшествует вступлению на путь воли Божией, изложенной в слове, а другое последует за ним.

Предшествующее делу испытание слова Божия — умовое исследование его и изучение, одно делается в видах только знания, а другое — в видах последования ему.

Можно изучать слово Божие и без следования ему, если не по упорному противлению Божью званию, то по отлагательству дела, говоря в себе: теперь изучим слово, а по времени станем жить по нему. Такое голое знание слова Божия не может быть полно и удовлетворительно, потому что наибольшая часть истин его понимается уже после вступления на путь последования ему. По происхождению своему оно наиболее ограничивается теоретически — умовою стороною открываемого, даже и в тех предметах, которые касаются деятельности. И всегда путает, потому что построивать умом теории об открываемом в слове Божиим, без соответственной жизни, есть то же, что во внешних науках строить умозрительные

системы без опыта. Пространно об этом голом знании и о путаниях его пишет святой Исаак Сирианин в своем послании к преподобному Симеону Чудотворцу: Остающиеся при одном этом знании, конечно, не могут быть названы блаженными. Напротив, такое знание скорее послужит к осуждению их. *Раб, ведевший волю господина своего, и не угодовав, ни сотворив по воли его, биен будет много*¹. При всем том, и такое знание может быть спасительно, если слово Божие испытывается не злонамеренно, не с упорством, а с некоторым, хотя малым, сочувствием. Собираются истины Божии в то же сознание, где присутствует и мрак грехолюбия, и суетность. Свет Божий не может не обличать этой тьмы, а совесть, внимая сему, не может не воздвигать голоса своего, вразумительного и понудительного. Придет момент, когда изучающий слово Божие умом и желанием обратится к указаниям его, и положит намерение следовать ему неуклонно. В таком случае все прежде собранные сведения из слова Божия послужат ему готовым материалом к образованию внутреннего человека, как для возбужденного в семени ростка служат первую пищу окружающие его элементы в самом же семени.

Испытание слова Божия, в видах последования ему, одно бывает с тем, чтобы начать следовать ему, а другое — чтобы, начавши, лучше

¹ Лк. 12, 47.

следовать ему. Слышит кто, что все, что он думает и что делает, ложно и худо и что истина содержится только в слове Божиим, — берет слово Божие, читает, внимает, образумливается и решается следовать его указаниям и требованиям. Вслед за святым мучеником Иустином, сколько было таких в Церкви Божией, которые, начав добре, потом совершенно очистились, стали сосудами благодати и прославляются ныне Церковью! И ныне они есть. Даже между христианами есть много совсем не читавших слова Божия и не знающих, что требуется от них святою верою и крещением; но когда, каким-нибудь образом, наведены они бываю на чтение его, просвещаются умом и сердцем и становятся непостыдными делателями в доме Божиим. Но и тем, которые уже начали идти путем заповедей Божиих, нельзя оставаться без испытания слова Божия, потому что не вступить только должно на путь Божий, а следовать им до конца, и притом прямо, не уклоняясь ни туда, ни сюда. Вразумления же относительно сего негде взять, кроме слова Божия. Потому-то, начавши следовать слову Божию, они никогда не выпускают его из рук, изучая его и питаясь им, и имея законом на всякое дело свое, предпринимаемое и делаемое ими, иметь свидетельство из слова Божия. Не умеющие читать изошряют слух свой в храме Божиим и, как птица по зернышку, собирают слова Божии,

и, богатясь ведением его, день ото дня становятся премудрыми в слове, способными нередко научать духовной жизни и многоученых.

Кто же блаженны из всех их? — Блаженство испытующих свидения Божии начинается с момента решимости следовать им делом. Хотя они не успели еще стать непорочными в пути и чистыми сердцем, как требуется первым стихом для блаженства, но они уже начали движение к блаженству, начав искать Господа, — блаженны еще пока надеждою, которая несомненно вскоре приведет их и к действительному вкушению блаженства. «Таковые, говорит блаженный Августин, надеждою блаженны, подобно тому, как *блажени изгнани правды ради*, — не тем, что есть, ибо испытывают зло, а тем, что прибудет им: *яко тех есть царство небесное*¹». Если они надеждою блаженны, то надеждою можно быть и непорочным. Ибо в жизни сей, хотя бы со всем усердием старались мы ходить в законе Господни, но *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас*².

Воистину же блаженны из испытующих свидения Божия те, которые самым делом испытывают все, что указано в слове Божиим. И начавшие следовать слову Божию не вдруг вводятся в опыты духовные. Вначале они неспособны к тому: слишком много еще шума и смятения в душе и сердце их. По времени же, когда уляжется

¹ Мф. 5, 10. — ² 1 Ин. 1, 8.

волнение, начинается и опытность духовная, с маленьких случаев и до больших. Чем дальше, тем больше; наконец, они приобретают и *чувства, обученные в разсуждении добра и зла*¹. Вот примеры: каемся, и получаем разрешение; но тут же дается и удостоверительное чувство помилования, хотя в силе оно приходит после трудов покаянных. Кто это ощутит, тот на деле испытывает, что есть отпущение грехов. Кто не знает, сколько благ Господь! Но иной вкушает и чрез вкушение уже ведает, яко благ Господь. Все мы молимся; но есть молитва, которая сама молится и увлекает вслед за собою всего внутреннего человека. Кто это испытывает, тот только и знает, что есть молитва. Сколько бывает внутренних изменений в человеке: то он в радости, то в печали, то в страхе, то в чувстве безопасности и надежды; но все такие чувства бывают и с правой, и с левой стороны. Есть радость о Господе и печаль по Богу; и есть радость и печаль поддельные. Есть страх Божий и надежда спасительная, и есть страхование пустое и надежда обманчивая. Все подобные проявления жизни в духе испытываются делом, изучаются опытно и, изученные, вступают в руководительные начала жизни. Чем же блаженны такие люди? — Тем самым, что испытывают; к ним-то тогда приложимо слово: *Царствие Божие внутрь вас есть*².

¹ Евр. 5, 14. — ² Лк. 17, 21.

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

Но есть еще высшее испытание свидений Божиих; испытание делом принадлежит деятельной жизни; есть жизнь созерцательная, в которой и испытание созерцательное. Неуклонное исполнение заповедей приводит к очищению сердца; сердце же чистое открывает уму окно в духовный мир, и он созерцает там предметы, как глаз смотрит на видимое во вне. Во всех писаниях отеческих упоминается, что деятельная жизнь по заповедям приводит к созерцанию и что ум, достигнув этой степени, созерцает тайны Божии. В чем это состоит и как оно бывает — ведают те, которые сподобляются сего. Примем это верою, так как это вообще свидетельствуется всеми, а что можно и в настоящем стихе разуместь это, положимся на многознающих мужей. Зигабен приводит следующие слова Евсевия на это место: «Святой пророк идет вперед по порядку. Первые блаженные — непорочные в пути, никогда и никак не сосупающие с пути закона; это деятельные мужи. Вторые, востекши на высшую степень, бывают блаженны, так как не нрав только исправляют, но и созерцают глубины свидений Божиих; это — созерцательные».

С испытанием свидений пророк поставляет в непосредственной связи всесердечное взыскание Господа: *всем сердцем взыщут Его*. Взыскание Господа начинается с того времени, когда начинается чтение слова Божия, в видах последования

ему. Когда же кто решается следовать требованиям и указаниям его, тогда, вместе с тем, вступает он на стезю деятельного взыскания Его; и потом — какие степени проходит испытание свидений, вместе с ним проходит свои степени и взыскание Господа. Они друг друга возбуждают, поддерживают и оживляют. Но цель — взыскание Господа не в том только, чтоб искать и искать; но, искавши, найти и, нашедши, пребыть с Ним и в Нем, обладая Им и будучи обладаемым от Него. Как только решается человек следовать заповедям, ища Господа, Господь принимает его. Но опять-таки искание Господа еще бывает смешано со многими другими исканиями, которые его перебивают. Когда же кто вступает в состояние опытности духовной — взыскание Господа выступает вперед и занимает преобладающее место: все другие искания ему подчиняются и им направляются; затем оно занимает все сердце и становится исключительным. Это уже в последних степенях деятельной жизни и в жизни созерцательной, отличительная черта которой — душа и Бог, и больше никого и ничего.

Приведем три свидетельства наших толковников относительно этого взыскания. Всякий сам увидит, к какому состоянию какое из них относится.

Блаженный Анфим Иерусалимский говорит: «В этом стихе святой Давид показывает способ,

как люди делаются ходящими в законе Господни. Когда, говорит он, станут испытывать свидетельства Его; когда то есть трезвенным и чистым помыслом станут исследовать словеса Его, истина коих засвидетельствована и исповедана, — тогда и Господа взыщут не только знанием и пониманием словес Его, но и сердцем, любя Его и всегда творя угодное Ему».

Евфимий Зигабен пишет: «Кто читает закон и словеса Божии с углубленным вниманием и постигает духовное сокровище, сокрытое внутри, тот, в силу такого углубления, начинает от всего сердца искать Бога, узрев умно красоту Его и вкусив сладчайшего света Его. Тогда отрешается он от всего вещественного и услаждается Им единым».

Блаженный Феодорит уверяет: «Всерасходное взыскание возможно не всякому, а только достигшему самого верха добродетели; такой человек не делит уже ума своего на помышления о Боге и о чем-либо житейском, но всего себя посвящает Богу».

Стих третий

Не делающии бо беззакония, в путех Его ходиша.

По еврейскому тексту стих этот читается так: «Такие не делают уже беззакония, в путях Его ходят». Не другая речь и в нашем тексте. Вместо *делающих* поставим *делая*, на что дает нам

право греческое слово, и получим: «не делая беззакония, они в путях Его стали ходить», — стали ходить так решительно, что установились в этом хождении навсегда. Кто ж это такие? — Те, которые дошли до показанных перед сим степеней, вступили в состояние созерцания и пребывают с Господом, взыскав Его всем сердцем и обретши Его. Что им приписывается? — То, что они, хранимые всеобъемлющею благодатию пребывающего в них Господа, никак не позволяют себе сделать что-либо неуютное Господу, оскорбить Его каким-либо беззаконием, но всегда неуклонно, и мыслию, и чувством, и делом, ходят в единых путях Божиих, не общих только, указуемых общими предписаниями, но и частных, определяющих всякую в жизни случайность.

Тут указывается высшее духовно-нравственное состояние, в котором находились святые апостолы и после них многие равноапостольные мужи. К ним-то относятся слова апостола Иоанна: *всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть*¹. Возрождение зачинается в крещении, но в совершенстве является на последних степенях духовного преспеяния, когда внутри человека все бывает пожерто Господом², и он является вполне обновленным, по образу Создавшего его, — является то есть в духе сыном Богу

¹ Ин. 3, 9. — ² Принесено в жертву Господу. — Ред.

по явному в нем богоподобию. Святой апостол Павел определяет характер таких людей неподательною любовью: *кто ны, говорит он, разлучит от любви Божия?* — Ничто, ни на земле, ни на небе, ни в настоящем, ни в будущем; потому что любовь никогда не отпадает. Такие люди во всех путях своих *водятся уже Духом Божиим*¹, как это явственно оправдалось на святом апостоле Павле, который о всех своих начинаниях и делах говорит: *не доволни есмь от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога*²; потому что Он есть *действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении*³. Такие лица суть орудия Божественного промышления о нас.

Таким образом, здесь слово *пути* означает не одни заповеди, но вообще пути промышления Божия, которыми определяется для всякого все наилучшее и спасительнейшее. Вся беда наша в том, что мы не попадаем на след промыслительных определений, а не попадаем оттого, что младенчествуем духом. Те же, которые взошли в эту меру, не только свое все видят, но и чужое. Умеют они определить самым точным образом, что кому, по намерениям Божиим, следует делать. Припоминаю, что к отцу Серафиму Саровскому многие приходили с вопросами о путях жизни, и очень многим он определенно сказывал, какого пути держаться, чтобы не погубить души

¹ Рим. 8, 14, 35. — ² 2 Кор. 3, 5. — ³ Флп. 2, 13.

своей. Одной страннице сказал он: «Ступай, сиди дома и работай, и тем кормись сама да еще милостыню подавай». Другому страннику, хотевшему поступить в монастырь, он велел странствовать, потому что жить в обители ему не спасительно. Для других он сказывал другое. И много бывало и есть таких зрителей путей Божиих. К такому совершенству и все мы предназначены и если лишаемся такого дара, то единственно по нерадению и беспечности, а более по грехолюбию; оттого много толчемся в жизни без толку, делаем и переделываем, идем и возвращаемся, и разнообразно перекрещиваем пути жизни. Будем, по крайней мере, желать и молить Бога, чтоб Он не лишал нас таких мужей, которые могли бы видеть все пути Его, и как сами ходят в них, так и другим указывали бы их. Путь же к этому единственно тот, которым шел старец Серафим и подобные ему.

Святой Макарий спрашивает: «Могли ли апостолы согрешать?» — и отвечает: «Не могли, но были, однако ж, свободны делать что хотели». Благодать не вязала их, но они сами не соглашались грешить. Вот его слова: «Согрешать они не могли, потому что, пребывая во свете и при такой благодати, не превозносились. Впрочем, утверждаем, что благодать попускает и совершенным духовным мужам иметь свои изволения и возможность делать что хотят и преклоняться на

что угодно. И самая природа человеческая, будучи немощна, имеет возможность уклоняться от сопребывающего с нею добра»¹.

Блаженный Августин решает вопрос: «Каким образом святые, не делая беззакония, в делах Божиих ходят, между тем как истинно то, что *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас?*»² Это недоумение, говорит он, решено апостолом Павлом, который говорит о грехах святых в своем лице: *не аз сие творю, но живый во мне грех*³. Если живет в нем грех, то как сказать, что он без греха? И, однако ж, он ходит в путях Божиих и не делает беззакония, ибо хотя и есть оно в нем, но не он его творит, а живущий в нем грех. Это решение, однако ж, таково, что рождает другое, более трудное, недоумение: как делает человек то, чего сам не делает? Потому что он сказал и то, и другое: *и не еже хочу, сие творю, и не аз сие творю*⁴. Когда грех, живущий в нас, действует в нас, тогда не мы это делаем, как скоро наша воля не соглашается с ним и удерживает члены тела от повиновения ему; ибо что грех делает в нас без нас, кроме одних приражений и приманок к непозволительному? Если не последует согласия на то воли, то некая страсть (affectus) хотя и бывает в движении, но ей не

¹ Преподобного отца нашего Макария Египетского Духовные беседы, послание и слова. Беседа 27, 11. — ² 1 Ин. 1, 8. — ³ Рим. 7, 20. — ⁴ Рим. 7, 20.

уступается никакое действие (effectus). Это предписал тот же апостол, когда сказал: *да не царствует грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его; ниже представляйте уды ваша орудия неправды греху*¹. Итак, грех действует в нас через греховные похоти, которых, если послушаем, то и будем действовать греховно. Если же, последуя апостолу, не послушаем их, то не мы уже будем это делать, но живущий в нас грех. Если бы мы не имели никаких таких непозволительных движений, то ни мы, ни живущий в нас грех не делал бы ничего худого. Это движение непозволительной похоти, не слушаясь которой, мы не делаем ее, потому почитается нашим делом, что оно есть немощь не чужой, а собственной нашей природы; такой немощи совершенно избавимся мы только тогда, когда не душою только одною, но и телом станем бессмертны. Таким образом, мы и в путях Божиих ходим, не слушаясь похотей греховных, и не бываем без греха, потому что носим в себе похоти греховные. Еще вопрос: словами молитвы Господней: *остави нам долги наша* что мы просим отпустить, — дела ли, которые делаем, повинуюсь похотям греховным, или самые эти похоти, которые не мы творим, но живущий в нас грех? Я полагаю, что вина той немощи или болезни, из которой возникают греховные похоти, что апостол называет

¹ Рим. 6, 12–13.

грехом¹, вся прощена нам в таинстве крещения, со всем, что наделали мы до того, повинувшись ей словом, делом и помышлением; и после сего эта немощь нисколько не вредила бы нам, хоть и была бы в нас, если бы мы никогда ни в чем не слушались похотей ее, ни словом, ни делом, ни тайным согласием, пока, наконец, уврачевалась бы и она сама, и исполнилось в нас: *да придет Царствие Твое*. Но поелику *искушение есть житие человеку на земли*², то хотя мы и далеки от явных прегрешений, но случается, что увлекаемся вслед движений греховных словом, делом или помышлением. Бодрствуем мы против больших грехов, но прорываются, по какому-либо невниманию и неосторожности нашей, маленькие грехи, которые, однако ж, если собрать все, то они не могут не тяготить нас. Вот по причине их-то и те, которые всегда ходят в путях Божиих, молятся искренно: *остави нам долги наша*».

Стих четвертый

Ты заповедал еси заповеди Твоя сохранить зело.

В трех предшествующих стихах святой пророк указал общий очерк нравственно-религиозной жизни, с чего она начинается, через что проходит и чего достигает. С четвертого стиха

¹ Рим. 7, 7—15. — ² Иов. 7, 1.

начинаются его богомысленные и молитвенные обращения к Богу по всем сторонам и всем частностям этой жизни.

На первом месте поставлено первое и главнейшее, именно, обязательство к *зельной*¹ ревности о хранении заповедей, *зельно* заповедуемых. Эта ревность есть неистощимый источник добрых дел и всей богоугодной жизни, есть купина, горящая в сердце и не сгорающая. Заградите источник — прекратится течение освежающей и оживляющей воды; подавите ревность — престанет всякое доброделание и всякая мысль о богоугождении. Погасите огонь — не станет ни света, ни тепла; погасите ревность — душа не будет лежать ни к чему доброму, совсем охладает к жизни по Богу. По такой существенной важности ревнования о хранении заповедей, прежде всего о ней и упоминает святой Давид. Но, чтобы поддержать ее, тут же напоминает он, что такая *зельная* ревность потому обязательна, что сами заповеди *зело*² заповеданы, *зельное* заповедание заповедей естественно вызывает и *зельное* хранение их. Слово *зело* блаженный Августин относит и к *заповедал*, и к слову *сохранити*, хотя очевидно более и прямее идет оно к последнему.

Таким образом, Бог *зело заповедал заповеди*, то есть заповедал нам их не как нечто только более полезное и более гожее, а как дело существенно

¹ Сильной. — *Ред.* — ² Сильно, точно, тщательно. — *Ред.*

необходимое, без которого для нас неизбежна гибель. Вот вам тесный путь заповедей: идите им, и придете в живот. Но есть и широкий путь беззакония; если им пойдете, то он ввергнет вас в вечную гибель. *Зело заповеданы* заповеди и в том смысле, что Господь нигде и никогда не показал равнодушия к исполнению их; не мимоходом, так сказать, проговорил их, держа Себя потом так, что Ему как будто дела нет, исполняют ли их или нет; а, дав заповеди, ревнует о том, чтоб они были исполняемы. Для того и громы и молнии при законодательстве; для того угрозы и действительные страшные казни неисполнителям и благословения исполняющим их. Потому-то святые Божии и исповедали, что Он есть *Бог ревнитель*. К заповедям Своим вот в какое отношение ставит Он Сам Себя: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесте; аще ли не хотите и не послушаете, мечъ вы пояст*¹. Помяни изгнание из рая, потоп, Содом и Гоморру, пагубу египтян, истребление хананеев, плен вавилонский, разорение Иерусалима и храма с рассеянием народа еврейского и многие подобные суды Божии на грешников, и ты не можешь не сказать, что Бог заповеди Свои заповедал *зело*.

Если не станешь холодно относиться к таким событиям, то не можешь и сам не сделаться *зельным* ревнителем хранения заповедей. *Зело*

¹ Ис. 1, 19–20.

заповедавший заповеди Господь требует, чтоб и мы *зело* хранили их.

«Такое *зельное* хранение, говорит патриарх Анфим, требует, чтобы мы со всяким тщанием и постоянным усердием, без ропота и рассеяния, хранили заповеди; не кое-как, прибавляет Феодорит, а во всей точности, — требует, чтобы мы не с рассеянною мыслию и беззаботным сердцем действовали в кругу заповедей, но всеусердно, со всем вниманием, тщанием и попечительностию исполняли повеления Божия, с благоговением к Тому, Кто дал их; только при этом наши дела послужат к нашему преспеянию¹ в вере. Если же мы будем делать их с нерадивым сердцем и умом, занятым другими помышлениями, то только внешне, членами тела будем исполнять долг, что, по причине сердечной небрежности, не имеет достоинства богоугодного действия», как замечает святой Иларий.

Таким образом, указание на *зельное* хранение заповедей предостерегает нас не от явного нарушения их, а от неисправного, неполного, неугодного Богу исполнения их и, следовательно, граничащего с их нарушением.

Больше всего погрешаем мы в этом отношении бессердечностью. Дела исправны, но в них не бывает сердца, да и душа-то не всегда. Потому-то мы встречаем у святых учителей наших

¹ Преуспеваю. — *Ред.*

беспрестанное напоминание: смотри, чтобы где тело, там было и сердце с умом. Кладешь поклон — и в сердце благоговейно падай перед Всевидящим и Вездесущим; подаешь милостыню — делай это с сердцем, обращенным к Тому, Кто готов невидимо принять ее, если так поступишь; прощаешь обиду — прощай, понимая ее как епитимию, посланную от Бога для исходатайствования тебе самому прощения. Так и во всем, во всех делах должно быть присуще истинное благонастроение внутреннее, от которого получает всю свою цену и внешняя деятельность.

Великое наше счастье, что мы все обращаем в форму и не только тогда, когда начинаем с формы, увлекаясь одним подражанием, но и тогда, когда начинаем действовать с настоящим строем сердца. После нескольких приемов делания одного и того же с участием сердца сердце начинает равнодушничать, мысль блуждать и дело делается только по форме. Этим недугом могут страдать все благочестивые навыки, даже те, которые сопряжены с своего рода трудами и тяготою в исполнении. Как же быть? — Никакого против этого нет средства, кроме наложения на себя такого правила, чтобы всегда начинать только, не думая, что делаемое когда-либо было сделано. Всякий раз, приступая к нему, приступай как в первый раз. Когда святой Павел говорил, что он простирался вперед, забывая все заднее,

то хоть и не сказал он, что потому и стремится вперед, что заднее забывает, а в существе дела это так. Положивший себе такой закон приобретает навык все делать усердно, с сердцем и вниманием, и избегает того приговора, который изрекается в Апокалипсисе: *ни тепл еси, ни студен, изблевати тя от уст Моих имам*¹.

То несомненно, что постоянное, горячее ревнование о хранении заповедей есть дело благодати Божией, она возбуждает его, она и хранит; но это не значит, что нам самим можно и руки опустить. Напротив, наш долг постоянно разжигать самих себя собранием разнообразных побуждений к хранению заповедей и обложением ими сердца своего. Это будет то же, что подкладывать дрова в горящую печь. Когда будет такое усилие с нашей стороны, то и благодать будет воздействовать, превращая наше малое в большое; а когда не будет, то и благодать отойдет. Часто спрашивают: от чего охлаждение? — Да всегда почти от того, что сознательно, по рассеянности, допущена небрежность в том деле, к которому оказалось охлаждение. Это есть внутреннее наказание от вразумляющей нас благодати.

Стих пятый

Дабы исправился путь мой, сохранить оправдания Твоя.

¹ Апок. 3, 16.

Исправились — стали прямыми, приняли правильное направление. *Путь* — все шаги мои, все начинания и предприятия, все, что ни замышляю делать, и внутренний строй, и внешние деяния. *Сохранить* — так то есть, чтобы я, восприяв эти оправдания в совесть, осуществлял их потом всею своею деятельностью, чтоб они составляли душу всех моих дел. *Оправдания Твоя*, то есть то, что Бог почитает правым, *елика истинна, елика честна... елика доброхвална, аще кая добродетель и кая похвала*¹; или еще: *что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная*².

Таким образом, пророк выражает желание быть во всем исправным пред лицом Бога и всегда благоугождающим Ему посредством хождения во святой Его воле.

Но сила стиха сего не в этой исправности и богоугодности, а в воззвании: *дабы*, которое, по святому Афанасию, употреблено вместо: *о, если бы; о, если бы исправилсь пути мои!* Не говорит: *о, если бы исправил я пути свои*, но *исправились*, какими — Господь весть судьбами. Этим выражается то, что хотя желание-то и есть, да сил нет. *О, если бы!* — это то же, что «помоги Господи, дай силу, ниспосли благодать Свою». Блаженный Августин говорит по этому поводу: «Иные думают, что в стремлении нашем к святости вся помощь свыше ограничивается лишь сообщением

¹ Флп. 4, 8. — ² Рим. 12, 2.

нам ведения о заповедях, так что, познав их, мы без особой уже благодати, одними своими силами, можем исполнять их. Для вразумления таких святой пророк выражает здесь желание высшей благодатной помощи к хранению заповедей Божиих уже после того, как им приняты были заповеди Божии, о чем сказано в предыдущем стихе. Он как бы так говорит: «Я уже получил заповеди, которые Ты заповедал хранить *зело*; я знаю их; но *заповедь Твоя свята и праведна и блага*; я же продан под грех, который и *благим мне содевает смерть*¹, если не поможет благодать Твоя. Помоги же!»

Сказав впереди, что Бог обязывает нас к *зельному* хранению заповедей, *зело* Им заповеданных, святой пророк не прибавил никакого заключения, вроде, например, такого: «итак, будем ревновать»; это он сам для себя изрек, молча, в сердце своем, давая пример сделать то же и всякому, самому же. Дело очевидное: Бог повелевает — тварь должна повиноваться без рассуждений. Но, понуждаясь на это, он встречается с шаткостью намерений человеческих, с немощами и бессилием человеческой воли, опытно им дознанных, и вопиет о помощи свыше — благодатной.

И это есть второй производитель деятельной богоугодной жизни, рядом со своею усиленною.

¹ Рим. 7, 12–13.

ревностью о том. Дело жизни богоугодной сплетается обоими ими нераздельно. Ни благодать без наших свободных усилий не станет помогать, ни наши усилия ничего прочного произвести не могут без благодати. Дело совершается при сочетании свободы и благодати. Не спрашивай, что больше, что меньше, что начинает, что последует, потому что этого не постигнуть нам; но просто содержи, что то и другое равно необходимо, когда одно без другого ничего в нас не может сделать.

Спешి поскорее выполнить, что от тебя зависит, подобно святому пророку Давиду, который сказал сначала о ревности, а потом возвал и к благодати. Божие всегда готово, лишь бы мы были готовы. Потому-то и не усиливает он своего моления, а только взывает: *о, когда бы исправилась пути мои!*

Припоминаются при этом сравнения, которые так пригодно подбирает святой Макарий для выяснения той истины, что ревновать — ревнуй, но помни, что без помощи свыше ни в чем не успеешь — ни в общем ходе жизни, ни в частных делах. Ищущий, но бессильный — это у него то больной богач, окруженный своими близкими, которому ни они со всем своим доброжелательством, ни он сам со всеми средствами помочь не могут и вынуждены послать и сыскать врача, знающего дело; то дитя, которое есть ли хочет или другого чего желает, будучи не в силах

сдвинуться с места, кричит только, чтобы мать услышала; то имеющий нужду переплыть чрез реку, который ищет пригодного к тому судна.

Всем этим убеждает он, чтобы мы не надеялись на себя, а искали Божией помощи и благодати. Казалось бы, нечего и убеждать, и, однако ж, на деле бывает так, что пока человек живет в нерадении, дотоле он чувствует себя сильным и держится той мысли, что ему сто́ит только начать, и все в себе он сам переправит. Даже начав дело исправления себя, все еще полагается на свои труды, все еще много приписывает своим усилиям и многого ожидает от них. Уже довольно спустя, когда, добросовестно трудясь, увидит, что все как-то не сплетается, он начинает переходить на надежду и предание себя Божию изволению и попечению, и опять-таки не вдруг, а понемногу, ибо все думается ему: на что же мне и силы? Наконец, уже выбившись из сил и не находя желаемого и ожидаемого, бросает он свои оружия и остается с одним воплем: *имиже веси судьбами, спаси мя!* — доходит то есть до того, в чем стоял святой пророк Давид, когда взывал: *о, когда бы исправилась пути мои!*

Стих шестой

Тогда не постыжуся, внемла призрети ми на вся заповеди Твоя.

Не постыжуся — не посрамлюсь, не буду пристыжен тем, что начал и отстал, не доведя дела

до конца. Что же начато? — Начато ревностное хождение во всех заповедях. Постыжается кто если или совсем перестает идти сим путем, или не все то делает, что должно. Перед кем стыд? — Пред совестью, пред Богом, пред ангелами, пред святыми на небесах и пред собором земных благоговейников, потому что живой союз со всеми ими неотлучен от сознания ревнителя доброй жизни; он чувствует себя ходящим под взором их. Потому, сколько правое хождение веселит и ободряет, столько уклонение от пути истинного постыжает при мысли о том. Внутренний стыд — от уступок страстным внушениям и влечениям; внешний — от поползновения на дела неподобные, высший — от того и другого. И не убежать от этого стыда, ибо тут совесть, от которой ни заповеди ведомой скрыть нельзя, ни дела сделанного припрятать. Не то, чтобы вследствие сего и делать все лишь с тем, дабы не ударить себя в грязь лицом; но ведь и положение ударившего себя в грязь лицом довольно срамно и не может не остерегать. Человек — творение высшего достоинства; этого он не может скрыть от себя, но это должно вести его не к тому, чтобы величаться, а к тому, чтобы держать себя по достоинству, что можно и без величания. Святой пророк говорит только, что пребуду на непостыдном пути, если буду призирать на все заповеди Твои, Господи.

Блаженный Феодорит пишет: «Плод законопреступления есть стыд. Так сказал и божественный апостол: *кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитесь?*¹ А исполняющие все Божии заповеди имеют дерзновение в совести». Святой Амвросий выводит на среду прародителей и говорит: «Молись, чтоб исполнить тебе все заповеди и не быть посрамлену. Уж был ты покрыт стыдом во Адаме и Еве; уже чувствовал себя обнаженным и спешил прикрыться лиственным; уже подавлял тебя срам наготы, и ты покушался укрыться от лица Божия. Стало быть, знаешь, как тяжел стыд преступления заповеди: позаботься же ходить во всех заповедях Божиих».

Но сила стиха сего в слове — *призрети*. Сначала святой пророк указал возжелавшему пожить богоугодно весь путь жизни, изобразив его начало, продолжение и конец; потом снарядил его в путь, возбудив ревность и облекши благодатною силою; теперь дает ему напутственные наставления, то есть, что надо иметь, дабы пройти успешно начатый путь. На первом месте поставляет он строгое внимание; ибо *призрети* значит устремлять на что-либо взор, приковать его к тому. Собранное внимание — условие успеха и во всяком деле. Кто руками делает, а мыслями блуждает, тот и не скоро делает и часто ошибается; тем больше неизбежны остановки, пропуски

¹ Рим. 6, 21.

и ошибки в нравственной деятельности, при рассеянности внимания. Вниманию много дела. Надо внимать и тому, что происходит внутри, и тому, как текут дела во вне, и тому, что миновало, и тому, что ожидается. В настоящем стихе святой пророк указывает на внимание к заповедям, внушая, что надобно вперить взор в заповеди, — и не постыдишься. Итак, прежде всего надо так настроиться, чтобы внимание исключительно было занято заповедями. Есть много дел, и человек неизбежно многоделен, но не все дела одного ранга: есть дела и приделки. Приделки делаются мимоходом, а дела со всем тщанием. Пророк требует, чтобы заповеди были главным делом, а все прочее — приделком. У кого что есть главное, тот тем постоянно и занят, — ест ли, пьет ли, ходит или сидит, даже во сне то видит. Так и заповедями должно оковать все свое внимание, а прочее все иметь как мимоходное.

При этом само собою разумеется, что, вперив внимание в заповеди, надо не просто смотреть на них, а смотреться в них, как в зеркало. «В заповеди Божии, говорит блаженный Августин, — читаешь ли ты их, или в памяти воспроизводишь, — надобно смотреться, как в зеркало, по апостолу Иакову, который при этом заповедует быть не слышателями только закона, но паче творцами»¹. Смотреться в заповеди, как в зеркало,

¹ См.: Иак. 1, 22–23.

надо для того, чтоб, увидев, каким должно быть, соответственно тому и настраивать себя. При посредстве заповедей надо вообразить норму богоугодной жизни и осуществлять ее, надо нарисовать идеал совершенства и копировать его в себе. Апостол Павел говорит: *теку не на безвестное*¹. Он ясно видел, что выйдет из его трудов, чего достигнет, и тем воодушевлялся. Это и всякому надо иметь; и всякий, верно текущий, действительно имеет это. Святой Марк Подвижник говорит, что первый наш враг есть неведение, а второй — забвение. Забываем, кто мы и каковы должны быть, и предаемся беспечности. Слышатель забывчивый, который, усмотрев лицо свое в зеркале, тотчас забывает, каков он, не сделает никакого успеха в хождении по совершенному закону свободы².

Кто, таким образом, призирает на все заповеди, тот никогда не возмечтает о себе и никогда не скажет: «довольно», а кто, вместо их, начнет всматриваться в то, что около его, тому трудно удержаться от самомнения. Впадший же в эту язву самодовольничает, останавливается, осуждает. За это отступает от него благодать; срываются, как псы с цепей, страстные позывы; беспомощный, если тут же не возвратится к покаянию и воздыханиям, предается в руки падения — и падает. Вот и постыжение. Кто призирает на

¹ 1 Кор. 9, 26. — ² Иак. 1, 23–25.

заповеди показанным образом, тот до этого не дойдет, — не постыдится.

Стих седьмой

Исповемся Тебе в правости сердца, внигда научити ми ся судьбам правды Твоея.

Тут выражается второе требование для успешного течения путем Божиим: научение или навык узнавать судьбы правды Божией и соответственно тому действовать. Правда Божия — это заповеди: судьбы правды Божией — это Божии присуждения и определения, что, когда и как должно быть делаемо, дабы служить делу богоугождения и спасения, а не разорять его. Это определяется известным у святых отцов *разсуждением*. Оно-то и есть второе требование для успеха в деле Божиим.

Это рассуждение, или умение определить, как в каком случае поступить наилучшим образом, приобретает не вдруг, а постепенно. Вначале приступающий к делу Божию обыкновенно сам не рассуждает, а все спрашивает у умеющих рассудить, как это бывает и во всяких житейских делах и начинаниях. Но потом, при строгом внимании, о котором предложено в предыдущем стихе, и при опытах руководства, дела за делами, благоплодно совершенные, дают душе навык и самой определять кое-что. Навык этот растет вместе с преспеянием жизни и наконец устанавливается; приобретается внутренняя правота,

которая прямо и верно определяет, что и как делать; дух правый обновляется во утробе, то есть в сердце очищенном.

Это рассуждение имеет два отправления: одним различаются помыслы, другим угадываются указания промышления Божия, то есть чего хочет от нас Бог тем или другим случаем и обстоятельством, ибо все от Него, и все строится ко благу нашему, во спасение нам.

Кто хочет точнее узнать, что такое различие помыслов, тот пусть читает книгу ответов Варсонофия и Иоанна — прозорливых затворников. Относительно всякого дела помыслы могут двояться и троиться — по какому же поступить? Если бы выступал страстный помысл так, как он есть в сравнении с нестрастным, тогда определять было бы легко; но обыкновенно у того, кто стал внимать себе, страстные помыслы не являются в своем виде, а всегда под благовидным прикрытием. Потому-то всегда есть опасность действовать будто по добру, а между тем это будет по страсти. В помянутой книге всевозможные случаи обсуждены богопросвещенным умом прозорливых старцев; там представлена подробная наука, как угадывать судьбы правды Божией в этом отношении.

Второй предмет рассуждения — узрение промыслительных указаний во всем, касающемся нас, от мала до велика, от влиятельных на нашу

участь событий в жизни до мелочных встреч, — основывается на той, несомненно истинной уверенности, что все, с нами бывающее, бывает по Божью изволению. Поставляя нас в те или другие обстоятельства, Господь ожидает, чтобы мы поступали достойно попечению Его о нас. Он везде есть, следовательно и с нами; а будучи с нами, смотрит, сумеем ли мы поступить так, как Он того желает. Состоя таким образом под испытательным и назирающим оком Божиим, мы не можем действовать как попало, а должны обсуждать, чего именно хочет от нас Бог в том или другом случае, и соответственно тому поступать. Строгое внимание к своим собственным случайностям и действие всегда в духе самоотверженной преданности в волю Божию дают, наконец, навык верно определять намерения Божии о нас. Мирская мудрость называет подобное сему действие благоразумием, но рассуждение духовное нередко идет наперекор всем соображениям благоразумия человеческого; от того оно является иногда буйством¹, будучи, в существе дела, мудрее всякой мудрости.

Так приобретается, наконец, как уже сказано, дух правый, или правость сердца. Тогда исповедание Богу совершается уже в этой правости, так как она стала неотъемлемым достоянием. Исповедание Богу имеет много источников. Здесь не

¹ Простотой, невежеством. — *Ред.*

о них речь, а о качестве исповедания. Когда приобрету, говорит, навык узнавать судьбы правды Твоей, или приобрету правость сердца, тогда и исповедание мое будет в правости сердца, — искренно, с детскою простотою и чистотою; или, как пишет блаженный Феодорит, «тогда в состоянии буду принести Тебе чистую песнь, когда познаю все суды Твои и буду жить согласно с ними». Почему так? — Потому, что и по внутренним движениям, и по внешним случайностям, при означенном рассуждении, он осязательно удостоверяется, что окружен всегда самым внимательным и благоутробным Божиим попечением, и вследствие того всецело предает себя в руки Божии, упокоеваясь в них, как покоится дитя на лоне матери. Так как все Божие идет во благо нам и так как это ощущается сердцем, то отсюда и непрестанное благодарение и славословие. Здесь — *исповемя Тебе* значит, как говорит Феодорит, — буду благодарить, или, как изъясняет Августин, буду славословить Тебя и за такое попечение, и за самый навык — узреть судьбы правды Твоей.

Это исповедание может указывать и на то делание внимающих себе, которым они, сознавая, что состоят под всеблаговолительным попечением Божиим, представляют Богу душу свою как она есть, со всеми немощами и недостатками, и молятся исправить их, если то угодно и как

угодно всесвятий Его воле. Блаженный Анфим Иерусалимский разумеет здесь под исповеданием исповедь всех своих преткновений, от которых никто никогда не свободен, чтобы оказаться чистым и неукоризненным в день Страшного суда Божия, не в большом только, но и в малом. С этим граничит тот непрестанный вопль ищущих спасения, который выражают они словами: *имиже веси судьбами, спаси нас, недостойных!*

Стих восьмой

Оправдания Твоя сохраню: не остави мене до зела.

Здесь выражается третье требование для успеха в деле богоугодной жизни: мужество, с каким надлежит приступить к таковой жизни. Этими словами святой пророк выражает то же, что святой Павел: *вся могу о укрепляющем мя*¹.

Без мужества нельзя и начать такой жизни, так как она исполнена трудностей и окружена врагами спасения. Начинаящий хоть и начинает только, но не безызвестен о том, что имеет встретить: не ласки встретит он, а рыкание львов, бросающихся поглотить его. У кого нет воодушевляющего мужества вступить в борьбу со всеми этими противностями, тот с первых же шагов возвратится назад. У какого борца при одном взгляде на противников руки дрожат и подламываются ноги, тот уже пал прежде начала борьбы. Так и в духовной жизни.

¹ Флп. 4, 13.

Где же взять такое мужество? — В уповании на Господа. Путь, на который вступают ищущие угодить Богу и спастись, есть путь Божий. Бог благоволит к нему, покровительствует всем идущим по нему и блюдет их. Все на этом пути уготовал Он в пособие им и ожидает только вступления на него, чтобы снабдить их всем нужным. В чувстве этой, всегда готовой свыше, помощи и говорит решающийся работать Господу: *оправдания Твоя сохраню*, только Ты не оставь меня *до зела*. Это же внушает пророк и всем: *мужайтесь*, говорит он, *и да крепится сердце ваше, вси уповающи на Господа*¹.

Не оставь *до зела*, то есть, *совсем*. Бывают Божии оставления, испытательные и наставительные, когда Господь отдаляет несколько благодать, или сокращает и скрывает действия ее, для испытания и обучения произвола воли. Когда благодать приосеняет, тогда все спеется, и в помыслах, и в чувствах, и в делах. Человеческая немощь, нередко присвоивая это состояние себе, впадает в самомнение и самодовольство, и тем отступает от истины и кривит дело жизни. Чтоб этого не было или чтобы прекратить его, когда оно уже зачалось, благодать, попечительная о спасении ищущих Господа, желающая, чтобы все они стояли в разуме истины и в правоте настроения, отстраняется по временам и оставляет

¹ Пс. 30, 25.

человека одного с своими естественными силами. Вслед за этим тотчас начинаются нестроения внутри и беспорядочность во вне. Внимающий себе не может не заметить оскудения, как раздетый на холоде не чувствовать, что ему стало холодно, не может не разуметь и того, от чего это. Потому, если допущено самомнение, тотчас кается внутри пред Господом, а если не допущено, то исповедует свое бессилие. В том и другом случае приступает к молитве, и не отступает, пока не возвратится благодать и не восстановит его благонастроения; или, если это не удастся, упокоивается в предании себя Господу, осудив себя, как недостойного, на такое состояние и воодушевляясь терпением нести его хотя и с болью сердца, но покорно, пока Господу угодно будет воззреть на него милостивым оком Своим и снова просветить тьму его.

Совсем другого рода отступление наказательное. Там благодать хоть и прекращает свое действие, но сама тут и готова с помощью; а здесь она совсем отступает от человека и предает его падению его. Это бывает всякий раз, когда совершается смертный грех, и человек нераскаянно пребывает в нем, несмотря на вразумления; но если покается, то и он бывает принят снова в милость, смотря по покаению. Петр пал и, покаившись, снова принят был в благодать; Иуда пал, но поелику не покаился, то был совсем оставлен

и погиб. Так благодать оставила и народ иудейский за противление Богу и богоубийство.

Вот для того-то, чтобы быть избавлену от такого страшного оставления, святой пророк и обещается, при всех других случаях оставления, пребыть терпеливым и постоянным хранителем заповедей Божиих. *Сохраню*, — только не отступи от меня, не оставь меня совсем. Но так как ради грехов отступает благодать, то тут сокрыта и другая молитва: не дай мне пасть таким падением, за которое праведно Ты оставляешь грешников. А это то же самое, что — *оправдания Твоя сохраню*, если Ты поможешь мне всегда хранить их. Не другой смысл может иметь и воодушевленное мужество вступающего на путь богоугождения. Не самонадеянность одушевляет его, а крепкое упование на Бога, при уверенности, что решается идти или идет уже верным путем, зная, что это оправдания Господни, которые правы, что это закон Господень, который непорочен, что это свидетельство Господне, которое верно¹. При такой уверенности он не может не чувствовать, что идет по твердой почве, что путь его освещается свыше и ограждается сию и сию² безопасностью. Вот и мужество! Вот и крепость сердца!

Пересмотрев, таким образом, все первое восьмистишие, мы находим, что в нем один предмет — указание основных начал богоугодной жизни.

¹ Пс. 18, 8—9. — ² С обеих сторон. — *Ред.*

Первые три стиха определяют степени, по которым восходит эта жизнь до последних своих высших совершенств; следующие два (4—5) обозначают производительные силы этой жизни, как-то: *зельную* ревность и Божественную благодать; последние три (6—8) выясняют требования или условия к преспеянию в этой жизни: внимание, рассуждение и мужество в Господе. Тут вся наука жизни истинно нравственной и духовной. Святой Амвросий, приступая к толкованию сего восьмистишия, справедливо говорит: «первая литера

К *алеф*, что значит *наука**. Таким образом, внимательный читатель должен наперед содержать в мысли, что эти стихи совмещают в себе полную науку о нравственных началах.

ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Изъяснение стихов первого восьмистишия шло без всякой натяжки, как это видит всякий. Это заставляет думать, что представляемое ими единство содержания не случайно, а преднамеренно, то есть стихи эти писались и подбираемы были так, чтобы выражать одно — главные

* По другим, *алеф* значит *вождь*. И это не против содержания сих стихов, ибо выраженные в них положения точно суть вожди в деле богоугодной жизни. — *Авт.*

основы святой жизни. Хоть заключение от этого одного восьмистишия к прочим 21 и не слишком состоятельно, но мы не можем удержаться от предположения, что, может быть, и в них, при всей видимой разрозненности содержания стихов, всегда проводится одна мысль и что она намекается значением буквы, которою они начинаются. Делаем опыт над вторым восьмистишием.

Д Вторая буква *бет* значит *дом*. Предполагаем, что в стихах его указывается, какой дом должны мы приготовить для заповедей, где и как упокоить их в себе. Руководясь этою мыслью, можем признать, что первым стихом указывается как дом для вмещения заповедей вся природа человеческая, и наипаче во время юности, когда она еще не успела испортиться; а последующими стихами — по частям разные способности души: воля — стих 10, сердце — 11, ум — 12, слово — 13, чувство, вкус — 14, рассудок — 15, память — 16. При самом разъяснении очевиднее будет, как все это есть. А что душевные способности могут иметь точно такое отправление в духовной жизни, указание на то находим в притчах, где говорится ученику премудрости: *ты же напиши я (заповеди) себе трижды, на совет, и смысл, и разум* (то есть на этих трех силах и действиях души, и вообще), *на широте сердца твоего*¹.

¹ Притч. 22, 21.

Написание это означает напечатление, приятие внутрь, как в дом.

Стих девятый

В чесом исправит юнейший путь свой? Внегда сохранити словеса Твоя.

Еще не успел жить, а уж ему нужно исправление. Это, впрочем, не то значит, чтобы пророк предполагал тут юношескую испорченность, а то, что юность — такой возраст, который на все готов, быстродвижен и неудержим в своих порывах. Он советует поскорее захватить эти порывы и дать им доброе направление. Чем же? — Заповедями Божиими. Заповеди да будут юному тем, чем бывает узда для рьяных коней.

По слову Божию, *от юности прилежит человеку помышление на злое*¹, если не руководить; а если поруководить, то против помышлений злых всегда будут восставать добрые, и если дать юному хоть малый навык в добре, то добрые будут преодолевать злые. Премудрый говорит: *безумие висит на сердце юного*². Как гирия, тянет его к недоброму возбужденность желаний при легкости понятий о жизни и последствиях тех или других дел. Можно отрезать эту гирию и привесить другую, которая будет тянуть его на противоположную сторону, и тоже с неменьшею силою.

¹ См.: Быт. 6, 5. — ² Притч. 22, 16.

Неправо иногда говорят: «э, молодость! пройдет!» Но опыты противного в нас и перед нами. Пора бы нам образумиться! Говорят, что скудельные сосуды навсегда сохраняют запах первого, пропитавшего их вещества. Таков и человек в нравственном отношении. Направление и навык первых лет или остаются, или отзываются во всю жизнь. Не то чтобы получивший доброе направление не мог уже уклониться или худо направленный исправиться: благодать сильна и этого последнего переломить, а грех, при нерадении, может попортить и первого; но хорошо настроенный юноша, когда случайно совращается, многомного и внутри себя, и в ранних навыках своих имеет воззваний и воплей, вразумляющих и остепеняющих его. И сколько надобно условий, чтоб он остался в зле навсегда! Такие скоро образумливаются и, когда образумятся, скоро успевают исправить и воссоздать разоренное. Худо настроенные, особенно когда при страстных влечениях попортятся и понятия, не могут иначе возвратиться на путь добра, как особыми действиями Божией благодати, и притом всегда с болезненными переворотами и переломами. Но так как на такие воздействия нет закона, ибо они от свободы Божией, и так как полное влияние их на человека подлежит разносторонним условиям, то и видим, что из худо настроенных вначале редко-редко кто возвращается к добру. Если же кто

благодатию Божиею и обращается, то и начало этого обращения болезненно, и все последующее течение жизни исполнено борений. Правда, благодать все может. Мы имеем светлые примеры Моисея Мурина, Давида разбойника, Марии Египетской и других. Но лучше не искушать благодати Божией, потому что неисследованы пути ее.

Премудрый Сирах учит так: *чадо, от юности твоя избери наказание, и даже до старости обрящещи премудрость*¹. Воспринятые добрые начала, если строго держаться их, с течением жизни все больше и больше будут крепнуть, расширяться в приложениях и займут, наконец, все исходища² жизни и обымут все ее движения и проявления. В старости такой муж совершен, силен словом и делом. Какое богатое наследство!.. *А яже в юности не собрал еси, како можещи обрести в старости?*³ Так то благо есть, если человек *от юности возьмет на себя ярем заповедей*⁴. Будем же молиться Подателю всякого добра, *да даст незлобивым коварство, отфрочати же юну чувство и смысл*⁵.

Вот мнения о сем святых отцов и учителей Церкви. Блаженный Феодорит говорит: «Юность непостоянна и удобопреклонна к пороку, потому что обуревается разными волнениями страстей; потому имеет нужду в путеводителе, который бы

¹ Сир. 6, 18. — ² Источники. — Ред. — ³ Сир. 25, 5. —

⁴ Плач. 3, 27. — ⁵ Простым дать смысленность, юноше — знание и рассудительность (Притч. 1, 4).

направлял ее к пристани. А это свойственно словесам Божиим, потому что они, отвращая от путей противных, достаточны к тому, чтобы направить на путь Божественный. Что для молодого коня узда и ездок, то для юноши — Божественное слово».

Святой Амвросий пишет: «Не только взять должны мы ярем слова, но взять еще в юности. Если возьмем поздно, то нам придется более нести очистительные труды покаяния за прошедшее, чем услаждаться благодатию в настоящем. Предотвратим же это, проводя лета юности в благообразной исправности, чтобы каждый из нас в старости с доброю совестью мог при случае говорить: *Бог, Иже питает мя измлада даже до сего дне*¹, а не оплакивать с болезнию сердца прошедшие падения, вопия: *грехов юности моей и неведения моего не помани*². Этот последний врачует свои болезни, а тот исповедует силу здравия. Тому, кто берет ярем доброй жизни по прошествии лет юности, добро совершенное дается не вдруг, потому что его поджигают страсти, волнуют греховные навыки и пути заблудные не допускают его быть постоянным. Долго надо бороться такому человеку, чтобы подавить и искоренить зло, всеянное в юности и устаревшее». Святой Иларий учит: «Трудно отставать от навыков, отрывать от того, с чем сроднишься, и разрывать узы

¹ Быт. 48, 15. — ² Пс. 24, 7.

содружества. Лучше являться пред Богом чистыми не в силу отпущения грехов, а по самому неведению зла (неиспытанию страстей); зная это, пророк Иеремия, для восприятия ига заповедей, не ждет лет охладевшей старости, когда страсти замирают уже сами собою от пресыщения. Долголетнего воина желает он, желает, дабы раб Христов и вспомнить не мог, чтобы когда-нибудь побежден был грехом. В том, кто уже в старости берется за добрую жизнь, есть, конечно, дар снисходительного всепрощения падений, но нет утешений, которое доставляет добрая совесть воспоминанием о подъятых подвигах».

Столько-то необходимо юнейшему исправить рано путь свой! Успеть в этом он может, по указанию пророка, сохранением заповедей, или оправданий Божиих. Сохранить не то значит, говорит блаженный Августин, чтобы заучить и содержать в памяти, а то, чтобы исполнять их делом. Пусть каждый член тела и души возьмет свою заповедь и проникнется ею так, чтобы после он и двигаться не мог иначе, как по такой именно заповеди. Каждый член тогда делается хранилищем и домом своей заповеди, а все естество человеческое — домом всех заповедей. Так юноша делает естественно исправным путь свой и вместе с тем даст ему доброе направление и на все последующее время жизни своей, только еще начинающейся.

Стих десятый

Всем сердцем моим взысках Тебе: не отрини мене от заповедей Твоих.

Сердце, ищущее Господа, есть, в частности, первый в существе нашем дом для заповедей. О сердце говорится и в следующем стихе, но не в том же значении. Надо знать, что в древности сердцем означали всю внутреннюю жизнь, и потому, чтобы отличить, какая именно сторона этой жизни в каком месте разумеется под ним, надо обращать внимание на то, что ему придается. В настоящем месте придается ему искание, стремление, деятельность. Деятельная сила в душе есть воля — способность деяний, начинаний, предприятий. Посмотрите на себя с минуты пробуждения до засыпания, и вы увидите, что как ум постоянно занят помышлениями, так и воля деяниями и начинаниями; минуты не проходит без дела: то одно, то другое. Но можно действовать как попало, без разбору, и можно действовать разумно, сообразно определенным целям; можно действовать по самоугождению и человекоугодию, и можно действовать по требованию долга, заповедей, воли Божией. Пророк делания свои ведет по заповедям, как это видно из прибавляемого прошения: *не отрини мене от заповедей*. Целию же следования во всем заповедям он поставляет искание Господа; он говорит: «Всеми начинаниями и деяниями воли моей, которые всегда стараюсь

я вести по заповедям Твоим, ищу единого Тебя, Господи». Дела и начинания — внешняя деятельность; внутренняя сторона каждого дела и начинания есть заповедь, выражением которой они служат; душа же всех дел и начинаний — искание Господа.

Таким образом, первый дом заповедей — начинания воли. Припоминаю ответ святого Антония на вопрос «как спастись?»: «Что ни делаешь, сказал он между прочим, имей на то свидетельство Писания». Это все равно — что ни делаешь, делай по сознанию, что того требует заповедь Божия; и притом, что ни делаешь, — даже ешь ли ты или пьешь, — все твори во славу Божию, как заповедал апостол¹. А как сделать, чтобы все у нас шло по заповедям, тому научат внимание и рассуждение, о которых говорилось в предыдущем восьмистишии. Сядь и рассуди, и при свете заповедей Божиих определи, как тебе следует действовать во всех обстоятельствах и случайностях именно твоей жизни, и потом уже не отступай от этих определений, и будешь всегда ходить по заповедям и в воле Божией, будешь всем, и большим и малым, угождать Богу, приближаться к Нему, искать Его, — и обретешь наконец.

Поставив, таким образом, законом для себя каждый шаг свой, каждое дело и начинание вести

¹ См.: 1 Кор. 10, 31.

по заповедям, пророк молится: *не отрини мене от заповедей Твоих*. Что тут за мысль? Неужто Бог отрывает кого-нибудь от заповедей? — Да, возможно и по отношению к заповедям Божиим держать себя так, как держат себя иные в отношении ко храму. В храм Божий зовут, а не гонят из него. Между тем некоторые так поставили себя в отношении к нему, что Спаситель — воплощенная кротость — вынужден был взять веревку и выгнать их из храма. Представим себе, что воздвигание заповедей то же, что воздвигание виноградника: приглашаются делатели и делают; но приходит хозяин и, заметив, что иной не столько делает, сколько портит, говорит ему: «Ты, брат, поди-ка отсюда; я не хочу, чтобы ты работал, потому что ты только портишь». И тем с большим ударением скажет он это, если рабочий не раз уже оказывался дурным работником. Так и в отношении к заповедям: есть делатели непостыдные, есть делатели и никуда негожие: то ленятся, то пропускают многое из должного, то делают не для Господа, а по самоугодию, или чаще по человекоугодию; то делают рассеянно, кое-как, то с ропотом и неудовольствием, то с гордостью и самодовольством. Все такие делатели только портят дело, а не делают, и поистине достойны отринования. Как же бывают они отрвемы? — Конечно, не бичом, а отъятием благоволения. Настоящие делатели заповедей получают

внутренние утешения, чувствуют Божий покров над собою, испытывают Божие вспоможение; неисправные же делатели лишаются всего этого, а будучи лишены этого, уже не в силах исполнять заповедей, и потому совсем опускаются и предаются порокам. Таким образом, *не отрини мене от заповедей* есть то же, что — не лишай меня Твоего благоволения и Твоей благодатной помощи, ибо если лишишь, то это будет для меня то же самое, что отгнание от делания заповедей.

Почему же пророк выразил так свою мысль? — Выражение это взято от чувствований кающегося. Кающийся, особенно несколько раз падавший и нарушавший обеты свои Богу, приступая к Нему, не может не сознавать своей оплошности, и хотя верует в милосердие Божие к кающимся, но не может не приходиться иногда к помыслам: «А что, если Бог не хочет больше меня принимать, изверился во мне и никакого не обращает на меня внимания, как ни бейся?» Особенно естественны такие помышления, когда долго не видится никакого плода от трудов покаяния. «Бросил меня, думает человек, не хочет воззреть на меня милостивым оком Своим!» А Бог делает это для того, чтобы сильнее разжечь покаянные чувства и из них выделывать сильнейшую решимость быть уже всегда верным исполнителем заповедей Его.

Можно всему стиху сделать такой перифраз: «Ты, Господи, требуешь, чтобы мы все дела свои и начинания вели по заповедям Твоим, и в этом образе действия не другое что имели в мысли, как снискание Тебя единого. Кто не будет так действовать, того Ты не принимаешь и никакой помощи тому не оказываешь. Вот я всем сердцем моим, всеми делами и начинаниями воли моей, которые все веду по заповедям Твоим, Тебя единого ищу: не лиши же меня Твоего благоволения и Твоей благодатной помощи, иначе выбьюсь из сил и брошу. Я имею то, что требуется от меня; не лиши меня и того, что Ты обетовал от Себя». Это похоже на то, что сказал Господь: *имущему дано будет и преизбудет; от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него*¹. Святые Амвросий и Иларий пространно выясняют именно эту мысль. Решимость быть всегда верным заповедям и в исполнении их искать единого Господа делает из души крепкий сосуд, достойный приятия Божией благодати, которая имеющим такое настроение всегда и дается, и силою своею делает то, что они всегда, самым делом, являются верными заповедям, как вначале хотят быть верными Ему только в намерении. Настроение — это словно магнит, привлекающий большее, или капитал, на который можно закупить все потребное с избытком.

¹ Мф. 25, 29.

Стих одиннадцатый

В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе.

Сердце, покоящееся в себе, как сила любви, есть, в частности, второй дом в естестве нашем для заповедей. Можно исполнять заповеди официально, можно исполнять их по расчету или по ригористическим урокам рассудка, без участия во всех таких случаях сердца. Пророк говорит здесь: «я не так действую; заповеди для меня не внешняя, определяющая власть: она во мне; я принял их в сердце и возлюбил их. Действуя по ним, я действую по сердцу и, действуя по сердцу, действую по ним».

Если возьмем при этом во внимание притчу Спасителя о семени слова, то настоящим местом будет выражаться не то семя, которое пало при пути или на каменистой почве, а то, которое пало на доброй земле и принесло плод во сто, шестьдесят и тридцать крат. «Скрытое в глубине сердца, говорит святой Афанасий Великий, оно не боится похищения от врага, или, прозябнув, пожжения зноем настелей и противностей». Глубоко пустило оно корни, и исходящее из него произрастание богоугодной деятельности полно жизни и крепости. Какой член нежнее сердца? А между тем ничего нет надежнее того, что идет из сердца. Когда заповеди в сердце, то исполнение их идет неопустительно и притом

в самом благообразном и привлекательном виде.

Великое совершенство — иметь заповеди скрытыми в сердце! Надобно, однако ж, знать, что это совершается не так скоро, как скоро говорится и даже как скоро образуется желание того. Сердце ближе и сочувственнее страстной стороне. Для того чтоб оно, отрешившись от нее, обратилось все к заповедям, надо его преобразовать: одно из него исторгнуть, а другое внедрить. Заповедь говорит: будь смиренномудр, кроток, правдолюбив, чист, миролюбив, терпелив и проч., а сердце то гордится и тщеславится, то гневается и ненавидит, то пристращается и похотствует, то вздорит и ропщет и проч. Пока оно таково, нельзя сказать, что в нем скрыты заповеди, потому что, если б это было, то не только дел, но и чувств и помыслов, противных заповедям, не было бы внутри.

Как же преобразовать сердце? — При усердном желании, трудом и терпением. Но надо заметить, что труд — наш, а самое дело преобразования — от благодати. С самого начала, как только решит кто содевать свое спасение богоугодною жизнью, — совесть тотчас принимает к исполнению все до одной заповеди, и большие, и малые, и требует этого от всего человека и от всех его сил или членов, которых касается известная заповедь. Обычный ход дел наших таков:

мысль, сочувствие, желание, дело. Сочувствие стоит на переходе к желанию, а желание предшествует делу. Положим, приходит нуждающийся: совесть тотчас требует удовлетворить его, но сердце, не знающее еще сладости доброделания и не отставшее от любостяжания, не изъявляет должного к тому сочувствия и идет наперекор. По причине несочувствия не рождается и желание, а без желания и руки опустились. Так в этом случае, так и во всех других. Сердце по природе сластолюбиво. Пока оно не вкусит от чего-либо сладости, до тех пор не может иметь к тому сочувствия. Не было у человека должного делания по заповедям — сердце и не знает сладости в этом; потому-то и тогда, когда человек уже решился делать все по заповедям, сердце не изъявляет к тому сочувствия, и, таким образом, прекращает и самые дела по заповедям, и, следовательно, само себя лишает возможности вкусить сладость от делания заповедей. Как же быть? — На первых порах надобно действовать наперекор сердцу, по одному требованию совести, силою воли разумной, подкрепляемой благодатью Божиею, нагибая себя, так сказать, на делание заповедей, как гнут нагретую трость, когда это нужно. Святой Макарий Великий многократно повторяет уроки, что, кто хочет успеть в доброделании, тот должен нудить себя на всякое доброе дело, наперекор сердцу, уверяя, что дело,

которое мы делаем вначале с самопринуждением, слюбится ему, и мы начнем его делать уже по сочувствию к нему сердца, потому что оно стало находить в том удовольствие.

Поступая так в отношении к одной, другой, третьей заповеди, исполнение которых будет встречаться по течению нашей жизни, человек приучает сердце находить в них сладость, поселяет в нем сочувствие к ним, или, что то же, самые заповеди вселяет в сердце и скрывает их в нем. Чем больше трудов и опытов исполнения заповедей, тем большее число их переходит в сердце, а наконец и все они находят там жилище себе. Такой человек может тогда исповедать: «В сердце моем скрыл я все заповеди».

«Так, значит, это все свои труды, а благодать-то где же?» — Труды точно свои, но плод производит благодать. Благодать с минуты обращения и принятия таинств крещения или покаяния уже присуща человеку, но входит в существо его и проникает силы его не иначе, как вслед за напряжением усилий человека. Когда человек делает все свое, тогда приходит благодать и совершает то, чего он сделать не в силах. Привить заповедь к сердцу так, чтобы она неисходно там была и заправляла самим сердцем, это уж дело благодати. Сам человек, сколько бы ни трудился, сделать этого не может. Таким образом, при всех трудах человека, преобразование сердца совер-

шается благодатию, и только ею одною. Вот где существенное различие христианина от язычника.

Но и без трудов и подвигов в делании заповедей благодать не станет ничего прививать к сердцу, оставляя его таким, как оно было, со всеми страстными вкусами и влечениями, хотя человек такой и крещен, и принимает другие таинства. Вот где разница христиан, проходящих труженические подвиги, и христиан, не считающих необходимым стеснять себя, хотя и ведущих себя честно! Закон духовной жизни таков: на что нет подвига, того и благодать не дает, хоть и с одним подвигом ни в чем не успеешь.

Когда, таким образом, к сердцу будут привиты все заповеди, так что они составят существенное его содержание, тогда и сердце, вместе с совестью, станет требовать исполнения их. Как вначале оно во всем поперечило совести, так теперь станет вторить его требованиям и влечь к делам, предъявляемым известною заповедью. Вот почему пророк и сказал, что он скрыл в сердце своем слова Божии, чтоб не согрешать перед Ним. Сердце, говорит Зигабен, само уже не допускает до того. Пророк указывает, что принял самый надежный способ к тому, чтобы не оскорблять Бога нарушением Его заповедей, а чрез это и всем внушает: «Хотите не прогневать Господа грехами — скройте заповеди Его в сердце». Но,

конечно, здесь же подразумевается и тот урок, что если возжелаете достигнуть сего, то надобно употребить и те приемы, какие оправдала духовная опытность потрудившихся в том.

Стих двенадцатый

Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим.

Третий в естестве нашем, в частности, дом для заповедей есть богонаученный ум. *Научи*, дай понять, сообщи и умение действовать, дай уму моему знать заповеди и все относящееся к ним, — и видеть, как в каком случае должно мне действовать, чтоб ум мой был светом, освещающим пути жизни, и верным руководителем по ним; особенно благоволи, дабы в уме моем не было шатких колебаний, предположительных мнений, а все утверждалось на непоколебимых убеждениях.

Научи оправданиям, или заповедям. Когда действуют, можно одни заповеди иметь во внимании; но когда хотят познать заповеди, тогда нельзя ограничивать своего взора одними заповедями, а непременно надо обозревать всю область истины, чтоб заповеди в уме не висели ни на чем, или не были насыпаны в него, как песок, бессвязно, но входили как необходимый элемент в состав истины и сочетались с ним живым союзом так, чтобы нельзя было коснуться одного, не колебля вместе с тем и всего.

жится голова и упадешь; так нельзя вести жизнь должную тому, у кого в голове непрестанно возникают предположения: «Да полно, не вот ли как надо? Не лучше ли вот этак? Да ведь и вот как можно!» А кто, совсем поколебавшись в некоторых истинах, думает по-своему устроить жизнь богоугодную, тот похож на человека, который, строя дом, кладет между здоровыми венцами и гнилые. Снаружи такой дом представляется и новым, и прочным, а на самом деле обречен уже падению; так точно и жизнь такая только с виду добра, но уже несет в себе свое осуждение. Таким образом, вот в чем сущность прощения! Пророк просит, чтобы в нем не было никаких колебаний, но чтоб он ходил среди этих истин, как тот человек, который, вышедши на улицу, чувствует, что земля под ним есть и что он стоит на ней твердо, есть и все окружающее его, есть и небо над ним, — и на мысль ему не может прийти, чтобы во всем этом чего-нибудь не было.

Но как же пророк просит об этом после того, как уже скрыл в сердце словеса Господни и все начинания свои ведет по заповедям, ища единого Господа? Так действовать нельзя без ведения, о котором он просит только теперь. — Но и в тех своих добрых навыках, в ведении всех дел и начинаний по заповедям и в любви к ним разве установился он вдруг? Приступая работать Господу, он не имел ни того, ни другого; сознавая же

необходимость того, конечно, молился: «Господи, дай мне все дела вести по заповедям! Господи, склони сердце мое возлюбить заповеди!» Господь услышал молитву его и даровал ему просимое. Там он выражает то, что возымел уже в конце трудов, а здесь указывает на то, что бывает в начале искания сего блага, — ведение с убеждением. Он как бы внушает: «я сказал — *взысках, скрых...*», но не подумал бы кто, что это вдруг так и случилось, — нет, предшествовали тому труд и молитва. Дело шло так, как я выражусь сейчас в отношении к приобретению ведения: *благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим.*

Этим последним благом преобразуется ум, а двумя первыми — воля и сердце. Замечательна последовательность! Она взята с жизни. Ум один никогда не знает вполне истины; она всегда у него в виде предположительных воззрений. Исключая чрезвычайных Божиих воздействий на душу, и богоугодная жизнь обыкновенно начинается при таком состоянии ума. Но потом, вместе с жизнью, эти воззрения начинают переходить в живые убеждения: они зреют, множатся и расширяются по мере навыка воли вести дела и начинания свои по заповедям и по мере возрождения сочувствий сердца к заповедям. Исполняются ли последние — полнота водворяется и в первых. Впрочем, строго судя, нельзя сказать, что впереди и что позади: они все вместе зреют,

не отставая друг от друга. Строит же это внутреннее здание Господь благодатию Своею, при всевозможных, без жаления себя, усилиях со стороны человека, — строит жилище, в которое, наконец, Он приходит и вселяется с Отцом и Духом Святым, как Сам обетовал: *к нему приидем и обитель у него сотворим*¹.

Стих тринадцатый

Устнама моима возвестих вся судьбы уст Твоих.

Это четвертый в существе нашем дом для заповедей Божиих — слово, потому что оно есть дом мысли и чувства. Так как у пророка уже все внутри занято заповедями Божиими, уста же изрекают только то, что есть внутри, то, как ни заведет он речь, она сама собою вся идет у него только о заповедях Божиих. *Возвестих* — возвещал, возвещаю и буду возвещать. Я таков, что то и дело возвещаю и не могу говорить ни о чем другом, как только о судьбах Твоих, и о предметах посторонних я рассуждаю не иначе, как в том же духе.

Пророк говорит тут, как о деле, уже установившемся в нем, давая нам урок, какие речи вести при встрече друг с другом, во взаимном собеседовании. Если же в Ветхом Завете Божеское так сильно занимало богобоязненную душу, не тем ли более должно оно занимать христианина,

¹ Ин. 14, 23.

когда Бог несравненно большее и осязательнейшее явил к нам приближение Свое в воплощении Бога Слова и в ниспослании Святого Духа, силы Которого и действуют в нас по вере верующих? Но так ли это на деле? Случись какое-либо чуть-чуть выдающееся событие в житейском или гражданском быту — у нас умолку нет, только и речей, что о нем, хоть бы оно совсем нас не касалось; а дивное дело спасения, Богом для нас устроенное и в каждом из нас долженствующее действовать, не занимает нас нисколько. Обойдите нарочно целый город — вы нигде и слова не услышите о том, и если сами заведете речь, то ее постараются замять и обратить на другой предмет. Таким образом, если судить о нас по тому верному началу, что от полноты сердца уста глаголют, то можно подумать, что в сердце у нас совершенная пустота и что дело Божие не принялось в нем и не оставило никакого следа. Что же такое после этого крещение наше? Что столько раз повторяемое говение, исповедь и причащение Святых Таин? Что хождение в храмы Божии и все молитвословия? — Стыдно, вишь, не принято! — А вот же царь, занятый управлением народа, всегда окруженный высшим обществом, не стыдился говорить о делах Божиих, не стыдился возвещать судьбы уст Его. Если Бог не стыдился изрекать нам суды Свои для нашего блага, то как же нам стыдиться

изрекать их? Какой-нибудь мало-мальски видный человек скажет что-нибудь и не совсем важное, мы поставляем себе в честь вклеить его слово в наш разговор, а то, что Бог изрек устами Своими, будто бы унижит нас, если мы то повторим!.. Да уж не дошли ли мы до того, что и богобоязненным совестно говорить при нас о Божиих судах, чтобы не метать бисера пред ...?

Между тем богаче, утешительнее и назидательнее предмета для бесед и быть не может, как судьбы уст Божиих, то есть все то, что Господу угодно было сказать нам, сделать для нас и учредить среди нас для нашего спасения. Деяния Христа Спасителя и святых апостолов, судьбы Церкви, жития мужей славных в христианстве по учению и делам, пути Промысла Божия, многообразные случаи в жизни каждого из нас, где виден перст Божий, — вот предметы для бесед христианина с христианином! И сколько отсюда истекало бы силы к благоустроению каждого лица в частности и потом целого общества!

Ни к чему так легко не относятся, как к слову, а между тем речи наши всегда оставляют след по себе, и в говорящем, и в слушающем. Это — семена целого ряда помышлений, из которых вырастают намерения и, наконец, дела; это — рычаг, которым приводятся в движение все соотношения лиц между собою. Речи добрые созидают,

благоустроят, укрепляют в добром; речи злые расстраивают и расслабляют все доброе и готовят на злое. И пусторечие, хотя и пусто, не остается без плода: оно делает пустою душу, а пустая душа к чему способна? Понятно после сего предостережение апостола, как бы словом гнилым не оскорбить Духа Святого, которым знаменовались мы в день избавления.

Стих четырнадцатый

На пути свидений Твоих насладился, яко о всяком богатстве.

И еще дом, или, прямее, места и поприща, на которых осуществляются заповеди Божии, на которых вы всегда встречаете ревнителей о богоугождении и где находят они пребывание приятным для себя. Без утешений нет никого на земле: всякий ищет и находит их по своему вкусу. Один идет гулять в увеселительный сад, другой в театр, третий на вечер, четвертый в ученое собрание и тому подобное. Где же сладостнее быть богобоязненному ревнителю хождения в воле Божией? — На пути свидений Божиих: то в храме Божиим, то в больницах, странноприимницах, богадельнях, то на должности, то дома — в благочестивых занятиях, то на богомолье в местах святых. Как вошедший в дом, полный всяким добром и довольством, утешается тем, что встречает все, в чем привык находить

для себя удовольствие, так и ревнитель о богоугождении находит удовольствие быть в указанных местах, находя в них удовлетворение образовавшемуся в сердце его вкусу: там — утеха, там — рай его. «Ничто не пленяет меня в настоящей жизни, говорит он с пророком, ни злато, ни достоинства, ни почести, ни могущество! Вместо всего свидения Твои, Господи, для меня и веселие, и богатство».

Так, «многотруден, говорит блаженный Феодорит, путь добродетели, но весьма вожделенен для усердно идущих по нему. Потому-то и Владыка наш Христос сказал: *возмите иго Мое на себе... Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*»¹. Можно так думать, что в словах: *яко о всяком богатстве* берется в сравнение только удовольствие от получения богатства с удовольствием пребывать на означенных путях свидений Божиих; и можно вместе с тем доразумевать, что пребывать на означенных поприщах и прибыльно столько же, сколько прибыльно тому, к кому течет всякого рода богатство. Обыкновенно иные думают, что бывать в церкви есть напрасная трата времени, а между тем не может быть лучшего употребления времени, как пребывание в храме Божиим, и кто бывает там со вниманием и усердием, тот приобретает в несколько часов столько, сколько вне его не дадут долгие и многие труды.

¹ Мф. 11, 29 — 30.

Иные, когда видят иждивающего достояние свое на больных, нуждающихся и требующих помощи, думают, что это напрасная трата, а между тем ничто не может быть прибыльнее такого употребления богатства, потому что, по слову Божию, поступающий так полагает свое достояние в руки Бога Самого, предпосылая его в вечные кровы и собирая там на будущее сокровища неветшающие. То же следует сказать о держащих строго посты, говеющих и ходящих на богомолье: «истощаются, измождают себя», обыкновенно говорят о них, а между тем никто не тучнеет так в духе, как они.

Насладился... вкусил сладости и доволен. Опыт всех времен говорит, что только те и бывают довольны, которые находят удовольствие быть на путях свидений Божиих; они всегда веселы, всегда в ровном расположении духа, без вспышек, без восхищений. Другие радости восхищают до того, что человек забывается и думает, будто в рай попал, но это лишь на минуту. Такие радости скоро переходят в неопределенную тугу сердца, которая истребляет и память о них. Это общая участь всех радостей не духовных и не подчиненных духовным интересам. Нет в них того, чем бы мог удовлетвориться дух, а дух — главное в человеке, и, когда он не удовлетворен, человек доволен быть не может; все равно как если бы считающему себя голодным не дали

любимого блюда, хотя бы других и много было. Ухищряются размножить утехи, но этим только успевают заглушить, заморить на время духовный инстинкт. Проходит пора утешная, и дух снова берет свою силу, разбрасывает все утехи и начинает томить человека за то, что он не внимает ему, не хочет доставлять ему свойственной, удовлетворяющей его пищи. Вот вам и Сампсон новый! В забытии он дал опутать себя, а потом, как опомнился, — одно движение, и все разлетелось¹.

Стих пятнадцатый

В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя.

В предыдущем стихе началось указание дома упокоения не для заповедей, а для тех, кои ревнуют об исполнении их, и указывается, в каких местах и в каких занятиях находят они себе покой и удовлетворение. Пред этим сказано, что все наслаждение их — бывать на путях свидений Божиих; возвратясь же к себе в дом, чем бывают они заняты? — Сядьтся исследовать возникающие вопросы о жизни, в ее отношениях к заповедям и делам веры. Урок об этом пророк дает им словами: *в заповедех Твоих поглумлюся.*

Поглумлюся — ἀδολεσχῆσω. По-славянски, в иных случаях, это слово переводится так: присесть,

¹См.: Суд. 15.

сидеть за делом со вниманием и терпеливо, усидчиво трудиться над разрешением чего-либо. Еврейское соответствующее тому слово означает: совопросничать, взвешивать предыдущее и последующее, причины и действия, средства и цели, и притом так, чтобы, отвлекшись от всего, одним этим и быть занятым. Таким образом, здесь указывается на богомысленное размышление, которому обыкновенно посвящают несколько уединенного времени боголюбивые люди, в видах разъяснения всего соприкосновенного исполнению заповедей или делу богоугождения, которым они заняты, принимая в руководство при сем слово Божие, отеческие писания и советы мужей опытных.

Вопросов и недоумений смутительных кто может избежать? И кто может сказать, что он взвесил всевозможные случайности и наперед знает, как когда поступить? Таким образом, частью для разрешения родившихся вопросов, частью для предупреждения их, а всего более для питания духа богомысленными созерцаниями, как только улучишь время, садись и углубляйся в истины Божии, читая при этом или слово Божие, или отеческие писания. Самое лучшее время для этого утро и вечер, а способ совершения сего делания молитвенный. Молитвою начни, в молитвенном настроении продолжи и молитвою кончи. Ангел хранитель найдет при этом возможность

вложить в ум твой нужное именно тебе и собственнно в твоих обстоятельствах.

Иные определяют себе читать оттуда столько-то, оттуда столько-то и читают много. Мысли освежаться могут и при этом, но польза получается не вся, а нередко чтение обращается почти в бесплодный процесс. Лучший порядок следующий: возьми стихок, войди в него всем вниманием и разлагай его на возможные благопомышления. Это первое дело. В родившихся мыслях ищи сторон, которыми могут они повеять на сердце и привлечь его к себе. Это второе дело. Затем извлеки себе из них уроки и проведи их по твоей жизни, намечая себе, что там так-то надо поступить, а там — так-то. Этим способом стихок пройдет своим содержанием через всю душу и, вышедши из нее, войдет в жизнь в свое время.

Вот единственно плодоносное богомысленное размышление, конечно, не спешное, но дающее больше всякого многочтения и многомышления. «Да этак, скажут, много ли успеешь начитать и обсудить?» — Не много, да много. Иного стихка станет на два и на три приема, иной и неделю займет. Но зато, что так добывается, то становится неотъемлемым, приснопитательным достоянием духа. Иной стихок столько дает от себя света и тепла, что будет возгревать дух многие дни. Дело здесь идет не о научном чтении, а об углуб-

лении в Писание, в видах созидания духа и разъяснения многосложных путей жизни. Научникам долг велит много читать, а ищущие созидания духа никак не должны позволять себе читать много.

Основательнее мог бы иной возразить: «Не могу рассуждать, непривычен». Но кто на свете не рассуждает! Возьмите самого простого человека, и тот рассуждает, конечно, в кругу своих дел. Сказанное занятие предлагается уже вступившим на путь заповедей и довольно осмотревшимся на нем. Стало быть, в этой области они не совсем чужие и могут поэтому рассуждать, при всей простоте своей. Дело не в неумении, а или в лениности ума, или в его завистности, по которой он хочет захватить побольше и поскорее. Первое оставляет ум в бездействии, а второе подавляет его. Избегающий того и другого, берется за труд обсуждения со смирением и понемножку все подвигается вперед, обогащаясь знанием практической жизни, твердым и многосторонним. На нем исполняется в точности ожидание святого пророка от такого рода занятия: *и уразумею пути Твоя*. Живущий с разумом по зернышку собирает уроки мудрости духовной, чрез углубление в заповеди Божии, и доходит, наконец, до ясного ведения порядков жизни по Богу, приобретая, наконец, возможность и иных научать, даром что простец и наук никаких не проходил. Опыты

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

этого рассеяны по всей истории людей Божиих в Церкви Христовой.

Стих шестнадцатый

Во оправданиих Твоих поучуся, не забуду словес Твоих.

Это третье занятие, в котором боголюбивая душа находит покой и сладость. Оно похоже на предыдущее, и, однако ж, разнится от него существенно. Там говорится: *поглумлюся* (стану исследовать усидчиво), а здесь — *поучуся*; там плодом занятия ставится — *уразумею*, а здесь — *не забуду*. *Не забуду* — дело памяти, — отсюда рождается наведение: *поучуся*, значит буду заучивать.

Поучуся — *μελετήσω*. Припоминаю: еще для первых учеников святого Антония положено было правилом заучивать на память несколько псалмов тотчас по приходе их в пустынь; потом внушалось: когда ты в келлии не занят или идешь куда-нибудь, то перечитывай на память заученные псалмы. Это называлось *μελέτη*. У нас в славянских отеческих книгах часто читается заповедь: имей сокровенное поучение — *μελέτη*. Это значит: собери внимание и повторяй непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» Применяя это значение слова *поучаться* — *μελετάω* к нашему тексту, мы можем принять, что в нем внушается заучивание мест Писания на память и повторение в свое время заученного, чтобы не забыть словес Божиих.

Святой Василий Великий свидетельствует, что в его время заставляли детей на память заучивать некоторые псалмы и притчи. Делается ли что-либо подобное у нас? Делают ли что подобное даже принявшие на себя ярем подвижничества?.. Да, во многом мы отстали от древних спасительных обычаев! Но это не умаляет цены делания, указываемого в настоящем стихе. Оно значит вот что: обсужденные, по предыдущему тексту, стишки из Писания заучивай на память, и заученные повторяй, как только свободны ум и слово. Еврейское слово, соответствующее слову *поучуся*, значит — с сладостию вращать в уме и на языке, как, например, вращают во рту конфеты. Такое занятие можно предложить всем, ищущим искренно угождать Богу во всем.

У нас многие из подвизающихся читают в домах или келлиях Псалтырь. Это отчасти отвечает уроку нашего стиха. Может быть, сюда же можно отнести и молитвословие домашнее, частное, келейное. Но прямее оно значит: нарочито избирать места Писания для заучивания и потом повторения их в уме.

Этим последним занятием заповеди, занявшие уже все силы души, займут и память и освятят ее. Благо отсюда неописанное! Один из старцев сказал, что живущему в мире трудно достигнуть умирения помыслов, потому что он видит много зла, которое, оставаясь в памяти, непрестанно

http://Lib.kdais.kiev.ua

теснится в его внимание и тогда даже, когда он сидит один, воротившись домой. Какая толкотня помыслов у мирян, об этом и говорить нечего. Святой Макарий уподобляет состояние их умов трясению и помыканию зерен пшеницы в решете. Те, которые остепеняются и начинают идти путем заповедей, отделяются от дел чисто мирских, но от помыслов много страдают, особенно вначале. Помыслы не дают им ни молиться, ни читать, ни рассуждать, — все отбивают от настоящего дела. Как же от этого избавиться? — Лучшего способа нет, как изгнать злые памятования памятованиями добрыми... Как много помогает в этом случае заучивание на память мест Писания — и сказать нельзя. Тут происходит с душою то же, что с слабыми фруктами, когда их просахарят. Сахар, проникнув все поры их, и сладость сообщает им, и сохраняет от порчи. Так и душа, пропитанная заученными словесами Божиими, отбрасывает порчу срамных и пустых помыслов и в сладость исполняется памятованием о вещах Божиих.

Может быть, этим разрешается и вообще вопрос об умиротворении помыслов; может быть то есть и все это дело состоит в том, чтоб помыслы худые и пустые заменить помыслами добрыми и спасительными, так как помышления о добром никогда не производят ни смятения, ни омрачения в уме и сердце, а одно созидание и благонастроение. Если принять это, то вот и правило для

новоначальных, как быть с помыслами: заучивай поскорее и поболее мест Писания, особенно слов и дел Христа Спасителя, и повторяй их чаще.

Но есть состояние, которое дается людям, сподобившимся ощутительного действия благодати, и при котором бывает особый мир внутренний, где уже нет и доброго многомыслия, а все поглощается единым, и во всем водворяется единство и простота, не допускающая никакой множественности, не только в желаниях и чувствах, но и в помыслах. Над ними уже здесь начинает исполняться то, что сказал апостол о жизни будущего века: *и будет Бог всяческая во всех*¹.

Третья буква *гimmel* значит *верблюду*.
 Верблюду — самое сносливое вьючное животное. В этом отношении уподобляются ему труженики на пути заповедей, пока они еще не вошли во вкус этой жизни. Святой Антоний Великий, рассуждая о таких лицах, прилагает к ним слова другого псалма: *скотен бых у Тебе*² в том смысле, что они несут труды жизни по Богу, а плодов ее еще не вкушают: тянут это иго, как подъяремное животное. Такое состояние в

¹ 1 Кор. 15, 28. — ² Пс. 72, 22.

новоначальных, кажется, у всех неизбежно; исключений очень мало. Но оно находит и на тех, которые уже начали испытывать доброту богоугодной жизни, именно тогда, когда ни мыслей, ни чувств, ни желаний добрых не бывает: душа будто замерла и, озираясь кругом, видит себя отчуждаемую от всех и всем чужою. К этому присоединяется иногда натиск внешних неприятностей, которые отяжеляют внутреннее недоброе состояние. Преодолевают все это верность данному слову и обету, с уповательным терпением.

Все это пророк и изображает в настоящем восьмистишии, которое и можно озаглавить так: *о притрудностях*, встречаемых на добром пути, внутренних и внешних, или о тяжелых состояниях, испытываемых при этом.

Стих семнадцатый

Воздаждь рабу Твоему, живи мя, и сохрани словеса Твоя.

Воздаждь — не то, что воздай за что-нибудь, как бы за подъятые труды, а дай по милости благопотребное, и дай полно, с избытком, как говорится и в других местах Писания: *не забывай всех воздаяний Его*¹, всех обильных благ Его, или *благодарить возблагодарить*². Говорящий так сознает себя рабом Богу, не видит, чтобы наперекор совести выступал когда-нибудь из воли Его; но видит в

¹ Пс. 102, 2. — ² Ин. 1, 16.

себе оскудение духовной жизни: душа замерла, мысли помрачились, потому и вопиет: *воздаждь*, дай снова благо отшедшее, возврати потерянное, исполни меня, опустевшего. Таким образом, слова эти можно отнести ко всему восьмистишию. Пророк говорит как бы так: блага были и отошли; возврати их снова, живи мя, просвети очи, *отыми понос¹ и уничижение.*

Живи мя... Грешник, пока пребывает в грехе, мертв для Бога и для жизни по Богу, хотя в других родах жизни и многодеятелен, и многосведущ. Когда благодать Божия пробуждает его, тогда в нем начинаются первые движения духовной жизни, а когда, покайся, полагает он жить потом по заповедям Божиим, — начинается и самая жизнь. Но на первых порах она малоощутима. Мертвенность греховная вокруг еще так осязательна, что не дает ощутить живности в духе. Со временем приходит это чувство жизни о Господе и сопровождается радостью жизни. Но продолжается не всегда непрерывно, а идет перемежающимся порядком и почасту пресекается. Когда пресечется, душа ниспадает в мертвенность, становится совсем как мертвая, и мертвенным холодом веет от нее: никакого проявления духовной жизни. Это и неприятно, и страшно, ибо когда духовное замирает, то оживает плотское и греховное, а тут враг около, — долго ли до

¹ Поношение, бесчестие. — *Ред.*

падения? Вот об этом-то состоянии и речь у пророка.

Воздаждь рабу... и *живи мя*, раба Твоего, это, конечно, то же. У человека не одна жизнь, а три: плотская, душевная и духовная. Над всеми ими высится сознание разумно-свободное. Когда дух, пробуждается действием Духа Божия, тогда человек сознанием и свободой переходит в дух или на сторону духа и закрепляет пребывание в этом чине жизни обетом в крещении или покаянии, говоря в первом: «Отрицаю сатаны и всех дел его и сочетаваюся Христу Господу», и во втором: «Согрешил, не буду». В изображаемом пророком состоянии душа замерла, не видно движений духовной жизни; но сознание с свободой сокровенным действием совести держится на стороне духа. Они исповедуют себя рабами Господа и помышления не имеют выступить из этого чина или переступить за черту его к противникам: только не видят под собою обычных проявлений жизни по Богу. Эта внутренняя верность Господу и дает им дерзновение вопиять ко Господу: *оживи*, и питать надежду, что оживит.

Состояние омертвения души иначе называется состоянием нечувствия. Ничем ее не расшевелишь: и благое ее не привлекает, и страшное не страшит. Как же быть? — Терпеть и молиться, исповедуя свою немощь.

Это состояние есть точное изображение на опыте того, что есть человек сам по себе, без действия благодати. Отстранилась немного благодать, и человек стал никуда негод. Затем это так и делается, чтобы человек потверже заучил и никогда не забывал, что и тогда, как он бывает в добром состоянии, сам по себе все никуда негод, и если является имеющим нечто, то все-таки то не его, а придано ему со вне, хотя и так, что навсегда может остаться в нем, если не впадет в грех присвоения чужого.

И сохранию словеса... и тут не перестает он хранить их, но бессердечно, как машина, — как машина стоит на молитве, как машина исполняет и другие дела заповедей, какие встречаются. Для состояний подобного рода закон такой: никак ни в чем не отступай от заведенных порядков; терпи и молись. Перетерпишь — придет опять оживление от Господа, и начнешь опять хранить словеса Божии, но уже не как машина, а как живое лицо, от сердца, по охотным начинаниям, с охотным и приятным трудом в исполнении их.

Стих восемнадцатый

Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего.

Дух человека, имеющий назначение жить в Боге и к Нему возводить всего человека, по падении слеп. Хотя в нем неизгладимо существует

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

уверенность в бытии Бога, с сознанием всесторонней зависимости от Него и обязательства благоугождать Ему всячески неуклонным следованием внушениям совести, в надежде, соответственной трудам, будущей по смерти жизни; хотя есть в нем все эти стихии духовной жизни, как видим из всех языческих религий, но все они покрыты темнотою и неопределенностию так, что на основании их скорее можно выразиться так: носит дух человека непоколебимое убеждение и чутье, что есть нечто высшее и совершеннейшее, что есть порядок вещей и дел чистейший и блаженнейший; но что оно именно есть, того он не знает, а ищет только с уверенностию, что это не пустое искание. Какое-то покрывало лежит на нем и мешает ему зреть истину вещей тех. Потому-то и естественна ему молитва: *открой очи мои*.

Когда человек приступает к Господу, тогда возьмется с духа его покрывало, и он ясно видит все то, чего искал гадательно. Блаженства, какое доставляется этим прозрением, описать нельзя, как это свидетельствуют испытавшие его. Но как исшедший на свет из темного места считает и небольшой свет очень ярким, осмотревшись же, начинает находить его умеренным, — так и в духе: побыв в открытом первоначально свете духовном, он доходит до чувства, что хотя он уже и видит, но видит зеркалом в гадании, как

засвидетельствовал святой Павел¹. Потому и просветленному во Христе Иисусе никак не излишня молитва: *открой очи мои*.

Но по характеру этого восьмистишия можно тут разуместь некоторое другое покрытие очей духовных, именно — временное омрачение и ослепление ока умного, бывающее в людях, живущих по Богу, или наказательно, или поучительно. Человек бывает ослеплен или в отношении к себе, или в отношении к другим, или в отношении к текущему ходу вещей, и верит, что оно так и есть, как ему кажется, и стоит за то, и держит себя по смыслу такой уверенности; тогда как на деле оно не так: истина сокрыта от него, покрывало лежит на очах его, потому он и не видит. После открывается истина, и ходивший тут же и не видевший ее в недоумении окаявает себя за то, что видя — не видел, и научается таким опытом не доверять своему зрению и, невзирая на то что ходит во свете, искренно с болезнию сердечною молится к Подателю Света: «*открой очи мои... дай мне видеть истину о себе, о других и о всем, окружающем меня, чтобы по чувствам и делам держать себя в истинно должном чине, а не мнимо-истинном*».

Особый вид ослепления духовного временного есть *завенние*. Святой Марк Подвижник часто горько жалуется на этого врага и других предо-

¹ См.: 1 Кор. 13, 12.

стерегает от его козней. Приходит враг и уносит из внимания спасительные, возбуждающие и остерегательные помышления; забывает человек, что он, куда идет, что его ожидает, кому работает, под чьим взором живет и действует, и по причине такого забвения начинает действовать, как бессмысленное, резвое дитя. Не всегда это сопровождается большими ошибками, но всегда от этого падает внутренняя энергия и расстроивается весь строй духовный. Вот и повод к молитве тем, которые искренно ищут совершенства: *«открый очи мои, дай мне всегда держать пред очами ума, во внимании моем, что я безответный грешник, что око Твое всегда обращено на меня и видит всего меня, что вот-вот смерть, и я должен буду вступить в мрачные места истязаний, потом предстать пред Тебя и выслушать Твое определение о мне; дай помнить это, чтобы неослабно действовать во спасение свое, пока время, и крепче держаться за спасительный крест, в силе которого вся моя надежда»*.

У кого глаза открыты, тот видит окружающее, как оно есть. У кого открыты умные очи, тот видит Бога и Божественный порядок вещей, разумеет, в чем он и чего от нас требует. Это и разумеет святой пророк, когда говорит: *и уразумею чудеса от закона Твоего*.

Стих девятнадцатый

Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя.

Пришлец я на земле — эту мысль всякий должен носить в сердце своем; не имею здесь пребывающего града, но грядущего взыскую; отечество мое не здесь: тут я случайно, на время, странник. Прямое отсюда следствие такое: если я странник, то мне нечего здесь заводитья всем на долгие лета или навсегда, что ко всему здесь я должен относиться, как к чуждому мне, не касающемуся меня, держать себя так, как в гостинице: отдыхать лишь, а там опять в путь; делать все мимоходом и принимать, как мимоходное, имея одно только в мысли и желании — безостановочно шествовать верным путем в свое отечество.

Эта мысль, если не всегда зарождает, то всегда поддерживает и раздувает зародившееся желание обращения и ревнования о спасении. Но по образовании решимости содевать свое спасение богоугодною жизнью она становится необходимою стихией нравственно-духовной жизни. Вступивший на этот путь причисляется самым делом к Иерусалиму небесному и тамошним, так сказать, начинает дышать воздухом. Если так, то чувство странничества наземного не должно отходить от него; потому что, как только отойдет оно, человек выступает из своего чина, — из

тамошнего, по сердцу, становится здешним и, переставая дышать тамошним воздухом, замирает, имея только вид, что жив, тогда как на деле мертв.

Ничто столько не пагубно для жизни по Богу, как забвение этой коренной истины, но ничто меньше и не помнится, как эта истина. Все мы подряд и думать не думаем, что живем здесь на время, и всего заготовляем так много, или заботимся о всем здешнем так, как бы и конца не было этой жизни. Молиться бы надо: «Не скрой от нас, Господи, той истины, что всяк земля есть и в землю пойдет; не скрой, или не давай ей закрыться в уме и памяти суетною многозаботливостию». Но и молитва об этом не приходит на ум; молясь обо всем, об этом мы никогда не молимся. Так велико ослепление наше в этом отношении! Иным уже думается, что и вечная жизнь будет на земле и что сохранятся такие же отношения и тогда, какие в ходу теперь. Грубое неведение дела!

Другая соприкосновенная с странничеством нашим мысль — неведение, как действовать, и неприязненности на чужой стороне. Когда кто приходит в чужую страну, никому неизвестный и сам никого не знающий, не знающий чужих обычаев, — на него смотрят, как на чужого, и неродственно, и подозрительно.

Мы — странники на земле, и, казалось бы, следовало ожидать, что не знаем, как здесь жить;

на деле же кто лучше нас понимает это дело? Но ведь в таком случае мы уже не странники, а свои на земле; странниками становимся, когда возродится в нас тяготение к небесному отечеству, и мы станем отчуждаться от всего здешнего. Вместе с тем, рождается и забота знать, как быть, как держать себя, чтобы не запутаться опять здешним, но словом и делом являть, что мы странники и пришельцы. Вот такое-то недоумение и видит святой пророк в душе странника, и влагает ему усердную молитву: *не скрый от мене заповеди Твоя...* покажи то есть, как вообще должен я действовать и как поступать во всяком случае, чтоб не выступить из воли Твоей!

Тот, кто стал в духе странником, всегда встречает неприязнь. Нападающие явно, теснящие, гонящие не так опасны, как опасны невидимые враги, действующие на ум и сердце и благовидностью прикрывающие пагубные внушения свои. Ложь, страсть, явный грех легко разобрать; но внушения благовидные не всегда разгадаешь, не всегда увидишь, что под ними кроется. Как поступить во спасение, только Бог ведает, и только Он может раскрыть сплетение пагубное или прямо Сам, или чрез других людей опытных. В словах пророка это более и чувствуется в молитве. Странник я, говорит он, всюду враги: тот говорит туда иди, тот — туда; Ты Один, Господи, все знаешь: не скрой от меня, как мне поступить

лучше; скажи, какова воля Твоя о мне в настоящих обстоятельствах, чтобы не попасть в засаду!

Святой Марк Подвижник после нечувствия и забвения с ослеплением часто жалуется и на неведение, полагая в нем источник многих наших ошибок, падений и уклонений от правого пути в шествии нашем в небесное отечество наше.

Стих двадцатый

Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всякое время.

Возлюби возжелати, то есть сильно возжелала душа моя быть всегда охотною исполнительницею воли Твоей святой, всего того, что присуждаешь Ты мне делать. В этом случае стих этот будет представлять причину, почему так беспокоят молитвенника указанные пред сим недобрые состояния — нечувствия, ослепления или забвения и неведения. «Я, говорит, сильно желаю быть исправным пред Тобою во всякое время, а они мне мешают, останавливают, прерывают, уклоняют в другую сторону. Это и беспокоит меня; потому-то я и молюсь и вопию об избавлении от них». Но замечать такие состояния и чувствовать всю помеху от них в духовной жизни может только сильно возжелавший совершенства в ней, и не только возжелавший, но и преуспевший в ней сколько-нибудь и испытавший противопо-

ложные им состояния. Только такой человек при появлении упомянутых состояний и может заметить, что внутри произошла перемена, и перемена не к лучшему. Осязательнее всего видится это в омертвлении чувства или в состоянии нечувствия: тут будто жизнь пресекается. Тем же, которые не имеют такого желания и хоть небольшой опытности, и не в догадку, что это состояние дурное. Оно постоянно у них, и если изменяется как-нибудь, то в однородном круге изменений, так как нечувствие духовное не мешает быть чувствительным ко внешнему, особенно к разительным явлениям в области изящного. Духовное ослепление и забвение не мешают широко распространять пытливость и утешаться всесторонним ее удовлетворением. Неведение духовное не мешает быть научным знатоком внешних текущих дел и верным в своем роде оценщиком их. Такие бросающиеся в глаза проявления жизни мнимодуховной заслоняют истинно духовную сторону нашей жизни и не дают заметить ее отсутствия. Оттого и заботы нет о восстановлении ее в соответственной силе. Напротив, тот, кто имел, но потерял, не может не заметить ее отсутствия, и так как он возжелал ее всем желанием, то не может не тревожиться, не бояться за себя и не заботиться о возвращении того, что было и быть бы должно, но чего нет, как уверяет неложное сознание.

Таково отношение сего стиха к предыдущим трем, если *возлюбих возжелати* принять в значении «сильно возжелал». Но блаженный Августин дает этим словам такой смысл: «Разумная воля моя настоятельно требует, чтобы я желал; но желания нет, подобно тому, как больной разумно желает принимать пищу, но нет аппетита, и желудок не принимает пищи. Пророк говорит как бы так: знаю я, что следовало бы мне желать ходить в судьбах Твоих, и разумно требую этого от себя, и определил себя на то, но душа не отвечает этому и не имеет желаний». Здесь он представляет как бы болезнь свою душевную пред Бога, чая врачевания. В таком смысле настоящий стих будет продолжением изображения неудобств и препятствий, встречаемых на пути жизни духовной. На этом пути словно удары какие поражают по временам душевные силы, и они отказываются действовать по требованиям духа. Когда поражено бывает чувство, тогда появляется состояние нечувствия; когда поражен бывает ум, тогда он или слепотствует, или забывается; когда поражена бывает воля, тогда человек впадает в состояние разленения и неподвижности на дела по требованию духа. О первых двух сказано в предыдущем стихе; последняя же неужели пропущена? Вот для полноты-то изображения сих поражений может быть и лучше с блаженным Августином в настоящем стихе видеть указание на поражение воли нехотением.

Святой Марк Подвижник всякий раз, когда касается сих поражений, выставляет три — неведение или забвение, нечувствие и разленение. С чего это начинается — бывает неодинаково, но больше с забвения. От забвения — нечувствие; от того и другого — разленение или нерадение. Это полный апоплексический удар в душе. Но надо иметь в мысли, что все это бывает с людьми, стоящими на добром пути. О них и речь у святого пророка. У живущих по страстям эти три постоянно существуют, но не замечаются ими. Те же, о которых, собственно, говорит пророк, замечают свои изменения на худшее, жалеют о том и молятся; следовательно, они не из числа работающих страстям. Они вышли из того рабства и попали в эти недобрые состояния случайно. Вина, конечно, в них, но редко кто может сказать, отчего именно они находят. Господь же милостив, и кто, заметив такую худобу в себе, прибегает к Нему с сокрушением, к тому Он являет скоро Свое благоволение и восстанавливает внутреннее его в свойственном ему чине.

Стих двадцать первый

Запретил еси гордым: прокляти уклоняющися от заповедей Твоих.

Запретил — сказал то есть не гордитесь, и сказал с прещением, с угрозой, с определением строгого наказания. Зачем же говорится об этом?

Может быть, пророк продолжает речь о препятствиях к успехам в духовной жизни, и, сказав впереди о поражении душевных сил бездействием, говорит теперь о том, как может даже самая напряженная деятельность быть поражена, как проказою, гордостью, и предостерегает от того. Он говорит как бы так: знаю, Господи, сколько пагубна гордость и сколько она Тебе противна; потому молюсь: избавь меня от нее; иначе за нее отымешь Ты благодать Свою, а без благодати у меня пойдет падение за падением и стану я в ряд всегда уклоняющихся от заповедей Твоих, и пойду под клятву, изреченную Тобою на них: ибо проклят всяк, кто не пребудет во всех, писанных в законе, *еже творити я*¹.

То правда, что для начавших преуспевать самый опасный враг — самомнение и гордость, в связи с осуждением и презрением других. Добро так привлекательно и ценно в очах души, что, заметив в себе еще только начатки его, она уж и меры себе не знает. Но этим показывает она лишь неопытность свою и скудость, и скоро обличается в том праведным судом Божиим. Господь близ и вразумляет. Возмечтавший о себе почти тут же спотыкается в чем-либо, иногда не очень значительном. Если опомнится, дальнейших вразумлений и не последует, а если не опомнится, попускается восстать страстям срамным, дабы

¹ Втор. 27, 26.

осязательнее дать почувствовать, что рука Божия, покрывавшая его, отнята, и врагам открыт к нему свободный доступ. Это не то, что обречение на падение, а посрамление внутреннее перед собою за высокое о себе мнение. Вразумившийся в покаянии обращается к Избавителю и, вступая в чин униженных, возвращает себе и благодатный покров, а не вразумившийся нередко падает: горькое вразумление унижением!

Таким образом, можно и так понимать соотношение сего стиха; но, кажется, прямее будет, если разуместь стих этот не о внутренних искушениях гордостью, а о внешних искушениях от гордых. Тогда порядок в этом восьмистишии будет такой: первые четыре стиха будут говорить о внутренних препонах к преспеянию, а последние четыре — о внешних неблагоприятностях такому преспеянию, источник которых — гордость сынов мира сего, с презорством взирающих на смиренных тружеников в деле Божиим. В таком случае *запретил еси* — надо будет читать — *запрети*, в соответствии следующему — *отыми*.

Гордые, по святому пророку, почитаются образцовыми законопреступниками, ибо они, по слову его, законопреступничают *до зела*¹. Ревнителям об исполнении всякой правды Божией и дела бы до них нет, потому что и возбуждение к жизни по Богу, и поддержку ее они почерпают совсем

¹ Пс. 118, 51.

из другого источника, а не в каком-либо внимании людей мира; да и последним лучше бы держать себя так же в отношении к первым. Но им не терпится: всегда встречаются они в порядки людей Божиих то с вопросами — зачем то и то делается и держится, то нередко и с требованиями отстать от таких порядков жизни, которые колют им глаза. Это и заставляет многих из ревнителей благочестия оставлять обычное сожителство и удаляться в горы и пустыни, чтобы там или поодиночке, или братствами беспрепятственнее жить в трудах о спасении и богоугождении. Но для других неудобно такое отдаление, и они по необходимости остаются в сожителстве с людьми противного духа, терпя все неудобства от того, наипаче в духовном, а нередко и в житейском отношении. От лица их-то и вопиет святой пророк: *запрети гордым*; сделай так, чтоб они, если уже нет надежды на изменение их к лучшему, не касались нас; а так как им нельзя внушить этого словом, то дай им какое-либо внешнее вразумление. Тогда, видя покров Твой над нами, а себе готовое наказание, они, если не из благоговения к Тебе, не из уважения к закону Твоему и к ревнителям его, то хоть из страха потерпеть какое-либо зло непредвиденное, оставят нас в покое.

Слова *прокляти уклоняющихся от заповедей Твоих* иначе переводятся так: запрети гордым — этим подпадающим под клятву за уклонение от

заповедей Твоих, или этим уклоняющимся от заповедей Твоих и тем навлекающим на себя положенную за то клятву. Такой перевод как будто лучше подходит к течению речи, но и обычный перевод не представляет ничего затруднительного в этом отношении. Выйдет так: запрети гордым, потому что ведь уже положено правдою Твоею быть под клятвою тем, кои уклоняются от заповедей Твоих.

Стих двадцать второй

Отъими от мене понос и уничижение, яко свидений Твоих взысках.

Люди мира сначала не обращают внимания на людей Божиих, обнаруживая к ним лишь холодность, смешанную с презрением и нескрываемую неприятность встречаться с подобными людьми; но потом начинают поносить их и унижать, особенно тех из них, которые ближе к ним и больше других обнаруживают твердости в следовании однажды принятому образу жизни. Люди Божии готовы все это терпеть, и терпят молча, пока это остается без вреда для самого пути Божия, по которому они идут. Но когда уже дело доходит до этого, то они возвышают голос, только не пред людьми, а пред Тем, Кто назирает все пути человеческие, и просят Его снять с них понос и уничижение ради того, что от них он переходит и на те свидения, которых они взыскают.

Слова *яко свидений Твоих взысках* можно отнести и к *отыми*. Отыми поношение, потому что я свидений Твоих ищю; я Твой, Твоей воле следую, Твои повеления исполняю; защити же, так как Ты обещал не давать Своих в обиду. Можно относить их и к *поношению и уничижению*: за то, что я свидениям Твоим в точности следую, меня всячески поносят и уничижают, — избавь же меня от этого, ибо чрез это путь Твой хулится.

Чиста молитва только в последнем смысле; но не неуместна она и в первом, не по немощам только естества, но и по нуждам нравственным. Кто не знает, каким подавляющим гнетом ложится на душу поношение! Оно подрывает энергию в самых энергичных и расслабляет самые многодельные руки и ноги. И вот, как сдавленный естественно ищет простора, так и эта душа вопиет: отыми, Господи, эту тяготу! Она вяжет мне руки и ноги, и я двинуться не могу вперед. И это делается не потому, что нет терпения, ибо поношение уже терпится, а ищется только исход из неприятного положения, и ищется именно там, где единственно и искать его можно, то есть от Того, в руке Которого судьбы всех людей. Такая молитва не плод нетерпения, а свидетельство веры и упования. С другой стороны, и то возможно, что от тяготы подорвется энергия к жизни по Богу, а от этого подрыва раздражатся и восстанут замершие было страсти и навыки. Боящийся

падений и вопиет: избави; я ищю свидений Твоих, но и боюсь, как бы не расслабнуть и не пасть.

Впрочем, в этом воззвании может быть и такой смысл: отыми подавляющее действие поношения и уничижения, дай силу быть к нему равнодушным и держать себя так, как бы его не было. Если такой оборот молитвы не неуместен, то в поддержание мужественного перенесения беславия можно собирать в уме представления, могущие усилить такую решимость и придать мужества. Поношение здешнее избавляет от посрамления на Страшном суде. Насколько потерпишь эту напраслину здесь, настолько убожения пригодишь себе там. Путь поношения — не запустелый какой-нибудь, по которому кто-кто проходит; он тесно полон шествующими по нему. Все святые прошли им, и впереди всех Сам Началовождь Господь; значит, идти по нему не должно быть скучно. К тому же никакой пластырь так скоро не вытягивает дурных соков злокачественного нагноения тщеславия, самовозношения и гордости, как поношение. Имея все это в мысли, можно молиться: отыми расстраивающую силу у поношения; а поносить — пусть поносят. Буду сидеть, покрытый этим посрамлением, как обложенный пластырем. Это, наконец, сделает меня более способным исполнять свидения Твои, Господи, которые я вседушно взыскал.

Стих двадцать третий

Ибо седоша князи, и на мя клеветаху, раб же Твой глумляшеся во оправданиях Твоих.

Это третья степень неприязненных отношений сынов века к сынам Божиим. За поношением и унижением следуют совещательные замыслы, собрания клевет, конечно, не на добро. Премудрый и истолковывает эти заседания князей века так: *скроем в землю мужа праведна неправедно, пожрем же его, якоже ад, жива, и возмем память его от земли*¹.

Хотя и сознают, что восстают на праведного неправедно; но, желая придать своему злодейству вид правды, собирают клеветы. Так собирали лжесвидетельства и на Христа Спасителя. Кого наметит злоба человеческая, того уж не перестанет преследовать до конца: ее поджигает враг всякого добра, и она покоя не имеет, пока не достигнет желаемого — насытиться злодеянием.

Но да не возглаголют уста наша дел человеческих! Господь да избавит всякого от таких вопиющих дел! Что же делать тем, кому угрожает что-либо подобное? А вот что: *раб же Твой*, говорит пророк, *глумляшеся во оправданиях Твоих*. Вот уж он и не молится: «отыми, или отврати», но в сердце своем предал себя в жертву своенравной злобе и, не обращая на нее внимания, делает свое дело, всеусердно исследует оправдания Божии,

¹ Притч. 1, 11—12.

чтобы точнее исполнять их. Так и всякому надобно действовать: пусть злоба злится, а ты свое делай, *Бога бойся и заповеди Его храни*¹.

Из такого отношения святого пророка к напраслинам вытекает убеждение, что накрепчайшая поддержка перенесения их есть свидетельство совести в том, что к таким нападкам не подано никакого повода. Кто может сказать в себе пред лицом Бога: исследую оправдания Твои, сличаю с ними жизнь свою и не нахожу вины в себе, — того напраслины должны только веселить, как истолковывает это святой апостол Петр: *аще укоряеми бываеете о имени Христове, блажени есте; яко славы и Божий Дух на вас почивает. Оними убо хулится, а вами прославляются. Да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель; аще ли же яко Христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей*². За что же да прославляет Бога? — За то, что, по Его определению, *блажени изгнани правды ради, блажени те, кого поносят и ижденут, и рекут всяк зол глагол*³ на них, Господа ради. Им уже уготована великая мзда на небесах, в уверенности о которой они отсюда могут радоваться и веселиться не самопрельщенно.

Но, с другой стороны, те же оправдания Божии свидетельствуют, что нет человека без греха и что если, в известных обстоятельствах, совесть

¹ Еккл. 12, 13. — ² 1 Пет. 4, 14—16. — ³ Мф. 5, 10—11.

может верно свидетельствовать о невинности, то вообще невинным признать никого она не может. Не теперь, так прежде сделано что-нибудь, требующее должного воздаяния; вот оно-то и пришло под видом напраслины. Милость Божия устроила так ради того, чтобы подвергнуть человека очистительному страданию здесь, во времени, и избавить от наказания в вечности. Сторонние не могут видеть такого соотношения внешнего с внутренним: все это дознается и исповедуется во внутреннем святилище совести, пред лицом Всевидящего Бога. Но кто дознал это и исповедал Божию правду в настоящем, прозревая вместе и в соотношение его к вечному, тот не может не радоваться, встречая напраслины, как бы они горьки ни были. Невидимое и будущее он объемлет как настоящее и, за обилием блаженства чаемого, не чувствует всей горечи текущих скорбей. И это благо терпящим скорби и напасти прибывает по мере того, как углубляются они в оправдания Божии. Там они ясно зрят эти законы правды Божией и находят в них утешение себе.

Но христианин, углубляясь в оправдания Божии, находит там нечто большее, сравнительно с ветхозаветным, именно — заповедь о любви ко врагам. Любовь ко врагам заповедуется не к тем только, со стороны которых нападки прошли и уже отчасти забыты, но и к тем, злоба коих

испытывается, — заповедуется любить их в то время, как бьют, режут, грабят, и любить не так, как иные говорят: «я ему зла не желаю и не делаю, только видеть его не могу», а любить по всему свойству чувства любви. Кто, углубляясь в оправдания Божии, нападет на это чувство, тот почерпнет из него такое благодушие, которое отгонит всякую горечь неприязненности, так что и следа ее не будет. Примеры этого видим во многих мучениках. Они бывали и во все времена, а если осмотреться, то и теперь их увидим.

Стих двадцать четвертый

Ибо свидения Твоя поучение мое есть, и совети мои оправдания Твоя.

Святой пророк выставляет причину, почему он, когда видит, что враги сплетают клеветы во зло ему, углубляется в оправдания Божии: такое уж у меня правило, говорит он, там поучаться и там искать себе совета.

Словом *поучение* переведено такое слово, которое собственно значит — в сладость перебирать в уме или повторять языком речения Божественного слова и вследствие того находить утешение в них.

Совети — советники, или собрание разбирающих кое-либо дело. Святой пророк, в противность заседанию князей века, учреждает свое, в котором под председательством страха Божия

и совести ум находит в слове Божиим решение — какой образ деятельности должно противопоставить злодейским замыслам врагов. Таким образом, свидения и оправдания Божии, вообще Божие слово для него и служит утешением и руководственным вразумлением в трудностях, встречаемых на пути богоугодной жизни.

Нужно ли говорить, что лучшего образа действия и придумать нельзя? И во внутренних, и во внешних теснотах иди к слову Божию: оно выведет тебя на светлую и просторную дорогу, научив безбедно обходить встретившиеся затруднения. При этом немного надо приложить от себя — одну совершенную покорность велениям Божиим, и, чего бы они ни потребовали, с готовностью жертвовать всем в удовлетворение им. Такое настроение есть канал, по которому из слова Божия изливается в душу благопотребное ей в то или другое время, потому что тут же присутствует и Изрекавший это слово и Видящий нужды ищущих в Нем руководства себе и умеющий печатлеть в уме и совести уроки Своей дивной премудрости. Святой Исаак Сирианин говорит: «Божественною благодатию путеводимые в жизни своей к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написанного, и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с вели-

кою мыслию»¹. «Если ум, продолжает он, плавает на поверхности моря Божественных Писаний и не может проникнуть мыслью Писания до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся во глубине его, то и того уже, что ум занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном водительство Божиим крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им; тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений*, встречающихся при внешних и внутренних бранях».

Этот стих хотя связан видимо только с предыдущим, но силу его можно распространить на все восьмистишие, так как в слове Божиим сокрыто врачевство и против внутренних, указанных выше, поражений ослеплением, забвением, нечувствием, нерадением или разлением. И заметить-то их, навесть на мысль, что они есть в душе, дает слово Божие; а потом оно же поможет и выйти из этих дурных состояний, и силою своего влияния, и нужными указаниями. Равно и во внешних всех помехах пути Божию оно же дает умение, как быть. Потому-то как хорошо делают те, которые всякий день посвящают несколько времени чтению Божественного Писания, освещающему внимательною молитвою! И сами того не

¹ Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические [далее: Исаак Сириан. — *Ред.*]. Слово 1. — * Злых помыслов, наносимых внешними предметами, возбуждающими страсти. — *Прим. переводчиков указ. издания.*

замечая, они созидаются и настраиваются на богоугодное действие, или заготавливают в запас помышления, которые в час нужный сами выйдут из сердца и укажут нужный на тот раз образ слова и дела.

Вот и третье восьмистишие располагается естественно по одной мысли. Таким образом, наведение, что и все они составлены таким же образом, приобретает большую достоверность. Всячески это налагает обязательство искать в каждом восьмистишии единства и, когда не найдется оно, приписывать то своей недозоркости, а не тому, чтобы его не было на самом деле.

ЧЕТВЕРТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

Ч Четвертое восьмистишие характеризуется буквою *д* — *дверь*.

С этим словом приходят на ум умиленные песни Церкви: *Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче*, или: *Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице*. Покаяние и есть содержание предлагаемого восьмистишия. Дидим говорит: «Пророк берет здесь лицо кающегося грешника» и с ним проходит весь путь обращения, с первого пробуждения совести до решительного вступления на путь заповедей, чтобы на случай, если кто

вздумает покаяться, видел он путь, которого должно держаться в этом первейшем деле.

В деле духовной жизни есть много дверей. Каждая степень в ней имеет свою дверь, минуя которую нельзя вступить на нее. Начальные — это дверь из греха и дверь вступления в правый путь. Они, по-видимому, так нераздельны, что исход из одной жизни и вход в другую совершаются чрез одну и ту же дверь; на деле же они отстоят одна от другой, и иногда на очень большое расстояние. Между ними есть промежуток, который надобно пройти осторожно, будто коридор темный. Эти три момента и изъясняются в настоящем восьмистишии. Дверь покаяния — стихи 25—27; переход — стихи 28—29; дверь в правую жизнь — стихи 30—32.

Стих двадцать пятый

Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему.

Это первый вопль грешника по пробуждении от сна греховного. Грех и страсти имеют седалище и опору в плоти, а пищу, удовлетворяющую их, находят в чувственных земных вещах и в суетных обольстительных обычаях века сего. Грешник втягивается во все это и, пока работает греху, не может не только почувствовать, но даже видеть, как неестественно его положение. Но когда благодатию Божиею пробуждается от усыпления,

то первое, что ему теснится в сознание, это — унижение, какому подверглась в нем его богоподобная душа: «До чего я довел себя!.. Мне следовало бы возвращаться на небе, в Боге и вещах божественных, а я пресмыкаюсь по земле, валяюсь в земном и оторваться от этого не хочу».

Норма жизни человека — жизнь в Боге духом, привлекающая туда же и жизнь души с телом. В духе — образ Божий. Свидетельствуется он действием страха Божия и совести и недовольством ничем земным. Это — требования жизни духовной. Исполняются они действиями души и тела, и когда исполняются, тогда человек всем естеством своим восходит к богоподобию, а когда не исполняются, тогда берет верх душевно-телесность, и требования духа слабеют и слабеют до того, что как бы совсем замирают, и человек становится словно не человек, словно и жизнь-то в нем только что телесная. Как потом пробуждается дух — это тайна Божия. Но, пробудившись, он победоносно возвышает голос свой; прежде господствовавшая душевно-телесность смиряется и смолкает, оставляя полный простор действовать тому сознанию, что, состоя под ее гнетом, человек не тем был, чем бы следовало ему быть. Отсюда вопль: «уввы! *прильпе земли душа моя!*» Это очень похоже на жалобу пришедшего в себя блудного сына: *аз же гладам гиблю*¹.

¹ Лк. 15, 17.

Прекрасно изображает это состояние святой Амвросий, в лице падшего праотца нашего. «Под землю разумеется вещественное. Человек, уклонившись от заповеди Божией, склонился на вещественное и плотское, и исполнила его любовь к веку сему. Изверженный за это из рая, восхитительного места сладости, на эту землю бедную, Адам оплакивает себя, говоря: *прильпе земли душа моя*. В другом месте то же выражает пророк так: *смирися в персть душа моя, прильпе земли утроба моя*¹. Это голос приносящего покаяние. Прежде, блаженствуя и питаясь небесным, не знал он забот и нужд житейских, а ныне — согбен под тяжестью печалей века сего, увлекаемый похотями плоти и любоиманием². Так бы и оставался падший всегда прикованным к земле, будучи не в силах подняться горé³, если бы Христос не поднял его крестом Своим. И донныне остается таким всякий, кто удаляется от Христа. Но тот, кто внял гласу Христову: *гряди по Мне*, не будет более прилепляться к земле. Земля — плоть и дух мира пленяют нас некоторыми блудничными приманками, подрумянивая лица страстей плотскими сладостями, чтобы скрыть непривлекательную действительность и красивою наружностью обольщать приближающихся. Но когда на время обманутое внутреннее око ума стрясет прах,

¹ Пс. 43, 26. — ² Корыстолюбием. — *Ред.* — ³ Над всем чувственным. — *Ред.*

помрачавший его, тогда спадает и прикраса с страстей, и усматривается, как призрачны прелести века сего. Итак, не низводи в персть смерти душу свою, которую Бог почтил естественною некоторою высотой и дал ей силу возбуждаться и возноситься горé. В союзе души с телом сокрыто естественное таинство жизни нашей, и душа будто невольно льнет к земле и земному, частью потому, что оно есть временное жилище наше, частью потому, что тело наше из земли. Но будь тверд и молись с апостолом избавить тебя от тела смерти сего¹. Будем ходить в воле Божией, чтобы можно было сказать о нас, что мы прилеплены к Богу. Кто живет по влечению плоти, тот плоть есть, а кто живет по заповедям Божиим, тот дух есть. Да не будет же душа наша плотию, не допустим, чтоб и о нас было сказано: *плоть суть*, как сказано было о тех, кои привлекли на себя казнь потопную². Но скорее плоть наша да станет душевною, заслужив это имя покорностию велениям души. Справедливо сравниваются с ангелами те, которые чуждаются похотей плотских. Они — плоть, но не суть во плоти, а в духе, каковы были те, к коим сказал апостол: *вы же несте во плоти, но в душе*³. Итак, восчувствовав унижение души, преклоненной похотьми до праха, молись, да будет она оживлена, по слову Господа, Который влечет к Себе души, отвлекая их от земли.

¹ Рим. 7, 24. — ² Быт. 6, 3. — ³ Рим. 8, 9.

Живится же та душа, которая пошла путем Христовым. Она стала мертва греху, жива же Богу, после того, как, спогребшись Христу, стала в Нем праведною».

Блаженный Августин видит здесь вопль не человека, в первый раз обращающегося от греха, но уже идущего путем добродетели и чувствующего приражения плотских земных влечений. «Впереди, говорит, сказал пророк: *раб же Твой глумляшеся во оправданиях Твоих, — свидения Твоя получение мое есть*; а здесь говорит: *прильпе земли душа моя*. Не то ли должны мы из сего уразуметь, что сколько бы кто ни преуспевал в оправданиях Господних, всегда в нем остается пристрастие смертной плоти к земному, чего ради и *есть искушение житие человеку на земли*¹; и что от этой мертвящей земляности, если не перестает преуспевать, каждодневно более и более оживает он, будучи животворим Тем, Чьею благодатию *внутренний наш человек обновляется по вся дни*². Апостол, когда говорил, что, живя в теле, отходим от Господа³, и когда сам желал разрешиться и быть со Христом⁴, не на эту ли прилипчивость к земле указывал? Потому-то здесь в слове пророка не неприлично разуместь под землею тело, как от земли сущее. И на него, поколику оно еще тленно и обременяет душу⁵, можно жаловаться

¹ Иов. 7, 1. — ² 2 Кор. 4, 16. — ³ Там же, 5, 6. — ⁴ Флп. 1, 23. — ⁵ Прем. 9, 15.

Богу: *прильпне земли душа моя, живи мя!* Правда, мы не без тел наших и в вечности со Христом будем¹; но тогда они, не будучи тленны, не будут и душ обременять. Там не души к телам, а тела к душам будут более прилепляться, души же — к Богу. Там тела будут жить из душ, прилепляясь к ним, а души будут жить из Бога, к Коему прилепляться для них благо есть, как уверяет пророк в другом месте: *мне же прилеплятися Богови благо есть*². Пророк, впрочем, жалуется не на союз души с телом, а на плотскую похоть, воющую чрез тело на дух³, и, вопия таким образом, не разрешения от тела желает, а того, чтобы похоть эта более и более умялась, сила же духа над нею более и более возрастала, пока, наконец, та совсем иссякнет, а сей достигнет в меру совершенства данным нам Духом Святым».

Сознав неестественное прилепление свое к земле, дух вопиет к Богу: *живи мя*. Оживления ищет связанный узами смерти и чувствующий свою мертвенность. Пророк то же самое говорит этим: «мертв я — оживи мя». Прилепление к земле и земному есть смерть духа; но он уже вопиет, уже в движении, уже ожил, — ожил, но лишь настолько, чтобы сознать оковывающую его мертвенность греха и страстей. Нет еще в нем силы разорвать эти узы, желает он вырваться из них, но чувствует, что они настолько крепки, что ему не сладить с ними, потому-то и молится к

¹ 1 Сол. 4, 13—17. — ² Пс. 72, 28. — ³ Гал. 5, 17.

Богу о животворной силе. Это второй шаг к отвергающейся двери покаяния. Благодать приходит и возбуждает; пробужденный сознает худость состояния своего; действие благодати на первый раз этим и ограничивается. Далее духу самому предлежит возжелание выйти из своего худого состояния; возжелавши — решиться на то; решившись — принять должные меры и затем приступить к самому делу. Возжелание, решимость, готовность на все меры — все это идет хорошо в духе, в мысленных действиях души; но коль скоро надо приступить к делу, то не оказывается настолько энергии в нравственных силах человека, чтоб он мог привести в исполнение задуманное и решенное. *Живи мя* — это молитва о притоке благодатных сил для воодушевления духа и исполнения его действительной энергиею к противлению земным влечениям и привычкам. Благодать Божия всегда присуща, тем паче благодать, уже возбудившая дух, но она не входит самовластно в душу, пока она сама не отверзет ей входа сознанием своего бессилия и богопреданною молитвою. «*Живи мя*; я готов; жажду тебя, как сухая земля жаждет дождя».

«По словеси Твоему значит то же, что по обетованию Твоему», говорит блаженный Августин. «Когда, поясняет Анфим, преступив заповедь, согрешил я, — *прильпне земли душа моя*, и объяла меня смерть, по причине разделения с Тобю

и отделения от Тебя, Живодавче Господи. Но вот я каюсь, оживотвори же меня по слову Твоему, что будешь милостив к кающимся, не желая смерти грешника».

Стих двадцать шестой

Пути моя возвестих, и услышал мя еси: научи мя оправданием Твоим.

Того, кто взыскал оживления, благодать Божия готова преисполнить своею животворною силою. Но в Царстве Божиим, в жизни, созидаемой Богом, все совершается своим порядком, в свое время. Жизнь благодатная не возобновляется в душе грешника иначе, как по исповедании им грехов своих и получении разрешения в таинстве покаяния. Возбужденный благодатию грешник вождедевает богоугодной, чистой жизни; для этого, пересмотрев все свои непотребства, оплакивает их в сердце своем и с сокрушением исповедует Богом поставленному решителю нравственных уз, полагая твердое намерение ходить уже неуклонно в заповедях Божиих. Под действием разрешения благодать Божия посещает пустовавшее по причине греха сердце, и жизнь духовная оживает. Получив такое благодатное оживление, в чувстве крепости о Господе он готов теперь на всякое богоугодное дело и на всякий в этом роде труд, только бы ему знать, что то-то и то-то действительно угодно Богу и спасительно. Все эти

изменения или повороты в духе кающегося и изображает пророк в настоящем стихе. *Пути моя возвестих* — значит исповедал грехи мои; *услышал мя еси* — Ты, Господи, принял мою исповедь и простил мне все грехи мои, *научи же теперь мя оправданием Твоим* — укажи, что именно делать, чтобы не сделать мне погрешности, а я готов, прияв уже Твою благодатную помощь:

«*Пути моя возвестих* — стало быть, пути недобрые, как замечает блаженный Августин. Свои пути у человека те, коими ходит он в угоду себе и своим пожеланиям, — пути, противоположные путям Божиим, идущий которыми непременно идет наперекор себе и своим склонностям и привычкам. Святой Амвросий пишет: «Надобно знать, что значит ходить своими путями, и что — путями Божиими. Кто творит волю плоти и живет в утехах мира сего, тот ходит своими путями, услаждается ими и рад им; кто же ищет не того, что ему желательно, а того, что угодно Богу, тот идет путем Господним. Таким образом, ясно, что пути наши — одно, а пути Божии — другое. Кто хочет идти путями Божиими, тот пусть знает, что ему следует прежде оставить свои пути, пути плоти и все мудрования века сего; оставляя же их, исповедать перед Богом, ничего не утаивая».

Таким образом, говорит святой Иларий, «возвещение это в словах *пути моя возвестих* не есть похвала, но покаянное исповедание грехов

своих. Он исповедал грехи свои для того, чтобы после сего исповедания сделаться способным к приятию и обучению оправданиям Божиим».

Исповедающий грехи получает прощение: *и Ты услышал мя еси*. В другом месте изображает пророк эту неизреченную милость Божию полнее: *беззаконие мое познах, и греха моего не покрых, грех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего*¹. Такое благостынное обетование Божие вошло потом в закон вещаний Духа, как преподает святой Исаия от лица Божия: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися*². Условие прощения — искренность исповеди, безжалостной к себе, ничего не прикрывающей, обличающей себя во всей наготе, представляющей человека кающегося таким, каким зрит его встревоженная и благодатию просвещенная совесть. В такой только исповеди — надежда исправления последующего.

«Оставляя грехи свои, говорит святой Амвросий, Давид возвещает их пред Богом, ничего не умалчивая, исповедуется, не утаивая падений. Кто таким образом не прикрывает своих грехов, тот, очевидно, болезнует сам в себе о том, что делал, и бросает в диавола, что он внушал. Кто себя осуждает, тот хоть и грешен, но уже начал быть праведным, потому что правду говорит о

¹ Пс. 31, 5. — ² Ис. 43, 26.

себе, не шадя себя, и в этом исповедует Божие правосудие, пред которым не считает возможным прикрыть что-либо. О, когда бы Адам восхотел скорее обвинить себя, чем прикрывать!»

Уверенность в помиловании стоит на переходе к правой жизни. Надо пройти эту дверь милосердия, чтобы вступить в путь жизни по Богу. Не испытавший сего подавляется безнадежностью, убивающею все ростки жизни. У испытавшего сердце расширяется, и все силы приходят в напряжение. Это есть следствие не одних нравственных изменений, а вместе, как уже выражено, и притока благодатных сил, которым разрешение отверзает дверь в сердце, опорожненное пред тем искреннею исповедию. Исповедающийся говорит: «Согрешил, не буду; только Ты помоги и не оставь меня». Ощутив осенение силы Божией по разрешении грехов, он в радости возглашает: *и Ты услышал мя еси*.

Научи мя оправданием Твоим. Дверь распахнулась; поприще новой жизни открыто, но оно испещрено разнообразными тропами. Не всякому по всем им должно проходить, а всякому своими, ему подходящими. Какими же? — Такими, какими знает один Тот, Кто есть устроитель всего спасенного сего пути. Но кто укажет их, кроме Его? Отсюда и вопль: *научи мя оправданием Твоим*; научи не только куда пойти и что сделать, но и как пойти, и как сделать.

«Не довольно исповедать грехи, говорит святой Амвросий; мы желаем и исправиться, посему и просим Бога научить нас оправданиям Своим, чтобы после опять не погрешить как-нибудь. Пророк просит быть наученным от Господа, потому что Он один есть учитель наш, по Его собственным словам»¹. Августин прибавляет к сему: «Исповедал я Тебе, Господи, недобрые пути свои. Ты простил меня, теперь научи же меня Твоим путям, да так научи, чтобы я не знал только, но и делал, что должно делать. Как о Господе сказано, что Он не знал греха² в той мысли, что не делал, так, наоборот, истинно знающим правду должно почитать того, кто делает и исполняет».

Научи — будет значить, по этому смыслу, обучи. Как детей учат ходить, взявши за руки и заставляя их переступать ножонками, так и благодать обучает ступаниям в духовной жизни, верным, безошибочно ведущим к цели. Условие одно — внимание к себе и преданность невидимому водительству. Неложно то, что обетовано: *будут вси научени Богом*³. Все избранники Божии, светлости жизни которых дивимся мы, были непосредственно учимы и руководимы Духом Божиим; оттого они и шли прямо, не уклоняясь ни направо, ни налево. И то дивно, что, смотря на них со стороны, не можем не изумляться притрудностям шествия их; а сами они нисколько не замечали

¹ Мф. 23, 8. — ² 2 Кор. 5, 21. — ³ Ин. 6, 45.

этой шероховатости пути: шли себе спокойно, даже с услаждением. Сила жизни о Христе Иисусе поглощала все, могущее казаться неприятным.

Но отчего же не всем преподается такая наука? Отчего не всем даруется такое обучение, ниспосылается такое облегчающее руководство? Их будто на руках носит благодать, а мы словно заброшены. Нет, не мы брошены, а мы бросили. Возьмем такое же самоотвержение и ненадеяние на себя и на что бы то ни было, кроме Бога; предай себя всецело в волю Божию, положив себя в руки благодати Божией, — она и тебя понесет как носила чтимых тобою дивных святых. А то тебе подана была рука: ты взялся за нее, немножко прошел, водимый и поддерживаемый ею, не терпя неприятностей ни от трясин, ни от колючек, потом, подумав, что уж ты и сам сумеешь и идти, и дорогу выбирать, оторвался от мощной руки, поддерживающей тебя, и остался один с своими смыслениями и догадками. Вот и кружишься ты среди колючек и болот, вязнешь, уязвляешься, — а кто виноват? Трудишься и потеешь, а толку нет. Все от самочиния, самонадежности и ложного сознания силы о себе самом, а не о Господе. Разве такой путь святых?.. Что ж и удивляться, что и плод не тот? Бог хочет всем спастись; но не все хотят спастись так, как Бог хочет их спасти.

Все содержание этого стиха блаженный патриарх Иерусалимский Анфим изображает так: «Преданный плотским страстям и ходящий путем похотей своих совершает пути свои, а кто обуздывает их и живет целомудренно, тот идет путем, ведущим к Богу. Но когда падший и сознавший свои грехи открывает пред Богом свои недобрые пути, тогда Бог, услышав молитву его, прощает ему все прежние худобы и ведет к праведности, научая оправданиям Своим».

Стих двадцать седьмой

Путь оправданий Твоих вразуми ми, и поглумлюся в чудесах Твоих.

Чего здесь просит пророк, прося вразумить его в пути оправданий?

Можно полагать, что он просит дальнейшего и подробнейшего познания пути спасительного, познания всего, относящегося к нему, познания разных сторон и частей богоугодной жизни.

Во-первых, чтобы уметь различать добро от зла и разоблачать кажущееся добро, под которым кроется зло, — уметь заметить возникающие недобрые чувства при добрых делах и тотчас же отстранять их и исправлять доброделание, знать порядок, в каком должно вести дела жизни духовной, ибо не всегда все пригоже делать, — начинающему не следует браться за то, что подручно только уже усовершенствовавшемуся. Так поучают

святой Златоуст, Феодорит и святой Амвросий. Мысль святого Златоуста приводит Зигабен в своем Толковании: «Право молится пророк быть причастником Божественного разумения, чтобы верно распознавать путь правый, чтобы не погрешить, и вместо добра не взяться за зло; потому что нередко зло бывает похоже на добро». Феодорит пишет: «Нужно нам Божественное разумение, чтобы по закону Божию успевать в добродетели, и водящемуся человеколюбием не иметь в виду тщеславия, подвижнику не домогаться человеческой похвалы, целомудренному не из стыда невоздержной жизни, но по любви к добродетели хранить целомудрие. Посему пророк справедливо умоляет о том, чтобы ему стать причастным Божественного разумения и познать путь правды». Святой Амвросий говорит: «Не считает довольным, чтобы Господь Бог наш научил его оправданиям Своим, но прибавляет: *путь оправданий* и проч. Смотри, какой порядок! Наперед надобно научиться оправданиям Господним, потом узнать постепенность и порядок оправдательных действий, что должно быть прежде и что потом; ибо знать, что делать и не знать порядка делания, не значит иметь совершенное знание. Претыкаются большею частию на том, что действуют не как должно, не в порядке». Иное уместно в мирском сожителстве, иное в мироотреченной жизни; иное в новоначалии, иное

в преуспянии; иное в общежитии, иное в отшельничестве; иное по внешнему чину, иное по внутреннему строю жизни христианской. Всему свое время и свое место. И хорошее только в свое время и в своем месте вполне хорошо.

Во-вторых, под путем оправданий можно разуметь здесь, как полагает блаженный Августин, «самые высшие оправдания, которых, преуспевая более и более, желает достигнуть святой пророк и которые называет он чудесами Божиими; ибо между оправданиями (Божими заповедями) и делами жизни по Богу есть столь дивные, что те, которые делом не проходили их по немощи человеческой, поверить не могут, чтобы можно было до них достигнуть». Таковы — любовь ко врагам, не как дело внешнее, а как чувство внутреннее, живое и искреннее, — мужество мучеников, не то, что покойное лишь состояние духа во время мучений, но хвалебно-отрадное, блаженно-радостное, — непрестанная молитва, со всеми существенными принадлежностями молитвы, столь непостижимая, что для объяснения ее прибегают к иносказаниям, между тем как она в действительности есть и составляет неотъемлемое качество лиц, ставших един дух с Господом, — совершенное беспопечение, не в чувствах только, но и делом, в предании себя в волю Божию, по слову обетования Его: *сия вся приложатся*¹, за которое

¹ Мф. 6, 33.

благоволительно принимал Господь и неоскудно питал Своих рабов от щедрот Своих, — отрешение от телесных потребностей до забвения их, без изнурения, однако ж, тела, которое оставалось и здорово, и довольно крепко, так что совершало обычные службы и поделия. Все это и подобное сему суть чудеса нравственно-христианской жизни, созидаемой благодатию Духа Святого о Христе Иисусе, Господе нашем. Чудесам этим нельзя не изумляться.

В-третьих, можно разуметь здесь, со святым Иларию, желание прозреть сквозь ветхозаветные оправдательные чины, чтоб узреть истинное оправдание в прообразуемом ими Избавителе всех. Иларий пишет: «речь эта (то есть *путь оправданий вразуми ми*) полагает различие между оправданиями и путем их. К тому же, само собою разумеется, что то, чего стремятся достигнуть известным путем, не то же, что и самый путь, по которому стремятся. Пребывая в законе, он просил не тому научиться, что тогда совершалось в вещественном служении Богу, ибо это и так видно, — но тем будущим тайнам, которые сокрыты были под образом настоящих видимых вещественных оправданий. Вспомнил он, что оправдания от закона представляют в себе тень истинных Божественных оправданий. Постановления подзаконные суть поэтому как бы путь к тому, что ими прообразуется. Чтобы уразуметь этот

путь оправданий, дойти то есть от тени до настоящего тела, и молится пророк, дабы, уразумев, углубляться в созерцание сих чудес Божиих (чудных планов домостроительства спасения нашего в Господе). Закон и установлен для того, чтобы быть зеркалом грядущих (чаемых подзаконными) благ».

Подобная мысль и для нас, христиан, может иметь значение. Мы имеем свой внешний чин оправданий, который проходит всякий, ищущий примирения с Господом, оскорбленным множественством сознанных грехов. Есть у нас и говение, и пост, и стояние на молитве в церкви, уединение и удаление от житейских дел, исповедание грехов, принятие епитимии и труды по исполнению ее. Путь этот всякий проходит. Сколько он целесообразен — это доказывает опыт всех времен. Но сила не во внешнем ходе дела, а во внутренних расположениях, какие должны быть возгреваемы при этом в сердце, и чередование собственно этих расположений есть путь оправдания, а не чередование показанных внешних действий. Можно пройти все их, и ничего не получить. Потому-то и настает необходимость, приступая к ним и проходя их, молить Господа, чтобы Он вразумил нас пройти этот путь истинно, сердечно, благоплодно, чтобы в конце и делом получить искомое, и затем подивиться и не переставать дивиться

чудесам беспредельного милосердия Божия кающимся грешникам.

Что значит: и *поглумлюся в чудесах Твоих?* — Очевидно, этим пророк указывает на то, что он обещает делать по получении искомого вразумления. Но что ж это? Слово *глумиться, поглумиться* приняло у нас значение не то, какое имеет соответствующее ему греческое *ἀδολεσχεῖν*. В отечниках слово это переводится так: «приседеть, усидчиво заниматься чем-либо, например, приседеть чтению, богомыслию, умной молитве, рукоделию» и тому подобное.

Святой Амвросий пишет: «*ἀδολεσχεῖν* есть продолжительное некоторое размышление и неотступное углубление ума во что-либо, а также трудолюбное упражнение в чем-либо, душевное или телесное, с тем, чтобы навыкнуть чему». Таким образом, есть приседение умовое и есть деятельное. Какое же здесь разумеется у пророка? — То и другое. Получивший вразумление о пути оправданий Божиих не может не углубляться в них размышлением и созерцанием. Потом, так как вразумление дается о жизни деятельной, и затем, опять, чтоб дать должное направление жизни и деятельности, то вразумленный не может оставаться праздным, а тотчас берется за дело и, пребывая в нем, постоянно приобретает навык к нему.

«Так, говорит святой Амвросий, кто познал тайны Божии, тот углубляется созерцанием в чудеса Божии, в них открывающиеся». По словам Зигабена, он так говорит Господу: «Часто буду рассуждать о дивных делах, совершенных Тобою, чтобы усладиться постижением их, которое Ты даруешь мне». Но этим одним не должно ему довольствоваться, а «как готовящийся к состязанию на зрелищах долго упражняет члены свои, чтоб они навыкли приемам и окрепли; так, учит святой Амвросий, должно деятельно приседеть указанному в Писании, чтоб постигнуть сокрытые в нем тайны и советы Божии».

Другие под словом *поглумлюся* разумеют: буду вести пространные беседы о чудесах милости и правды Твоей: *возрадуется язык мой правде Твоей*¹; буду всюду восхвалять и дивные пути оправданий Твоих, и Тебя, устрояющего их. Дидим говорит: «Всем буду рассказывать о чудесах Твоих». Святой Афанасий пишет: «Приобретши разумение таин, заключающихся в оправданиях Твоих, и возможность идти путем их, я в состоянии буду беседовать и вести слово о чудесах сих оправданий».

Стих двадцать восьмой

Воздрема душа моя от уныния, утверди мя в словесах Твоих.

¹ Пс. 50, 16.

Долг труд, далек путь, продолжительно искание. Промежуток между обращением на путь заповедей и свободным хождением по нему проходит в состоянии полугорьком и полуотрадном, полуживом и полумертвом. У одного он длиннее, у другого короче, но у всякого бывает. Таков закон правды Божией в устроении нашего спасения. Крещеный или искренно покаявшийся есть уже и сын и наследник; но одному предстоит пройти полный курс воспитания, а другому только законную епитимию. Конец этого состояния есть, когда вычистится душа, и деятельность ее на добром пути сделается легкобыстроходною, как будто не видящую препятствий и задержаний. До того же времени — борьба и труд: многое приходится испытать труженику.

Два бывают у него главных удара: первый — ослабление энергии нравственной, второй — сильный напор неправых движений внутри и недобрых раздражений со вне. О первом говорится в настоящем стихе, это — уныние; о втором в следующем.

Уныние есть скучание за делом. Когда оно нападает, дела идут вяло. До того все делается охотно, дело спеется, и время за делом не замечается. Но когда нападёт уныние, делающий начинает посматривать по сторонам, и — то делает, то останавливается, так вот и хочется поскорее бросить дело. Это бывает и в житейском быту,

бывает и в духовной жизни. Пропадает охота и в церкви стоять, и дома Богу молиться, и читать, и обычные добрые дела исправлять. Труженик начинает скучать за всем этим; оттого, и делая, как будто не делает, и проку нет никакого от такого делания. Он точь-в-точь полусонный, у которого работа из рук валится. Это состояние изображает пророк в словах: *воздрема душа моя от уныния*.

Дремание есть только остановка делания, а не художество; но само-то оно худо. В телесной жизни оно естественно; в духовной ему не след быть, ибо тут неотменимая обязанность — трезвиться и бодрствовать. Худо оно, как остановка, так как мы обязаны непрерывно идти вперед; худо и тем, что граничит с худым действием. Задремавший может пасть и разбиться, может быть схвачен врагом и понести раны и поражения, даже смертельные. Потому задремавший духовно в унынии, сознав свою дремоту, не может не укорять себя и не утрашиться за себя. Отсюда и вопль о пробуждении и оживлении: сам с собою никто не может сладить в это время.

Блаженный Августин пишет: «Проходя труды в стяжании добродетелей и некоторым образом будучи утомлен ими, он сказал: *воздрема душа моя от уныния*. Что значит *воздрема душа*, если не то, что она охладела в питаемой надежде скоро стяжать добродетели? Вот он и молится, боясь, как

бы воздремав, не отпасть от тех добродетелей, в которых, думалось, уже преуспел». «Он, прибавляет святой Иларий, называет себя дремлющим, но не уснувшим. Кто спит, тот находится в состоянии сна, преодолен сном; а кто дремлет, тот еще не уснул, но находится в преддверии сна. Пророк дремлет, но не спит, и молится, чтобы, раздремавшись, не заснуть».

Зигабен приводит мнение Исихия, что, когда душа дремлет, грех не спит, но, подкрадываясь, покушается увлечь ее и привлечь к себе. «Начало сна, говорит он, есть дремание, а начало падения — разлечение и расслабление души унынием. Как дремлющий влечется ко сну, так нравственно расслабевший — к греху».

Хорошо также изображает это состояние один из западных толковников Псалтири (Беллярмин): «В странствии жизни сей едва ли найдется человек, который бы не расслаблялся и, соскучив постоянною борьбою, какую дух ведет с плотью, не охладевал бы к ней, не задремывал, когда скучно становится идти притрудным путем, на коем плоть воюет против духа».

Вот слова блаженного Феодорита: «Частое приращение греха расслабляет нередко силу помыслов, делает, что подвижник начинает утомляться, производит в нем так называемое уныние; расслабевающая же душа преклоняется ко сну, а сон наводит смерть. Посему пророк просит

утвердить его и укрепить. Это говорит он и в другом месте: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть*¹, называя смертью грех».

Как же быть в этом недобром состоянии? — Во-первых, молиться; во-вторых, пребывать твердо в заведенных порядках и начатых делах, хоть вкус к ним и пропал; в-третьих, размышлять о дивных путях Божиих, открытых в слове (Божием). Все эти способы содержатся в молитве пророка: *утверди мя в словесах Твоих*.

Итак, прежде всего, молись. Унывший пророк обращается к Богу. Вместе с ним возносись туда и ты, немощный, и проси, чтоб опять в тебе возгнетен был тот же жар, при котором пред сим всякий труд был тебе не в труд, чтобы возвратился к тебе огонь благодати, и ты, будучи возбуждаем им, не переставал усердно шествовать путем заповедей Господних.

Молясь, не отставай ни от чего, что прежде делал. Пусть не будет вкуса, — нудь себя, силою воли нагибай выю² твою и весь стан твой под воспринятое иго. Блаженный Августин перефразирует молитву пророка так: «Утверди меня в тех словесах Твоих, которые я уже держу, которые уже исполняю, чтобы от них, мало-помалу преуспевая, подвигался я и к другим». По святому Амвросию: «Пророк просит здесь быть утвержденным в словесах Божиих, *да не подвижутся*

¹ Пс. 12, 4. — ² Шею. — *Ред.*

*ноги его*¹ и не пролиются стопы его². Этого не потерпит тот, кто крепко и мужественно стоит в правоте сердца. Как дерево, глубоко пустившее корни, он держит себя неподвижно против всякого чуждого напора и гнета».

При том и другом усугуби богомысленное размышление о дивных путях Божиих. В другом псалме пророк прямо говорит, что когда уныл в нем дух, то он, для отогнания его, помянул дни древние и стал поучаться в дивных делах Божиих. Из этого что вышло? — Душа стала, как земля безводная, то есть жаждущая; пробудились духовные вкусы и потребности, и душа, убитая унынием, ожила. То же и здесь. По святому Афанасию, пророк учит, что невозможно иначе изгнать дух уныния, как только поучением в Божественных словесах. Посему надлежит трезвиться и бодрствовать по слову Господа: *бдите и молитесь*³.

Святой Иларий пишет: «*утверди мя в словесах Твоих*, чтобы, будучи утвержден разумением всех путей Твоих, я не только не спал, но и дреманию не поддавался, а непрестанно пребывал во всякой бодренности».

Та же мысль и у Зигабена: «*утверди мя в словесах*, то есть в размышлении о заповедях Твоих, чтобы мне всегда в этом упражняться, ибо чрез это я надеюсь отгонять дремание уныния».

¹ Пс. 16, 5. — ² Не поскользнутся стопы его (Пс. 72, 2). — ³ Мк. 14, 38.

Пространнее об этом пишет святой Амвросий: «Совершенный, устремляя ум свой к Божественным таинствам, не дремлет, но всегда бодрствует: и хотя телом иногда спит, но сердцем бдит. В другом месте пророк говорит: *еще дам сон очима моима и веждама моима дремание* (пока не созижду храма Богу)¹. Итак, не дремлет тот, кто задумал создать храм Господу не из камней, а из благих мыслей, чувств и расположений, возбуждаемых и образуемых небесными словесами. Слово Божие разгоняет уныние — сон души и уныние ума. Сон нападает от печали и забот века. Но прилепляющийся к Богу бегаёт таких забот; удовольствие же находит в познании вечного порядка вещей, не смущаясь никаким изменением вещей земных».

Блаженный Анфим замечает, что «в пятом и шестом издании (перевода Библии) и у Симмаха стоит вместо ἐνύσταξεν — воздремала, ἔσταξεν — капать, промокать стала; этим означаетя, что душа человека праведного плотно и прочно сложена, а душа грешника расстраивается и делается дырявою, текучею; потому и имеет нужду в Божием сплочении и скреплении».

Святой Амвросий, упоминая о таком переводе, находит две мысли в слове пророка; первая: *душа* стала капать, стала в себя принимать чуждое, не дающее ей покоя и изгоняющее во

¹ Пс. 131, 4.

вне; вторая: *душа* стала промокать, испускать из себя принятое прежде спасительное слово, наполняясь, вместо его, душевредными помыслами. Вот слова его: «Другие читают не ἐνύσταξεν, а ἔσταξεν, что значит — стала капать, пропускать влагу. Мысль будет такая: душа мужа совершенного, будучи хорошо настроена и скреплена, не каплет, как своды и потолки, плотно и прочно устроенные. Говорится: *капли изгоняют человека в день зимен из дома его*¹. Стало быть, надлежит нам скрепить душу свою так, чтоб она не капала; надо прочно сплотить ее нераздельным сочетанием добродетелей, чтоб она могла хранить тайну вечного Царя, подобно святой Марии, которая слагала все словеса в сердце своем, чтобы какое-либо из них не излилось оттуда устами: кто скор на слова, тот, как переполненный сосуд, туда и сюда изливаясь, опорожняет свое внутреннее и наводняется внешними пристрастиями, не умея ни кровли себе устроить, ни сохранно удержать принятое слово. Та душа не имеет порчи (дыр, трещин), которая великодушным терпением поддерживает в себе верх (свод, потолок) правды и стены прочих добродетелей. Потому не каплет, не льется, не изливается: нет в ней распушенности, изменчивой подвижности, невнимательной небрежности, не исторгается из нее ничто дырою языка».

¹ Притч. 27, 15.

Стих двадцать девятый

Путь неправды отстави от мене, и законом Твоим помилуй мя.

Второе поражение, встречаемое тружеником, проходящим подъепитимийное состояние, есть бывающее по временам возбуждение греховности, — самой ли по себе, или по внешним возбуждениям, или от действия завистливого врага. Оно бывает так мрачно и смутительно, что испытывающий его, кажется, будто уже и блуд сотворил, и от Бога отрекся, и в человеконенавидение впал; чувствует он, что исполнилась зол душа его, и живот его аду приблизился¹. Пока человек живет в нерадении и грехолюбии, то хоть и постоянно в душе его возрождаются грешные влечения и хоть он тотчас же склоняется на удовлетворение их, но это несколько не тревожит его; а когда покается и даст добросовестное обещание не полагать более себе и особенно когда уже несколько остепенится и отвыкнет от страстных дел своих, тогда такого рода приращения не могут не смущать его, не возбуждать болезнований и опасений. Отсюда и вопль ко Господу: *путь неправды отстави от мене.*

Что это за путь неправды? Это возбуждающиеся в душе страстные движения, которые ведут ко всякой неправде и греху. Они прицепились, прильнули к душе; он просит оторвать их

¹ Пс. 87, 4.

от нее и далеко отбросить: пусть они будут во вне, а не внутри, так чтобы можно было проходить сквозь их, не чувствуя никакого вреда, как не чувствует вреда от заразной болезни тот, у кого нет предрасположения к ней. Святой Иларий пишет: «Путь неправды есть путь греха. Пророк молит Бога отодвинуть от него путь греха — путь, которым идут прямо ко греху, — отнять все возбуждения плотских страстей, сделать так, чтоб не належало какое-либо искушение от похоти, по которому, как по дороге, идут ко греху».

Святой Амвросий продолжает ту же мысль: «Не сказал — отстави меня от пути неправды, но путь неправды отстави от меня, сознавая, что он в нем есть и действует. И в самом деле, пока мы ведем жизнь недобрую, путь неправды пребывает внутри нас и не отстает от нас. Покаявшийся же заботится о том, чтобы отдалить его от себя. Так как наследственная зараза неправды привзошла к нам отвне, то настояит нужда и в стороннем освободителе от нее. Вот и молитва: *путь неправды отстави.* Молись и ты, говоря: бедный я человек! Кто отставит от меня путь неправды? — и услышишь: благодать Божия чрез Господа нашего Иисуса Христа».

Дидим понимает здесь всякое, а не особое какое-либо приращение греха; но это не чуждо смысла сего стиха. Он говорит: «Произволением

отставший от пути неправды и возжелавший приступить к закону Божию молится, да будет совершено это Богом, приводящим к концу все благие начинания. Равно и тот, кто возненавидел прежде неведение и возжелал противоположного ему ведения, не имея сил сам прогнать неведение и просветиться ведением, взывает к единому всех Учителю: неведение отстави от мене, и ведением Твоим помилуй меня!»

Законом Твоим помилуй мя. Каким же это законом? — «Законом человеколюбия Твоего, говорит Зигабен; ибо закон человеколюбия Божия в том и состоит, что Бог милует кающегося и всю душою обращающегося и прибегающего к Нему». Правда требует наказания нарушителю правды; человеколюбие же Божие ходатайствует о помиловании. Это главный закон в настоящем периоде нашего существования. Терпящий нападки от греха не может не сознавать, что такую власть над собою прежде он сам подал греху, сам вскормил в себе эту змею, потому праведно и терпит; а если праведно, то где же спасение ему, как не в человеколюбии? Он и молится в этом смысле: «сам виноват я, праведно терплю эти нападки, но окажи мне, Господи, милость, отставь этот путь неправды, по закону человеколюбия Твоего».

Слова — *законом Твоим* могут еще значить: так, как закон Твой велит или требует. Как

больной, ища помощи у врача, чаёт от него выздоровления по законам врачебной науки, так и здесь. Бог врачует немощи духовные; но есть свой закон для этого уврачевания, помимо которого уврачеванию состояться нельзя. «Каким же это законом ищет он милования? — вопрошает блаженный Августин. Не иным каким, как законом веры. Закон веры состоит в том, что мы молимся, да будет нам даровано благодатию совершить то, чего сами мы не в силах совершить».

Законом Твоим помилуй мя — значит, опять, то же, что *благослови меня такою-то вещию*, то есть дай мне такую-то вещь в благословение. Таким образом, выйдет: окажи мне милость дарованием закона Твоего; исторгни неправые движения из сердца, а на место их напиши там, впечатлей, внедри закон Твой так, чтобы он проникнул весь состав мой, заправлял всеми движениями сил моих, завладел всеми исходами жизни моей и действий моих, и я, сознавая то, мог нелестно исповедать закон Бога моего в сердце моем. Это значение ближе всех к делу и совмещает в себе все другие. И еврейский текст говорит: удостой меня закона, сподоби закона.

Святой Иларий дает такую мысль: «Дай мне исповеданием закона Твоего сподобиться милости Твоей и блаженствовать в полноте ее. Пророк молится, чтобы Бог законом Своим помиловал его. Законом же милость Божия привлекается,

по Писанию, вот как: *и ныне, Израилю, что просит Господь Бог твой у тебе, точию еже бояться Господа Бога твоего, и ходити во всех путех Его, и любить Его, и служить Господу Богу твоему от всего сердца твоего и от всея души твоея, хранить заповеди Господа Бога твоего и оправдания Его, елика аз заповедаю тебе днесь, да благо тебе будет*¹. Итак, если закон учит ходить в путях Божиих, да благо будет ходящему в них, то и тогда, когда пророк молится, чтобы Бог законом помиловал его, молится о том, что заключено в законе, то есть чтобы, ходя в путях Божиих, достигнуть блаженства».

Стих тридцатый

Путь истинны изволих, и судьбы Твоя не забых.

Мрачный переход кончен. Кающийся вступает в состояние беспринужденного и самоохотного хождения в заповедях. Когда это совершится, в душе происходит то же, что испытывает человек, вступивший из темноватого коридора в светлые и разукрашенные покои. Это светлое состояние пророк изображает в трех последних стихах настоящего восьмистишия (30, 31 и 32).

Нельзя не заметить особой полноты в этом изображении и гармонии в соотношении разных сторон строя жизни духовной в эту пору. С одной стороны, указывается ряд отношений свободы к заповедям; с другой — ряд благодатных

¹ Втор. 10, 12–13.

воздействий, испытываемых душою. В первом идут — *изволих* — избрал, *прилепихся* — сердцем возлюбил, *текох* — живо действую в исполнении; во втором — *судьбы Твоя не забых* — принял в убеждение всю сущность домостроительства Твоего в устроении спасения; далее — *не посрами* — полагаюсь на Тебя всем упованием моим, *разширил еси сердце мое* — я почувствовал приток благодатных животворных воздействий Твоих. Само собою явствует, что цель всего — в *текох* и в *егда разширил еси сердце мое*: преисполнила меня благодать Твоя, расширилось сердце мое, и я пошел путем заповедей Твоих, не замечая препон и не допуская преткновений. Прочие указания — лишь путь и поддержка сего последнего, говорит святой Иларий.

Путь истинны... Всякий живущий и действующий уже имеет свой путь, но не у всякого есть путь истинный. И Спаситель различал два пути — широкий и узкий, и дал им оценку по тому концу, к которому приводит тот и другой. Из идущих всякий идет известным путем, и многим путь их кажется прям и истинен, тогда как на деле он крив и призрачен, — только кажется путем, и путем прямым, а на деле вовсе не таков. Пророк говорит, что вся эта разнообразная призрачность путей раскрылась пред ним; я, говорит, увидел, что один только есть путь истинный, и избрал его. Святой Амвросий пишет: «Пророк

говорит так для того, дабы показать, что он искренно обратился. Скупой не может говорить так, пристрастный к мирскому и вещественному — тоже, потому что каким образом этот путь будет путем истинным, когда богатый в веке сем не может взять отсюда с собою богатства и по смерти становится беднее бедного Лазаря? Точно так же нельзя считать путем истины и мирскую славу, и печаль века сего. Истина — в вечном; временное призрачно. Если желаем ходить путем истины, сделаемся странниками для мира и начнем жить верою. Живущий верою живет в Боге, Который есть единый истинно Сый; а преданный миру только *образом ходит*¹, и истина (действительность) скоро обличит его».

Что же для нас путь истины? — Жизнь по Евангелию, в духе веры христианской. Господь наш Иисус Христос есть и Истина и Путь. Иди вслед Господа Христа, и будешь идти путем истины. Но сделай так, чтоб это было самым делом, а не по имени только. *Не всяк глаголяй: Господи, Господи, внидет в царствие, но творяй волю Отца небеснаго*². Вступи истинно на путь истины, а не кажись только идущим по нему.

Путь истины изволих — избрал всею моею волею, вся воля моя в нем, и уже не влается³ она туда и сюда. До навыка добру, до возобладания

¹ Подобно призраку (Пс. 38, 7). — ² Мф. 7, 21. — ³ Влечется. — Ред.

внутри света истины, воля все еще продолжает двоиться. Во всяком подлежащем деле совесть, уже просвещенная и оживленная светом Евангелия и благодати, указывает богоугодный образ действия; но чувствуешь, что не знаешь откуда идут предложения, совсем противоположные ему, и кто-то вступает в спор с совестью. Помня условие помилования в покаянии — обет быть верным воле Божией, воля, хоть и далека бывает от согласия на эти чуждые предложения, а все поспрашивает назад, не без некоторого влечения к котлам египетским¹, — двоится, значит. Это двоение и есть признак, что внутри, во глубинах нашего существа, дело обращения еще не кончено; там все еще остаются задатки чуждой жизни, как ростки, придавленные, но готовые тотчас распусться, дай только им простор. Доселе подъепитимийное состояние еще не кончено, а следовательно, дело покаяния еще не довершено, еще не слышится внутри утешительный глас: *отпускаются ти греси твои*². Но когда это пройдет, все нечистое испарится, самоугодие погаснет, страсти замолкнут, — тогда не бывает уже раздвоения; тогда на всякое представляющееся благое дело изволяется всею полнотою воли. Вот об этом-то и поминает пророк, как видно, в радовании и веселии духовном.

¹ См.: Исх. 16, 3. — ² Мф. 9, 2.

И судьбы Твоя не забудь. «Изволил, говорит блаженный Августин, путь истины, по коему теши, и судьбы Твоя не забудь, чтобы теши». В памятовании судеб Божиих — и возбуждение, и поддержка изволения пути истинного. Созерцание судеб Божиих печатлеет в сознании неизбежность именно этого пути и связывает волю. Оттого она и изволяет его, решительно, без колебаний; возлагает на себя закон неуклонно идти этим путем.

Но что такое эти судьбы? — Все течение судов Божиих, или определений о нас богопромыслительной воли Божией, с того момента, с какого благоугодно было Богу открыть их, до того, в какое кто входит сознанием в полное созерцание их, не исключая из круга сего и того, что видит совершившимся на себе самом; иначе сказать — все домостроительство спасения рода нашего и спасения того, кто говорит это. Эти судьбы Божии видятся и в начале покаяния, но в чертах слишком общих. Когда же покающийся добросовестно проходит подъепитимийное состояние, они все более и более уясняются и, уясняясь, связуются с сознанием, как в том, что касается всех спасаемых, так и в том, что касается самого очищающегося лица. Наконец, они все ясно зрятся и срастворяются с сознанием так, что составляют неотъемлемую его часть. Как всякий, ясно сознающий себя человеком, сознает и себя и все окружающее, так ясно сознает и очистившийся

весь строй судов Божиих и свое среди их положение. Все это в целости так теснится в его сознании, что он и забыть того не может. Как помнит Бога и себя в Нем, так помнит и судьбы Божии. «Они, говорит Анфим, из мысли у него не выходят, всегда возвращаются пред очами ума его».

Предыдущее — *изволих* с этим — *не забудь* состоит в прямой связи, как необходимое следствие, в духе нравственной необходимости. Входящий в познание судов Божиих удостоверяется до неотразимой очевидности в том, что все строится по воле Божией и что эта воля как положила что, так тому и быть: никто и ничто не сильно изменить или отменить ее. Положила она устройство спасения так и так, и уже ничто не может поколебать этого положения. Действуй же или так, как положено, или оставайся вне спасаемых и, следовательно, иди в погибель. Когда удостоверение в этом займет сознание так, как, например, сознание днем, что это день, а ночью — сознание того, что это ночь, тогда тот, у кого живо чувство самосохранения, каково должно оно быть у кающегося, не может колебаться. Он переходит весь на сторону Божиих определений, слагается с ними, изволяет их, — и колебаниям конец. Бичевания, строгания железными когтями, разжженные печи — все нипочем! Все существо его объято тою истиною, что или устоять и спастись, или пошатнуться и погибнуть. Такова сила

нравственной необходимости! Мир видимый стоит, скрепленный физической необходимостью; мир нравственный течет в строе, скрепляемый необходимостью нравственную, печатлеемую в сознании и воле избранников всеправящею десницею Всеблагото Бога, всем хотящего спастись именно так, а не иначе.

Стих тридцать первый

Прилепихся свидением Твоим, Господи, не посрами мене.

Раздвоение воли кончается в ту пору, когда исчезают все сочувствия к греховному и страстному. Брань греху и страстям объявляется в минуту покаяния; но то совершается в высшей воле, сердце же не вдруг отрывается от привычных уклад. Глаз ли увидит, ухо ли услышит, или на мысль придет что-нибудь из прежнего, — в сердце отдается сочувствие к тому, хотя дух — высшая сторона нашей природы, — заметив это, тут же укоряет его. Но вдруг нельзя верно оторваться. Постоянство противления злу подавляет, однако ж, все более и более такое сочувствие, возрождая вместо его неблаговоление, досаду и гнев на греховные возрождающиеся движения. Наконец, гнев и раздражение покрывают всю область страстного. Это знак, что от сердца отрезаны все нити, связывавшие его с грехом.

Это отрывание сердца от греха одно не бывает, но ему всегда сопутствует прилепление

к противоположному добру. Они идут вместе, и насколько сильно одно, настолько крепнет другое. Сердцу нельзя быть без привязанности: это его природа. Отрешаясь от одного, оно прилепляется к другому, и нельзя различить — прилепление ли производит отрешение, или отрешение дает свободу прилеплению. Таким образом, когда из сердца исторгаются все сочувствия греховные, что свидетельствуется гневом против всего греховного, то в то же время совершается и полное прилепление ко всему добру.

Одного старца спрашивали: чем доказывался то, что прощены кому-либо грехи? Старец отвечал: «Тем, если он возненавидел их». Такое же решение предлагает и Василий Великий. Если это возненавидение современно прилеплению к добру и если кто может сказать о себе, что он прилепился ко всему добру, — тот вполне может быть уверен, что грехи его прощены. Бремя епитимии кончилось... В древних сказаниях читаем, что когда кто, нагрешив много, каялся и, исповедав грехи свои старцам, просил врачевания, то они отводили его в уединенную келлию и, преподав ему правила, запирали в ней. Проходил известный срок: епитимия совершала свое дело, и подъепитимийный слышал гласно: «Господь принял покаяние твое, грехи твои прощены». То же самое внутренне совершается и у того, кто, возненавидев грех, прилепился к свидениям Божиим.

Не совне, а внутри его должно слышаться изрекаемое свыше в совести удостоверение, что грехи его отпущены, — и такой не постыдится. Вот что пишет об этом святой Амвросий: «Тот, кто хотя и много наделал срамного, но испросил себе в том прощение у Христа Господа, не посрамится, ибо такому изрекается: *отпущаются грехи твои... иди в мире*. Не посрамится же он, когда отпущение грехов совершится в нем делом, — когда не только грех, но и страсть греховная отъята будет от него, — когда правда отринет все неправды, мужество — страх, воздержание — нечистоты, чтоб отпущение (отторжение) грехов было не на время только, но навсегда. Внидет в душу твою Христос, возобитает в уме твоём Иисус, и в скинии сердца твоего не будет уже более места греху».

Слова святого Амвросия переносят внимание наше в будущий век, пред престол суда Божия. Блаженный Анфим Иерусалимский прямее выражает это так: «Кто таким образом прилепился к свидениям Божиим, того не посрамит Господь в день суда». В этом случае слова *не посрами мене* выражают непоколебимое упование верующего, добросовестно потрудившегося над собою: *и Ты не посрамишь мене, Господи*. Такое упование есть не-отъемлемая принадлежность духа спасающегося. Без него и начаться нельзя делу спасения, а тем более продолжаться. Но там оно в зачатках,

а теперь созрело. Если верно, что на душе отпечатлеваются следы грехов и страстных склонностей, что она бывает исписана ими, так что предстань она, обнаженная от прикрывающего ее тела, пред теми, которые способны видеть ее, и они без особых указаний прочтут ее всю, — то какой срам ожидает души не очистившиеся, когда они предстанут пред сонмом ангелов и святых, видя сами свою срамоту и зная, что и все окружающие видят ее. Этого теперь мы и вообразить не можем; и Спаситель не изобразил, а сказал только, что им будет так тяжело, что они пожелают быть подавленными горами, чем стоять в такой срамоте перед взорами всех. Вот почему пророк, получив удостоверение в исторжении из естества его всех нечистот и сознавая, что там всюду качественно любовь ко всестороннему добру, в радости духовной свидетельствует свое непосрамляющее упование: *не посрами!* — и я уверен, что не посрамлюсь. Чистые очи святых не увидят после сего ничего срамного во мне, и мне не стыдно будет стоять среди сонма их. Святой Иларий пишет: «Тот получает прощение прежних грехов, кто прилепился к свидениям Божиим. В слове Господнем так сказано: *се отъях, яко облак, беззакония Твоя, и яко прилфрак грехи твоя*¹. Бог может отдалить от нас все, что служит к стыду и посрамлению нашему, если и мы

¹ Ис. 44, 22.

добросовестно можем сказать: *прилепихся свидени-ем Твоим*».

Но говорящий так еще здесь живет, еще на пути, еще в плавании, а не в пристани. Крушение бывает и у берега; разбойники могут схватить и ограбить на углу вашего дома. Пока жив человек, он не может не бояться вражеских нападений и не чувствовать нужды в помощи против них. Дерзость врага обykle снова пробираться в прежние, покоившие его души, уже подметенные и убранные. В этом отношении *не посрами* будет значить вот что: теперь, — благодарение Тебе, Господи, — все исправилось и наладилось по воле Твоей; но боюсь, как бы враг опять не прокрался как-нибудь и не низвратил всего моего строя. Уж он знает, как со мною справиться; не посрами же мене, Господи, и не предай врагам душу, исповедующуюся Тебе. — «Не посрами меня, продолжает блаженный Августин, да притеку туда, куда теку, да достигну того, к чему стремлюсь, так как это дело ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога. Я всецело прилепился к заповедям Твоим и готов совершать с любовью всякое встречающееся доброе дело, но желание и искание — мое, а сила — Твоя. Всем упованием моим возлагаюсь на Твою, всегда готовую ищущим Тебя, помощь, — не посрами меня; дай мне и действовать по всей полноте моего прилепления к заповедям Твоим; преисполни силою Твоею,

чтобы как-нибудь и со мною не случилось того, что случается с тем, кто, начав строить дом, не в состоянии довести до конца, или с тем, кто, поспешив начать войну, оказался несостоятельным к ней».

Упование, что Начавший в нас дело спасения доведет его до конца и чрез все неровности жизни благоуспешно проведет до врат смерти, и чрез них к непосрамленному водворению в сонме прославленных, зарождается с самого начала обращения к Богу. Вместе с трудами по делу приближения к Богу оно растет и опирается преимущественно на том сознании, что с нашей стороны все, что было в наших силах, уже употреблено в дело. И Бог особых содействий не являет, пока у человека есть еще свои силы, не пущенные в ход, ибо и они от Бога. Пророк говорит теперь как бы так: я уже сделал все возможное, истощил силы Твои, данные мне в естестве моем; далее и шага не могу сделать, а остается еще много. Приди же теперь ко мне с особою помощью и помоги мне довершить начатое мною, широкое, по самому Твоему начертанию, дело. Страшно мне будет даже пред самим собою, что, начав действовать по такому широкому плану, остановлюсь на полдороге. Вот теперь-то собственно и начинается настоящее действие, когда Ты, а не я буду действовать.

Стих тридцать второй

Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое.

Текох — ёдрацов, побежал то есть путем заповедей Твоих, вырвался на свободу, вышел на большую просторную дорогу. Прежде руки и ноги перепутывались, и дорога была неровна и терниста; теперь и дорога просторна и гладка, и руки и ноги развязаны. Когда раздвоение воли прекратится и сочувствие греху и страстям замрет, тогда внутри не встречается более помех к благоделанию в угождение Богу. Как вяжут страсти — всякий знает, хоть бы и не получил еще восхваляемой здесь свободы. Своекорыстие (себе нужно) вяжет щедродательность, саможаление — всякого рода воздержание, многопечительность и забота (некогда) — упразднение от всего для беседы с Богом в молитве. Так, всякое доброе начинание, возникающее в сердце, тотчас бывает связываемо тут же рождающимся противоположным недобрым чувством, и дело или совсем оставляется, или останавливается на время. Эти противления добру происходят от сочувствий сердца греху и от раздвоения воли. Когда же они замрут, тогда противления внутри прекращаются, а если иногда заходят отъинуда¹, то не имеют определяющей силы, и всякое добро,

¹ Откуда-то. — *Ред.*

как замышляется, так и исполняется, охотно, скоро, живо, с удовольствием и радостью.

Причина быстротечности по пути заповедей есть благодатное расширение сердца. Благодать Божия присуща сердцу с первой минуты пробуждения грешника. В крещении или покаянии она входит внутрь и обитает в человеке, но полного действия своего не оказывает, не являет себя сознанию человека спасаемого, пока не очистится сердце его, хотя преимущественно ее же действием, но вследствие усилий самого человека. Это время и есть трудничество, или подъяпитимийное состояние. Возлагается ли на кого епитимия канонная или нет, а внутренней никому не миновать, и срока ей никто определить не может. Там все идет само собою, право учреждаясь соотношением свободы и благодати. И вот когда термин этот кончается, благодать воссиявает в сердце, и сердце становится широко-широко... Это бывает современно прекращению раздвоения воли и сочувствия сердца греху, ибо тогда только сердце становится чистым, достойным вместилищем Духа. Созидается сердце чисто, и дух правый обновляется во утробе спасаемого.

Святые отцы изображают пространно эти два одновременные явления в духовной жизни. Святой Иларию пишет: «Все у пророка идет в порядке. Сначала сказал он: *путь неправды отстави*; потом: *путь истины изволих*; далее: *прилепихся*

свидением Твоим; теперь заканчивает: *путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое*. До этого дойдено постепенно. Все предыдущее было затем, чтобы свободно пойти путем заповедей Божиих. Но путь, ведущий в живот, и тесен и прискорбен, — тесен потому, что им надобно идти со всем вниманием и осторожностью; — прискорбен потому, что на нем много скорбей и лишений. Но как же пророк хвалится, что он побежал путем сим? — Не сам собою, говорит, но *текох, егда разширил еси сердце мое*. Свободно пошел он путем Господним после того, как начал быть широк сердцем; не прежде возмог он потещи так, как наперед сам сделавшись пространным и достойным Бога жилищем».

Блаженный Августин представляет пророка будто слышащим вопрос свыше: «Как потек ты путем заповедей Господних, — ужели сам собой? — Нет, Господи, отвечал он, *текох, егда ты разширил еси сердце мое*, — не одним моим произволением, как бы не нуждаясь в Твоей помощи, но потому, что Ты расширил сердце мое. Расширение сердца есть возлюбление заповедей. То дар Божий, если мы пребываем в заповедях Его, не утесняясь страхом наказания, а расширяясь любовью и услаждением в них. Широту эту обещает нам Сам Бог: *вселюся в них*, говорит, *и похощу*¹. И как просторно там, где вселяется и шествует

¹ 2 Кор. 6, 16.

Бог!... В этом просторе *изливается любовь в сердца наши Духом Святым, данным нам!*»¹

Святой Амвросий указывает тут некоторые другие оттенки: «Не мог бы он теши путем сим, если б сердце его было сжато и утеснено. Текущим по пути Господню апостол, сказав наперед о себе: *сердце мое распространися*, говорит: *распространитесь*². И смотрите, какое различие: путь предлежит теснейший, а сердце должно быть пространнейшее, чтобы послужить жилищем Отцу и Сыну и Святому Духу, — чтобы Бог Слово, пришед и толкнув в двери сердца, не нашел его тесным и не отказался обитать в нем. Надо теши широтою внутреннего человека, а не теснотою внешнего делания, чтобы достигнуть преднамеренного³. Достигает только тот, кто течет таким образом, и только он может сказать: *течение скончах*⁴, успешно протек, ибо тек, как добрый конь».

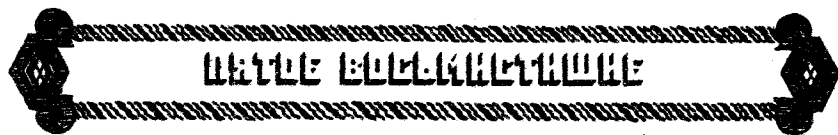
Чистое сердце исполняет благодать Духа; вместе с нею и любовь изливается в сердце, свидетельствуясь полным, самоохотным, радостным и живым исполнением всех заповедей. Над тем, кто достиг сего, исполняется утешительное обетование: *к нему приидем и обитель у него сотворим*⁵.

Что же, и конец течению? — Нет, здесь только начало настоящему течению, каково оно должно быть по преднамерению Божию во Христе

¹ Рим. 5, 5. — ² 2 Кор. 6, 11, 13. — ³ 1 Кор. 9, 24. — ⁴ 2 Тим. 4, 7. — ⁵ Ин. 14, 23.

Иисусе. Доселе длилось покаяние с подъяпитийным состоянием и состояло в возобладании всеми дорованными нам в Господе средствами и восприятия свободы действовать ими беспрепятственно. Теперь следует начаться и самому действованию, чистому, и ни на волос не отступать от предначертаний Божественного промысления, определяющего и судьбу всех, и образ участия и действия в ней всякого частного лица. Достигший сего исповедует, что Бог есть уже действующий в нем и еже хотети, и еже содеяти, и когда действует, говорит: *не аз, но благодать, яже со мною*¹.

П Пятое восьмистишие охарактеризовано буквою *ге* — *вот*.

Вот, — говорим мы, когда хотим выразить определенность, точность, очевидность чего-либо, как бы указывая, — вот, посмотри. В настоящем восьмистишии святой пророк определенно выражает, в чем все дело спасительной богоугодной жизни. Приводя на память все, высказанное доселе, он говорит как бы так: вот в чем дело! Все от Бога; у Него ищи и начертания благого пути (стих 33),

¹ 1 Кор. 15, 10.

и ведения (стих 34), и силы (стих 35). Но знай, что сколько бы ты ни просил сего, — не получишь, если и с своей стороны не употребишь всех усилий; посему ищи (стих 33), храни (стих 34), желай (стих 35). Только взаимное сочетание свободы и благодати дает жизнь истинную, благоуспешную. Что от Бога, то всегда готово: ты только не дремли и не предавайся лени. Нудя же себя на всякое добро, заботься особенно о том, чтобы намерения твои были чисты. Нечистые намерения губят доброту добрых дел. Итак, не попускай себе иметь при доброделании корыстные виды (стих 36). Не примешивай к сему увлечения и услаждения суетностями (стих 37). Да воодушевляет тебя во всем один страх Божий (стих 38). При этом, однако ж, помни, что сколько бы ни смотрел ты за собою, уничижительные для тебя помышления проскользнут: кайся в них, и как многие из них не бывают замечены, а иные и теперь, когда око твое устремляется в сердце, может быть, кроются там под личиною какого-либо добра, — то кайся непрестанно. Покаяние да будет фоном твоей жизни (стих 39). Затем, предав себя в руки Божии, говори: всем желанием хочу угодить Тебе, Господи (стих 40).

Стих тридцать третий

Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих, и възыщу и выну.

Законоположи, научи, напечатлей в совести, определенно укажи, что я должен делать, дабы не теряться в домышлениях и догадках, а все видеть ясно. В других псалмах говорит пророк: законоположи ми, Господи, в пути Твоём¹, настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей². Темнота и неопределенность несносны. Блаженный Феодорит пишет: «Всегда, говорит пророк, имею нужду в озарении и законоположении Твоем, чтобы знать путь оправданий Твоих и шествовать по нему беспрепятственно».

Но, может быть, замечает Беллярмин, пророк выражает этим желание не столько того, чтобы сказан был ему закон, сколько того, чтобы закон был воспринят внутрь всеми силами существа, чтоб он стал законом для всех сил души, был преобладателем образа деятельности, и вообще, и по частям.

Когда дано будет такое яснозрение закона, а тем более такая власть ему внутри, тогда ищущему богоугождения естественно не искать более ничего, как только исполнения его во всякое время и во всех случаях, где только откроется возможность приложить его. Пророк и прилагает: *и взыщу и выну*; только у меня и заботы и усилий будет, чтоб удовлетворять закону. «Одного, говорит Ориген, просит у Бога, а другое обещает привнести от себя. Ты, говорит, Господи, законополо-

¹ Пс. 26, 11. — ² Пс. 85, 11.

жи мне путь оправданий Твоих; а я все время жизни моей посвящу на то, чтобы взыскивать его».

Весьма изобразительно представляет это законоположение Божие святой Амвросий. «Воины, находящиеся в походе, не сами распоряжаются своим ходом, но получают от царя-вождя расписание, куда и как идти, и строго его соблюдают. Только при этом находят они все готовым на пути. Если же кто из них пойдет другим путем, то ни провианта не получит, ни квартиры не найдет. Все это царь повелевает заготовить на определенном им пути, и только для тех, которые следуют его указанию, не уклоняясь ни направо, ни налево. Он же распределяет и стоянки: три дня, например, идти, а четвертый отдыхать. Кроме того, избираются города, обилующие водою и всяким продовольствием, в которых полагается стоять по три, по четыре дня и более. Таким образом, путь совершается без крайнего утомления, пока достигнут города, в котором потрудившимся воинам дается полное успокоение. Знай же, что таким образом и Христос, Вождь святых, законополагает им путь для шествия ко граду Божию. Прообраз этого видим на переходе израильтян из Египта в землю обетованную. Станы этого шествия описаны Моисеем по повелению Божию. Но вникни, кто распоряжался этими станями, равно как и всем путем? Бог предшествовал им

днем в столпе облачном, прохладяя шествующих, а ночью — в столпе огненном, разгоняя тьму и освещая путь. Столп, то огненный, то облачный, был законоположителем пути; из столпа говорил к ним Бог. Где надлежало отдыхать народу от труда путевого, там останавливался столп и далее не двигался. Когда же надлежало идти, столп поднимался и шел туда, куда следовало направляться народу. Этот столп был прообразом Господа Иисуса, имевшего приити (и пришедшего) *на облаце легце*, как сказал Исаия¹, то есть чрез воплощение в Деве Марии, которая была легка, по причине непорочности девства, и осенения от Духа Святого. Предадим же и мы путь свой водительству Господа Иисуса; да будут заповеди Его законоположением пути нашего. Кто следует путем повелений Его, тот почивает в сени Христовой. Об этом и невеста воспела в песнях: *под сень Его восхотех и седох*². Так может говорить и всякая душа, равно как и все собрание христиан — Церковь. Он Царь, Он Вождь наш, и все прекрасно расположил в пути и шествии нашем. Если случается что на пути скорбное, стеснительное, что не под силу нам, — Он, как вождь наш, услаждает скорбь, расширяет тесноту, подает немощи силу и крепость. Если земной царь умеет доставлять все потребное войнам своим, — не тем ли более Всеблагий Бог

¹ Ис. 19, 1. — ² Песн. 2, 3.

ведает, что нужно рабам Его, и знает, как доставить им? Так-то всякая душа прохладяется под сению Христа Господа, поя с песенною невестою: *под сень Его восхотех и седох, и плод Его сладок*. Он пасет ее на месте злачном, воспитывает на воде покойной, то есть благодатию Святых Таинств. Проходя далее путем истинным, она вступает в блаженный стан любви и исповедует: *узвлена есмь любовью аз*¹. Есть и другие станы, в которые с любовью вступает верно шествующая к цели своей душа, — стан креста и погребения. А недобрых станов устраняется душа. *Путем царским пойдем, не соvertsимся ни на десно, ни на шуе, дондеже преидем пределы Твоя*², так говорили послы Моисея царю Едому, то есть земному, потому что земное все, и направо, и налево, недобро: недобр стан неразумия, недобр стан невоздержания. Израилю надлежало миновать их, не останавливаясь, чтобы достигнуть премудрости и стать там станом, потому что в деснице ее жизнь, а в шуйце — всякое довольство³. Хорошо сказал пророк: *законоположи*, то есть положи во мне закон, чтоб он пребывал в сердце неподвижным и твердым; чтоб оно никакою бурей века сего не было отторгаемо от любви к нему; чтобы таким образом он сам себе был закон, имея дело законное написанным в сердце своем. *Взыщу*, говорит, *и выну*. И верно, потому что не малость

¹ Песн. 2, 5. — ² Чис. 20, 17. — ³ Притч. 3, 16.

какая-нибудь ищется, а рай, Царство Божие, содружество ангелов, вечно-блаженные обитатели. Потому-то и искать надлежит не день, не два, не несколько месяцев, но всегда и чрез все, чтобы побольше собрать такого, что достойно воздаяния».

Последнюю мысль о напечатлении закона в сердце с особою полнотою развивает блаженный Августин. «Апостол говорит, что праведнику закон не лежит, а лежит он беззаконникам и непокоривым¹. Ужели таков был тот, кто говорит здесь: *законоположи мне, Господи, — каковы те, для коих, по слову апостола, положен закон? — Нет, если б он был таков, то не сказал бы выше: *путь заповедей Твоих текох*. Что же значит молитва его — положить ему закон, когда он не полагается праведнику? — Не полагается он ему таким же образом, как положен народу непокоривому, на скрижалях каменных, а на скрижалях сердца плотяных², не по Ветхому Завету с горы Синая, *рождающему в работу*³, а по Новому, о коем пишет пророк Иеремия: *се дни грядут, глаголет Господь, и завещаю дому Израилеву и дому Иудину завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их в день, в оньже, емшу Ми за руку их, извести я от земли Египетския, яко тии не пребыша в завете Моём, и аз небрегох их, глаголет Господь. Яко сей завет, егоже завещаю дому**

¹ Тим. 1, 9—11. — ² Кор. 3, 3. — ³ *Рождающему в рабство* (Гал. 4, 24).

*Израилеву по днях оных, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу я, и буду им в Бога, и тии будут Ми в люди*¹. Вот каким образом желает он, чтобы положен был ему закон от Господа, — не так, как положен он неправедным и непокорным, принадлежащим к Ветхому Завету, на скрижалях каменных; но так, как чадам святым, свободным, чадам вышнего Иерусалима, Духом Святым, как перстом, пишется в сердце, — не как такой, который только в памяти содержат, а в жизни презирают, но как такой, который разумно знают и любовно исполняют, по широте любви, а не по тесноте страха. Кто по страху наказания делает дело законное, а не по любви к правде, тот делает его невольно; а кто делает законное невольно, у того наверно кроется желание, чтобы не было такого закона. Таким образом, он не друг закона, а скорее недруг, когда желает, чтоб его не было. Дело не делает чистым того, кто нечист произволением. Такой не может сказать, что впереди сказано: *путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое*; ибо такое расширение сердца означает любовь, которая, по апостолу, *есть исполнение закона*². Почему же просит он положить ему закон, когда, если б не был он ему положен, то он и не тек бы путем заповедей в широте сердца? — Это он говорит так потому, что, стремясь к преуспеянию, верует, что оно есть

¹ Иер. 31, 31—33. — ² Рим. 13, 10.

дар Божий. Полагая это прошение вслед за предыдущим, чего другого просит он, как не того, чтобы преуспевать более и более к жизни по закону? Этот закон назвал он здесь путем оправданий; но не другой путь есть и путь заповедей, по которому он уже пошел, когда расширилось любовью к закону сердце его. Таким образом, он уже шел, а теперь и еще желает идти, все идти, чтобы достигнуть почести вышнего звания Божия. Потому-то и прибавил: *и взыщу и выну*. Как будет он искать того, что имеет, если не так, что и то, что имеет уже, имеет потому, что делает, и то, что взыскивать будет, будет взыскивать чрез стремление к совершенству в том же роде деятельности. Но что значит *выну*? Ужели не будет конца искания? *Выну* — все время, пока живем здесь, ибо дотоле только и преуспевание, а там завершается и запечатлевается хорошо здесь преуспевший. Здесь взыскивается закон чрез преуспевание в исполнении его, а там предлежит полнота наслаждения в нем и ради его, и для искания ничего не остается».

Стих тридцать четвертый

Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохраню и всем сердцем моим.

«В предыдущем стихе, пишет Зигабен, испрашивалось ведение закона общее и расположение к нему общее, вообще ко всему законному, ко

всему тому, на чем есть печать воли Божией, — испрашивалось оживление совести и возвышение силы голоса ее; теперь испрашивается ведение законного образа действия в частностях, как бы так: дай разуму моему такую остроту умного зрения, чтоб я верно мог определять всякий раз, как должно мне поступить, чтобы дело мое вполне было сообразно с Духом Твоего закона, с Твоею волею, с Твоими благими намерениями о мне и о всех людях. Затем и обещалось прежде вообще взыскание законного, а здесь обещается хранение, или исполнение его во всяком случае. Сердечность же и там, и здесь одинакова. Только сердце может взыскивать *выну*: потому-то там и не прибавлено: *всем сердцем взыщу*. Исполнять же законное можно и без сердца; вот почему здесь и прибавлено: «всем сердцем буду хранить». Сердечность составляет всю цену хранения закона. Но так как сердце слепое, то и испрашивается вразумление, чтобы лучи света разумного освещали область законного и указывали сердцу направление целесообразных стремлений. Пророк как бы так молится: «Дай мне, Господи, вразумление и просвещение Духом Твоим, да помощию Его со вниманием и усердием исследую закон Твой; поняв его точно, я обещаю и исполнять его верно». «И Господь повелел испытывать Писания; но испытующим потребно озарение свыше, чтоб и найти искомое, и сохранить

найденное», замечает блаженный Феодорит. «Прежде, говорит Беллярмин, испросил расположение к закону, а теперь просит верного и подробного знания его, не для любопытства, а для хранения познанного».

Святой Иларий так обзирает весь состав этого стиха: «Зная, что первое дело премудрости есть, когда не знаешь чего, обращаться за вразумлением к знающим¹, пророк, во-первых, просит разума, чтоб уразумевать то, чего не разумеет; зная потом, что, получив дух разумения, надлежит упражнять его в исследовании, говорит: *и испытаю закон Твой*; зная притом, что праведный плод испытаний есть исполнение делом открытого исследованием и познанного, прибавляет: *и сохраню и*; разумея же, что деятельное исполнение познанного получает силу и цену от сердца, он заключает весь круг своей речи так: *и сохраню и всем сердцем моим*. Но что именно просит пророк уразуметь и исследовать? — Духовное знаменование всего узаконенного. Как, например, шесть рабочих дней напоминают шесть дней творения, а седьмой — день покоя, — покой Божий по творении; как новомесячное празднество будто в зеркале предызображает вечное празднование новой жизни на небесах, так, чтоб уразуметь и все прочее: что значит юбилей седьмилетний и пятидесятилетний, что обрезание, что опресноки,

¹ См.: Притч. 17, 28.

что Пасха, что сама земля обетованная. Все это просит уразуметь, обещая, что, уразумев то, будет углубляться в разумеемое исследованием; углубляясь же, дорожить тем и, дорожа, хранить то всем сердцем своим».

Святой Амвросий далее проводит эту мысль, советуя глубже входить в уразумение богоугодного действия, вслед за истолкованием, которое дано делам закона от Господа. «Нам должно ходить в духовном законе, или в заповедях Господа, которые изрек Он, когда говорил: *речено древним... Аз же глаголю вам*¹. Как есть Святое, а выше его Святое Святых, так есть заповедь и заповедь заповедей. Когда уразумеешь так (духовно) закон, тогда и сохранять его будешь сердцем. Иудей не хранит сердцем закона; читает его устами, а умом не разумеет и сердцем не любит. Потому-то и укоряется он: *устами чтит Мя, сердце же его далеко отстоит от Мене*². Как может содержать закон тот, кто далек от Законодателя?»

Углубляясь, таким образом, в закон, усвоя себе духовное его разумение и действуя по сему последнему, «истинный законолюбец достигает, наконец, по словам блаженного Августина, высот святой и богоугодной жизни, на коих любит Бога от всего сердца, от всей души и всего помышления, и ближнего своего как самого себя; а в этом состоит весь закон и пророки».

¹ Мф. 5. — ² Ис. 29, 13.

Не оттого ли часто не видно должного плода от трудов у многих ревнителей благочестия и среди христиан, что не просят разума и не углубляются в исследование о том, что есть вящее¹ закона? Оттого и толкаются в преддвериях, не входя внутрь. Внешний чин имеет и христианство; без него нельзя быть человеку. Но в христианстве он имеет совсем другой смысл, чем в ветхозаветном устройении веры. Там пунктуально начертано все перстом Божиим, и отступающий от начертаний, хотя бы ими определялась одна внешность, погрешал. Церкви Христовой не дано такого начертания, а дан ей дух жизни о Христе Иисусе, который сам развился и облекся во все дивное благолепие церковного чина. И как дух жизни сей не иссякает, так и внешнее облачение сего духа непрекращаемо. Он не законевает на одном, чтоб оно стало, как иго работы подзаконной; но всегда свободен обновляться, как ежегодно обновляют одежды свои деревья, от избытка внутренней жизни. Закон один: *все да будет благообразно и по чину*².

В этом чине, как он дошел до нас, мы и воспитываемся, и возгреваем в себе им дух жизни. Вся сила в этом духе. Коль скоро он не в движении, то есть когда мы движемся лишь в благоустроенном чине Церкви, то ничем не разнимся от иудеев, обрезанных без обрезания сердца,

¹ Бóльшее. — *Ред.* — ² 1 Кор. 14, 40.

очищавших внешнее сткляницы, без заботы о внутренней чистоте, — устами говоривших: Господи, Господи! а в сердце преследовавших преимущественно свои эгоистические цели. Иудей приносил жертву положенную и отходил покойным в дом. Чем разнится от него тот, кто, стояв, например, внешне церковную службу с мыслями суетными и страстными, возвращается спокойно домой, с уверенностью, что совершил дело должное, и притом так исправно, что больше от него ничего и не требуется? — Ничем, — это настоящий иудей в духе. На одной с ними линии стоит и тот, кто в доме перечитывает положенные молитвы и кладет счетом поклоны, не заботясь о молитвенном строе ума и сердца; и, однако ж, исправив это дело благочестия, держит в уме и сердце, что за ним не состоит более никакой повинности, а остается только ожидать венца правды. Так же цена и всех доброделаний, которые исходят не из духа жизни, а творятся *ex efficio*, будучи вызываемы внешнею, так сказать, совестью и сопровождаясь тою же самоуверенностью, что вследствие их мы правы и с нас нечего больше взыскивать.

К внешнему чину мы так пристрастились, что забыли и настоящую его цену и значение. Оттого, коснись его кто в чем-либо, сейчас крик со всех сторон: *субботы не хранит!*¹ Стань входить внутрь

¹ Ин. 9, 16.

и выяснять, что это существенно, а это, как внешнее, не важно, — услышишь укоры: «иллюминат, мистик, духоборец!» Много ли найдется таких, кои, благоговейно проходя и держа все чины, вместе с тем держали бы убеждение, что все такие деяния сами по себе ничто, а всю цену имеют от того духа, с каким их совершать и принимать должно? Конечно, благоговейно должно чтить установившиеся чины, но не потому, чтоб они сами в себе имели какую-либо силу (кроме Святых Таинств), а потому, что ими служим Богу, в отношении к Коему, если кто делает что небрежно, подлежит клятве не за то или другое деяние, а за неблагоговейное его исполнение. В этом отношении во всем внешнем чине Церкви, — и большое и малое по виду, — все должно быть совершаемо с полным всесердечным благоговением, но не к делу внешнему, а к Богу, к Коему относимся чрез него. Всякое внешнее действие можно заменить десятками других; но дух, с коим следует совершать их, всегда должен быть один и неизменен. Если мы упустим это из виду, то прикуем себя к одному и набьем себе веру, что иначе уж нельзя; отсюда внешнее станет узами, наводя страх: «не коснись, ниже вкуси, ниже осяжи». А это и есть рабство боязливое, от которого да избавит Господь верующих!

Стих тридцать пятый

Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех.

Испросил сосложения с законом, чтобы взыскать его; испросил разума, чтобы верно уразумевать законное, — зачем же теперь дело? Хочешь, знаешь, — ну, так иди. Нет, говорит, — поведи, настави (по-гречески: *ὁδητήσον*), проводи, возьми за руку и веди, как водит поводырь слепца. Тут есть часть сознания и немощи: в духовном порядке, при всем воодушевлении на жизнь в нем, — есть часть сознания и робости, или несмелости ступать непривычную стезю духовной жизни, привыкнув к действиям ощущаемым и исканиям осязательного свойства, — есть часть сознания и слепоты духовной, малоуверенности, что, действуя так и так, действуешь право, потому что окончательная уверенность в этом приобретается опытом, а его еще нет, пока не вступлено на путь и не пройдено этим путем сколько нужно, чтоб ознакомиться с духовными опытами. Этим завершается круг крайних духовных нужд, обуславливающих спасительный образ действий: законоположи, вразуми, поведи. Последняя молитва полагает ищущего в руки человеколюбивого Бога, Который только того и ждет, чтобы человек, наконец, весь Ему предался, дабы беспрепятственно действовать в нем, и внутренно, и внешне. И причина услышания полагается

в расположении такого же рода: поведи, говорит, *по стезе, яко тую восхотех*. По-нашему, можно бы на это ответить так: мало ли ты чего не захочешь! Но в порядке Божественного промысла о разумносвободных тварях этим только и открывается простор свободному богодействию в нас, во спасение наше. Благодать Божия уже готова простереться к нам с своими дарами. Если не на всех изливается она, то потому только, что не все желают и не все взыскивают этих даров. Возжелание открывает вход им, как например, расширение легких вход в них воздуха и открытие окошка вход света в темные комнаты. Пророк говорит как бы так: дело стояло за моим хотением; вот же я, по благодати Твоей, восхотел; веди же меня. Блаженный Феодорит пишет: «Не просто просит, чтобы Бог всяческих сделался руководителем его в пути, но показывает вместе и свое стремление к шествию путем сим». Но этим же самым показывает, что и одного стремления его недостаточно к достижению того, чего взыскал он. Блаженный Августин говорит: «Будучи не силен сам собою исполнить повелеваемое, без помощи Повелевающего, он молится: поведи. Мало моего хотения, если Ты Сам не поведешь меня по той стезе, по какой восхотел я идти, по внушению Твоему». Святой Иларий пишет: «Сознает слабость естества своего и то, что не может без особого вождя идти стезею

заповедей. Вождь всех, шествующих этою стезею, есть Бог, как заповедано: *вслед Господа Бога вашего ходите... и к Нему прилепляйтесь*¹. Наш вождь — Христос Господь, рекший: *иже хочет по мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и последует Мне*². Он первый проложил стезю страданий, Евангелия ради».

Не так ли и есть в самом деле, что нам, христианам, молиться надо не столько о том, чтобы подано было руководство, сколько о том, чтобы даны были ведение и умение пользоваться уже готовым руководством, представляющимся в лице Господа Иисуса? Святой Афанасий у Зигабена говорит: «У кого нет верного вождя, тот не может идти путем заповедей. Но нам надлежит быть подражателями Христа Господа, — взять крест Его и последовать Ему». Святой Амвросий полнее объясняет это: «Христос, говорит он, предшествует — мы последуем. Он первый проложил путь новозаветной жизни. Если мы постимся — Он прежде нас постился; если за имя Божие терпим оскорбления — Он прежде нас претерпел их для нашего искупления: *плещи Своя вдал на раны и ланиты на заушение*³, и взошел на крест, чтоб научить нас, что, стоя за истину, не должно и смерти бояться».

Почему сказал святой Давид: *настави на стезю заповедей?* — Потому, что стезею называется

¹ Втор. 13, 4. — ² Мф. 16, 24. — ³ Ис. 50, 6.

узкая, неширокая тропинка; а таков и есть путь заповедей. Тесен и прискорбен путь, ведущий в живот; путь же этот не иной какой, как путь заповедей. Блаженный Августин говорит: «Давид назвал здесь путь заповедей стезею по той причине, что тесен путь, ведущий в живот, хоть идти по нему все-таки надобно, и еще с расположенным сердцем». А может быть, говорит Зигабен, «стезею назван путь заповедей потому, что он не нов и не необычен, но исстари учащаем¹ и проторен праведниками, которые шли по нему». Святой Иларий пишет: «Стезя — *τρίβος* есть протертая, учащаемая дорожка. Избранные люди начали ходить в заповедях Божиих от начала века. Этою стезею шел Авель; по ней шествовал Сиф; идя по ней, Енох угодил Богу; Ной удостоился быть сохраненным от потопа; Мелхиседек сподобился благословить отца верующих и стать прообразом Христа; Авраам сделался другом Божиим; Исаак — наследником великих обетований; Иаков — Израилем, носителем чаяния языков; Иов восторжествовал над врагом».

А может быть, потому еще путь заповедей есть стезя, узкая дорожка, что идущий по ней обыкновенно идет один. Идущих по пути заповедей много, но у всякого своя стезя, держась которой он только и может достигнуть туда, куда идет. Много советников, много примеров, много

¹ Многократно пройден. — *Ред.*

товарищей; но шаги всякий делает свои и свою ногою ступает в свое место на своей стезе. Внимательно идущий чувствует это одиночество и на каждом шагу помнит, что, кроме его, идущего, есть только Бог, *везде сый и вся исполняй*. В этом отношении истинно богоугодно идущие путем заповедей все до единого — монахи; ибо монах — тот, кто живет так, что в сознании его держится только Бог, и он сам пред Ним в благоговейном предстоянии, несмотря на труды и многоделание, когда оно встречается. И надо признать, что только такой строй внутри и дает истинных шествователей стезею заповедей, без различия пола и внешних отличий жизни.

Путь заповедей и потому еще может быть назван стезей — тропинкой, что проходит извилинами, минуя обрывы, острые камни и колючки. Стезя заповедей сама по себе пряма и прямо ведет к цели, но, по причине противностей извне и неустойств внутри, извивается в разном смысле. И это бывает так необходимо, что Сам, невидимо, но верно Руководящий Своих шествователей, намеренно уклоняет шествие туда и сюда, как видит более удобным и необходимым для руководимого. Ту же необходимость имеют и попущения Божии, но они суть только отъятие ведущей и поддерживающей руки. Прямые же воздействия на изменение шествований в одном и том же лице суть изменения в подвигах и

деланиях, как внешних, так и внутренних, по которым для стороннего наблюдателя может показаться, что тот же человек, да стал совсем не тот. Например, подвизавшийся обычно сделался юрдивым; затворник — общительным и всем доступным; строгий постник — обычным воздержником, любитель церковных молитвословий — молитвенником не по книгам. Тех потребностей, по которым это совершается, никто не может обрисовать, даже не в состоянии предугадать их и тот, кто подъял их. Это тайны живущих, и сами участники в них сознают нравственно пригодность их только для них; а отчего и как все это устроится, уяснить себе не могут; только благодарят Господа, все во благо нам устрояющего.

Как же после этого далеки от истины те, которые нормою жизни поставляют жизнь по сознанию долга, а долг определяют указаниями внешних отношений и порядков жизни! Это так далеко от истины, как закорузлая кора дерева от истоков жизни, которою оно живится.

Стих тридцать шестой

Приклони сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство.

Следующие три стиха (36, 37 и 38) соответствуют трем предыдущим в этом восьмистишии. Там (33) — *законопаложил... възвещу*; здесь (36) — дай, чтоб я не искал при этом ничего другого,

кроме Тебя и закона Твоего. Там (34) — *вразуми... сохраню*; здесь (37) — сделай, чтобы сердце мое услаждалось только законом Твоим, а не обращалось к чему-либо из того, в чем обыкла находить услаждение человеческая суетность. Там (35) — *настави... восхотех*; здесь (38) — *пестуном моим и стражем благого хотения моего поставь во мне страх Твой*. Так понимает это соотношение Беллярмин. Мы будем приводить слова его в своем месте под каждым стихом.

Очевидно, что здесь указываются правильные чувства и намерения, какими следует руководиться при исполнении воли Божией чрез отвержение чувств и намерений неправильных. Деятельность правую красит благонамеренность, точно так, как неблагонамеренность обезображивает ее, — перед очами людей не всегда, но пред очами Всевидящего Бога и просвещенною Им совестью — всегда.

Прямая мысль в настоящем стихе — об исключительном возлюблении воли Божией с отвержением любоимания, или жадности приобретения. Осмотрись кругом, и увидишь, что преимущественные хлопоты у людей о том, чтобы иметь, и, чем больше кто имеет, тем больше желает иметь. Это болезнь, которую пророк называет здесь *πλεονεξία*, — жадность иметь все больше и больше. Так как она, овладевая человеком, занимает все силы его души так, что о Боге и воле

Его святой и подумать некогда, а не то уж чтобы *взыскивать* Его *выну*¹, то пророк и молится отвлечь сердце его от такого бедственного искания и приклонить к свидениям Божиим, — сделать так, чтоб оно о том только и болельствовало, как бы представлять человека исправным во всех свидениях Божиих, и только тогда находило бы себя довольным, когда человек будет таков, а не тогда, когда получает какие-либо прибитки по житейским делам.

Не иметь нельзя, потому что нужна пища, нужна одежда, нужен кров; обо всем этом надобно промыслить, чтобы никому не быть в тягость. Даже пустынные отшельники прилежали трудам рукоделия, чтоб и себя содержать, и поделиться, когда нужно, с другими. У святого пророка речь не о том, чтоб ничего не иметь, но чтобы не болеть любоиманием, жаждою иметь все больше и больше, с пристрастием к тому, что уже имеется. Он как бы говорит так: сделай, чтоб, и имея, я был как не имеющий, чтоб сердце мое пусто было от имеющихся у меня вещей и прилепилось все сполна к единым свидениям Твоим.

Беллярмин говорит: «Этот стих соответствует первому в сем восьмистишии (33-му). Там молится пророк о напечатлении в сердце закона, а здесь молится об отклонении его от любоимания, которое больше всего мешает исполнению

¹ *Непрестанно* (Пс. 104, 4).

закона. Излей, говорит, в сердце мое обильнейшую благодать, которою оно приклонялось бы к хранению заповедей Твоих, а не было одолеваемо любоиманием». «Повороты, Господи, объясняет Зигабен, сердце мое на любовь к заповедям Твоим; помоги благодатию Твоею моему произволению и не допусти, чтоб оно склонилось на любовь к многоиманию и было препобеждаемо благами мира сего».

Но здесь не столько правило жизни, сколько указания законной цели, при исполнении закона. Пророк молится: дай мне, оставаясь верным закону Твоему, не иметь в виду ничего корыстного; дай мне любить закон Твой не тогда только, когда я в довольстве, но хотя бы Ты у меня и все отнял, дай сердцу моему быть приклоненным к единому закону Твоему, ради того, что в нем благая воля Твоя. Святой Амвросий пишет: «Святый не ищет интересов, но, вменив все в уметы, да Христа приобретает, просит, чтобы так было настроено и сердце его, ибо знает, что интересующее плоть — вредно для души, так как оно вредит добродетели». Блаженный Августин говорит: «Бог требует, чтобы мы чтили Его и оставались верными свидениям Его даром, без всяких корыстных видов, ибо в корыстности — корень всех зол. По-гречески стоит здесь *πλεονεξία* — страсть иметь более того, сколько имеем. Она-то и есть корень всему злу. Первые люди не были

бы обольщены врагом и не пали бы, если бы не возжелали иметь больше, чем получили, и стать больше того, чем были созданы. Враг обещал им: *будете яко божи*¹, — и желание иметь больше низвергло их. Желая иметь более, нежели сколько получили, они потеряли и то, что имели. Враг говорил об Иове: *еда туне* (даром) *Иов чтит Господа?*² Враг думал, что этот праведный муж в своем богобоязненном богоугождении имел сердце, приклоненное к любоиманию, и служит Богу, как наемник, из-за временных благ, коими обогащал его Бог. Но как бескорыстно было его служение Богу — показало самое искушение. Таким образом, когда сердце непрклонно к любоиманию, тогда мы чтим Бога ради Бога, чтобы Бог был и наградою за почитание Его. Будем же любить Бога (и закон Его) ради Его Самого; Его же будем любить и в нас самих, Его же и в ближних наших».

Богатым, когда они держатся благочестия, трудно различить, ради чего они благочестивы, — Господа ли ради и Его закона, или ради своего довольства. Во время довольства они и сами не могут определить этого с точностью, по лукавству сердца, которое, и при старании все делать Господа ради, может укрывать в себе опору на довольство. Это обнаруживают только лишения, и, чем они шире, тем решительнее удостоверение,

¹ Быт. 3, 5. — ² Иов. 1, 10.

что если и при этом не прекращается любовь к Богу, то значит, что она и прежде была не из-за того, что имелось и теперь потеряно. В обычном же течении дел многоимеющие, во избежание любоимания, должны возгревать в сердце своем такое расположение, умственно поставляя себя в разные положения лишений и восстанавливая в сердце мирное при том устройство. Этим могут они напечатлеть в душе такое решение, что, хоть все будет взято, и им придется остаться ни при чем, они будут готовы на это хоть сейчас. Настроясь так, они, и имея, будут как ничего не имеющие, что, по апостолу, есть последний предел совершенства в этом отношении для живущих в мире и не могущих не иметь.

Есть и духовная корыстность, когда трудятся в исполнении закона в надежде получения духовных благ здесь или в будущей жизни. Это корыстность тонкая, которую нелегко определить и различить. Вообще, надо сказать: коль скоро при трудах благочестной жизни имеется в виду другое что-нибудь, кроме Бога, угождения и покорности воле Его, — то тут уже есть своекорыстие. Что именно можно иметь в виду, кроме Бога, и в духовном порядке вещей, — пусть определяет всякий сам в себе, вникая построже в сердце свое, и, когда заметит, пусть молится не менее богатых века сего: *приклони, Господи, сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство*. Открытие это должно

быть скорбно для них; но в утешение им можно сказать, что нельзя вдруг востечь на высоту духовной чистоты: нужны время, труд и постепенность. И заметить эту нечистоту не вдруг можно, но, заметив, кажется, немногого стоит отторгнуть неправое. Бог есть Устроитель спасения. Он и до этого доведет, то есть чтоб и увидеть, и поправить.

Пророк просит *приклонить сердце*. А сам же что? — Да что поделаешь с сердцем, когда оно не всегда прилегает к тому, необходимость чего признана? Признана необходимость ходить в свидения Божиих, а сердце не льнет к ним. Оттого и молитва: *приклони, Господи*. Однако ж это не значит, что самим при этом можно оставаться бездейственными, — нет: надо и Богу молиться о приклонении сердца к заповедям, и самим нудить его к такому склонению, насколько это находится в нашей власти и силе. Когда истощишь свои силы, тогда и помощь Божия придет, и восполнит недостающее в твоих усилиях и трудах. Блаженный Феодорит пишет: «Вода обыкновенно стремится по склону и, как скоро находит где-нибудь выход, стекает туда вся. Так, после того как диавол открыл путь ко греху, человеческое естество устремилось к худшему. Посему весьма прилично пророк умоляет о том, чтобы сердце его приклонено было во свидения Божии и избежало поводов испытать стремление к иному». Святой

Иларий разъясняет это так: «Все к дарованию Божию относит пророк — и законоположение пути оправданий, и вразумление, и руководство, и, наконец, склонение сердца к свидениям. Может быть, по поводу такого благоговейного смирения иной нечестиво дерзнет сказать: если все от Бога, если человек ничего не может иметь, кроме того, что получит от Бога как дар, то человеческое неведение и греховность не имеют вины. Так думать нечестиво, и пророк тут же предотвращает всякий к тому повод. Молится он, исправляя дело, свойственное немощному; но тут же присовокупляет, какой труд богоугождения должен привнести и от себя. Когда говорит: *законоположи ми, Господи, путь оправданий*, то показывает, что законоположение, испрашиваемое смиренною молитвою, есть от Бога. Когда же прибавляет: *и възышу и выну*, то указывает, чего требует от него долг его собственного благочестия. И в прочих стихах то и другое сочетавает он вместе. Говорит, например: *настави мя на стезю заповедей Твоих*, и тут же прибавляет: *яко тую восхотех*. Прежде научает благочестно испрашивать того, что идет от Бога, а потом обозначает и то, что с сознанием долга и смирением должен привносить человек и от себя. Молится, да дарует Бог; почин, следовательно, от нас, если мы молимся, да будет дар от Него; если же дар от Него по нашему почину, то

наше дело — искать, просить, толкать и затем полученное хранить и употреблять в дело».

Блаженный Августин дает такой оборот этой молитве: «Что значит иметь сердце свое приклоненным к чему-либо, если не хотеть того? Таким образом, он молится о том, чтобы восхотеть свидений, но ведь он уже восхотел их, как выразил в предыдущем стихе: *яко тую восхотех*, — и восхотел уже, и молится, чтобы восхотеть, показывая тем, что он желает преуспевать в самом хотении».

Святой Амвросий дает при этом такой урок: «О, когда бы и нам, подражая молитве святого, и молиться о том же, о чем он молился, и делом делать то, о чем молимся! Какая польза молиться Богу, чтоб Он отвратил сердце от корыстности, а самому день и ночь заботиться о прибытках? Сделаем же, чтобы и душа сочувствовала тому, о чем молимся языком. Господь смотрит на то, куда клонится сердце. Если сердце несогласно с языком, то Он не слушает молитвословящего. Потому-то хотевший добре молиться, говорит: *памалюся духом, памалюся и умом: воспую духом, воспую и умом*»¹.

Стих тридцать седьмой

Отврати очи мои, еже не видети суеты; в пути Твоем живи мя.

¹ 1 Кор. 14, 15.

Стих этот отвечает второму в сем восьмистишии, 34-му. Там просит пророк дара разумения, для исследования закона; здесь же, чтоб очи ума не отвратились к суетностям: *еже не видети суеты*, то есть чтобы не быть заняту умом в помышлении о временных вещах; сделай, то есть так, чтобы я весь погружен был в закон Твой. *В пути Твоем*, то есть когда я иду путем Твоим, храню закон Твой, *живи* меня, обновляй, храни, подкрепляй. Так толкует Беллярмин.

Суета — это все, что придумано и делается не по нужде и пользе, а для услаждения своих чувств и своей похоти. Мир битком набит такими вещами и обычаями. Кто живет среди этого, тот все кружится, не имея возможности опомниться, — все гоняется он за чем-то, а это что-то все бежит от него и вырывается из рук, когда кажется, вот-вот уже завладел им. В этом отношении суета значит толкотня без толку, без пользы. Пророк молится отвратить очи его от такой суеты, потому что она, при всей пустоте своей, привлекательна: взгляни только — повлечет и потянет; не поостерегись — увлечет и утянет. Но как же *отврати*? — Сам не смотри; ведь никто не заставляет. Так-то так; но, живя среди суеты, нельзя не взглядывать; это можно лишь в безлюдной пустыне. А между тем это воззрение раздражает кроющиеся в сердце позывы, а возбужденные позывы вызывают сочувствие

и сосложение, с которыми тесно граничит увлечение и кружение в суете. Когда позывы раздражены, глаза невольно обращаются к предметам раздражающим и еще более раздражают их. Тут уже они бывают прикованы к этим вещам, и душа чрез них пьет сласть, одуряющую и убивающую ее разумность. *Отврати очи* будет иметь такой смысл: не дай мне воззрением на вещи суетные увлекаться суетою и прицепляться к ним вниманием и сочувствием моим, потому что в этом — смерть для меня. Держи меня лучше на пути заповедей Твоих, потому что в этом — жизнь. Дай, чтобы я пребывал в них весь моим сердцем и вниманием, и в таком пребывании находил и жизнь, и сладость жизни, оживляющую и возбуждающую энергию — все быстрее и быстрее тещи тем же путем Твоим.

Блаженный Анфим пишет: «Обращающий очи на суетное идет путем смерти и отдалается от жизни Божией. С ним бывает то же, что с женою Лота, обратившеюся поглядеть. Отвративший же очи свои, *еже не видети суеты*, избавляется от смерти, как избавился и Лот. Такой хорошо справляет дело свое и доводит его до конца, как и тот, кто, возложив руку свою на рало¹, не озирается вспять».

Святой Афанасий пространнее разумеет суету, подводя под нее все, не относящееся к богоугож-

¹ Плуг (см.: Лк. 9, 62).

дению и спасению. «Суета, говорит он, есть неистовое пристрастие к зрелищам, углубление мысли в недолжное и неприличное умопредставление. Это самое объясняет Павел: *в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия*¹. Суета ума состоит в том, когда кто, имея его, не пользуется им к усмотрению истинного, а предает его связующему сатане. Посему Псалмопевец, молясь, чтобы не постигло его такое несчастье, говорит: *отврати очи мои, еже не видети суеты*, так как и это есть благодать Божия. Пророк называет суетою также то, что есть красивого в теле, и что плотским очам представляется хорошим».

Последнюю мысль полнее излагает блаженный Феодорит: «Бесполезное и ни к чему не служащее — суетно; а таковы мнимые приятности в жизни. Так именует их и Премудрый: *суета суетствий, всяческая суета*². И, пересказав затем, как созидал он дома, насаждал сады, устраивал резервуары, присовокупляет: *и се вся суета и произволение духа*³. Посему пророк умоляет, чтобы очи ума его склонились к иному созерцанию и не обольщались суетою настоящего».

«Какие же это очи и от какой суеты отвратить молится пророк? — спрашивает святой Иларий и отвечает: — Очи души и тела... от всего, что люди ценят высоко, но что само в себе ничтожно и непрочно. Таковы: театральные зрелища,

¹ Еф. 4, 17—18. — ² Еккл. 1, 2. — ³ Еккл. 2, 11.

состязания в цирках, ценные одежды, золото, камни и тому подобное. Какой плод отвращения очей от такой суеты? — Жизнь духовная».

«Так как мы немощны, пишет святой Амвросий, то, и при всем желании не увлекаться любованием, часто бываем уязвляемы им чрез воззрение на чужое, со внешней стороны светлое, — состояние, дом, наряды и тому подобное и начинаем желать тех же суетностей, то пророк и прибавляет: *отврати очи...* ведь и то Божий дар, чтобы око наше отвращалось от суетных благ века сего. Все блаженство в Господе. Потому-то и сказано: *блажен муж, емуже есть имя Господне упование его, и не призре в суеты и неистовления ложная*»¹.

С такой точки зрения в этом стихе является уже правило жизни. Блаженный Августин указывает в нем урок о цели доброй деятельности и мысль свою о том излагает пространно. «Что значит, говорит он, *отврати очи мои, еже не видети суеты?* Ужели мы, пока живем в мире сем, можем не видеть суеты? Не в том ли смысле говорит это пророк, в каком заповедует апостол: *вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сядя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе?*² Можно и так разуметь эти слова; но есть тут и другая мысль, которая, мне кажется, более подходит к этому месту. Господь говорит в Евангелии: *аще будет*

¹ Пс. 39, 5. — ² Кол. 3, 1–3.

*око твое просто, все тело твое светло будет; аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет*¹. Потому-то, когда делаем что-нибудь доброе, весьма важно при этом то, что́ имеется в виду. Верность наша долгу оценивается не исполнением только его, но и целию, с какою он исполняется. И, делая что-либо, мы должны иметь во внимании не только то, хорошо ли задуманное дело, но, особенно, хорошо ли то, для чего мы хотим делать его. И вот эти-то очи, которыми смотрим мы на то, для чего делаем то, что делаем, и просит пророк отворотить, да не видят суеты, то есть чтобы, делая что, не ее имели мы в виду, не ради ее делали то. В этой суете преимущественное место занимает любовь к человеческой славе, ради которой много и великого делали люди, прозванные великими в веке сем и много хвалимые народом, — люди, которые искали славы не у Бога, а у людей, и, получив ее, получили мзду свою, суетные — суетную. От этой-то суеты желая отворотить очи учеников Своих, Господь внушает им, чтобы никаких добрых дел не делали они, *да видимы будут человеки*; иначе не будет им награды от Отца Небесного. Потом, когда стал давать им заповеди о добрых делах по частям — о милостыне, молитве, посте, — везде внушал, чтоб ничего из этого не было делаяемо для человеческой славы, говоря, что те, которые делают с такою целию, уже получили

¹ Мф. 6, 22–23.

награду свою¹, то есть не вечную, которая отложена святым у Отца Небесного, а временную, которой ищут те, кои при делах своих имеют в виду суетную славу человеческую. Делать что-либо доброе ради этой похвалы и значит — иметь очи, обращенные на суету. Не сама похвала человеческая осудительна, ибо люди не могут не хвалить доброго, но осудительно увлекаться ею и ради ее делать что-либо. Даже и тогда, когда от людей воздается похвала какому-либо праведнику (помимо его искательства), — и тогда он не должен на ней останавливаться, засматриваться на нее, но и ее относить к славе Божией, ради коей единой делают всякое добро истинно добрые; ибо от Него, а не сами от себя, бывают они добрыми. Господь и говорит в той же беседе: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех*². Где положил Он последнюю цель, туда и должны мы смотреть, делая что-либо доброе, то есть на славу Божию, отвращая в то же время очи свои от суетности человеческой. Далее, — если суетно делать добро для славы человеческой, не тем ли более суетно делать его для получения или умножения денег, или других каких-либо временных выгод, отвне прибывающих? — Все суета! Не для временного спасения должны мы делать добрые дела, но для спасения,

¹ Мф. 6, 1—23. — ² Мф. 5, 16.

уповаемого в вечности, где будем наслаждаться неизменным блаженством, которое даровано будет нам от Бога или, лучше, которое есть для нас Сам Бог. Если бы святые, делая добро, имели в виду временное спасение, то святые мученики, которым неизбежно предлежала потеря такого спасения, никогда не совершили бы доброго дела исповедания. Они получали помощь в мучениях, не имея в виду временного, потому что *суетно спасение человеческо*¹. Не возжелали они и *дне человеческого*², потому что *человек суете уподобися: дни его, яко сень, преходят*³. При этом не должно упускать из виду, что коль скоро внушается просить у Бога даже и того, что по видимому состоит в нашей власти (очи отворотить), то этим подтверждается необходимость благодати решительно для всего. Некоторые не отвратили очей своих от суеты, потому что думали стать праведными и святыми сами собою, и возлюбили славу человеческую паче, нежели славу Божию, много о себе думая и слишком полагаясь на силу своего произволения, — потому и пали».

Стих тридцать восьмой

Постави рабу Твоему слово Твое в страх Твой.

«Слово значит здесь то же, что закон и заповеди. Поставить их в страх — значит оградить силу их обязательства в совести страхом Божиим,

¹ Пс. 59, 13. — ² Иер. 17, 16. — ³ Пс. 143, 4.

сделать то есть так, чтобы человек, как только сознает, что на то и то есть прямая воля Божия, выраженная в слове Его, тотчас со страхом устремлялся к исполнению того, несмотря ни на какие жертвы. Пророк просит, чтобы Бог послал силу, движущую и воодушевляющую на исполнение заповедей, исполнив сердце страхом Своим. Как в жизни общественной указы царские ограждаются страхом, так что получающие их оставляют все другие дела и спешат привести поскорее их в исполнение; так и в жизни нравственно-религиозной страх Божий подвигает и нудит со всею энергиею исполнять волю Божию, коль скоро она в чем-либо признана. Святой Афанасий в этом отношении называет страх Божий пестуном заповедей Божиих; а блаженный Феодорит перефразирует содержание сего стиха так: «Сделай меня твердым в словесах Твоих, неизменно охраняя страхом Твоим; да будет то есть на мне страх Твой, держащий меня в боязни и не попускающий мне уклоняться от словес Твоих».

Этот стих, по Беллярмину, отвечает третьему в этом восьмистишии — 35-му. «Там пророк просил благодати исполнения закона, а здесь просит отворотить непостоянство и дать благодать неизменного и непоколебимого пребывания в законе. Он как бы так говорит: сделай, чтобы силою страха Твоего укоренился во мне закон Твой, и я пребывал в нем неуклонно».

Так, страх Божий есть возбудитель и охранитель ревности об исполнении заповедей Божиих и верной им жизни. Из этого никто не исключается. Если и в великом пророке имел он такое значение, тем более должно быть оно в каждом из нас. Отличительною чертою и верным признаком того, стоит ли кто на правом пути, есть богобоязненность. Если имеешь ее, то ты в добром состоянии, а если не имеешь, то в худом, хоть бы в твоём поведении и не видно было худых дел.

Надобно, однако ж, различать страх и страх. «Страх бывает двоякого рода, пишет блаженный Анфим: один рабский, какой имеет раб, не любящий господина своего и не дорожащий волею его, но не преступающий ее из боязни наказания за то, — это страх несовершенных; другой — страх друга, боящегося потерять любовь любящего его, — это страх совершенных. Этого-то второго страха и просит себе пророк, чтоб он утверждал слово Божие в сердце его и держал его непреклонным пред соблазнами и смущениями мира сего».

Об этом же пишет и блаженный Августин: «Не стоит слово Божие в том, кто сдвигает его в себе (с основ, или с места, ему должного), делая противное ему; но стоит оно в том, кто пребывает в нем неподвижно. Бог устанавливает слово Свое в тех, кому даст дух страха Своего, — не дух

*работы паки в боязнь*¹, который изгоняется вон совершенною любовью, но дух того страха, о коем говорит, — страха чистого, пребывающего вовеки, — страха, по которому бояться оскорбить любимого».

Это различие страхов на словах все знают, но на деле нередко смешивают их и принимают один за другой. Не хотелось бы, конечно, сознаться, что, если не всегда, то по временам, нами руководит страх рабский. Но лучше сознать это, чем прикрывать, за тем, чтобы подумать и об изменении такого страха. Совершенным вдруг никто не становится. И страх сначала бывает рабский, потом наемнический, а наконец приходит и сыновний. И первый хорош в свое время; но не хорошо останавливаться на нем, а надо подвигаться все выше и выше, пока не достигнем сыновних чувств, степени коих не имеют конца.

Истинная богобоязненность сопровождается всегда ревностью по Богу; но как и эта ревность бывает не по разуму, так не по разуму бывает и страх Божий. Богобоязненное сердце ревнует дать силу заповедям Божиим и в себе, и вовне, в том круге людей, в коем вращается. В том и другом случае неразумием можно наделать много бесполезного. Можно истощить себя, бросаясь то на то, то на другое, без соображения —

¹ Не дух рабства, чтобы опять жить в страхе (Рим. 8, 15).

уместно ли оно и сообразно ли с нашими силами, — или можно себе повредить, обращая ревность не на главное, а на побочное и вводное. И другим можно повредить, вмешиваясь с своею ревностью всюду, без соображения своей хлопотливости с местом и лицами. О таких проявлениях страха Божия пространно рассуждает святой Амвросий. «Посмотри, говорит, как может Бог отратить от суеты очи того, к кому благоволит: Он поставляет ему слово Свое в страх. Страх Господень есть начало премудрости. Но и самый страх Божий, если не будет с разумом, не принесет никакой пользы, а больше повредит. Иудеи, имея страх такой, имеют и ревность; но так как имеют ее не по разуму, то самую ревность и страхом собирают на себя еще больший гнев Божий... Тем, что обрезают детей своих и хранят субботы, они показывают, что имеют страх Божий; но так как не понимают, что закон духовен, то обрезают только тело, а не сердце свое. Боятся вознести огонь в субботу, а между тем закон запрещает собственно возжигать в сей святой день огонь похоти. Но что я говорю об иудеях? Есть и между нами такие строгие правила, коих понести человек бывает не в состоянии. Страх Божий является у них в том, что они заводят дисциплину, стараясь возвысить добродетели; а неразумие — в том, что не состраждут немощи, не взвешивают возможности. Да не

будет же страх наш неразумен! Как истинная мудрость начинается от страха Божия и нет духовной мудрости, которая была бы чужда сего страха, так и страх не должен быть без мудрости. Святой страх есть как бы базис для слова (премудрости). Как статуя устанавливается на пьедестале и как она получает большую грацию тогда, когда устанавливается так, что стоит твердо, так и слово Божие, или разумное Божие, прекрасно устанавливается на святом страхе и сильнее укореняется в сердце, боящемся Бога, да не упадет слово из сердца человека, да не налетят птицы и не похитят его из сердца беспечного и неискреннего. Но и сам страх Божий должен быть утверждаем словом Божиим и плодотворнее приспособляем к жизни, чтобы не быть ему без разума, как и пьедестал, приняв на себя статую, не бывает чужд ее грации. Читай Исаию и смотри, скольким добродетелям подчинил он страх, чтоб сделать его добрым и безукоризненным: *дух*, говорит, *премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, и, наконец, дух страха Божия*¹. Какой же ряд добродетелей должно пройти, чтобы достигнуть достоподобного страха Божия! Наставляется он премудростию, настраивается разумом, направляется советом, утверждается крепостию, правится ведением, укрощается благочестием. Отыми все это у страха

¹ Ис. 11, 2—4.

Божия, и он останется неразумным, неосмысленным, одним из таких, по которому *внеуду брани, внутрѹду боязни*¹, которым был бы, конечно, преобладаен и Павел, если бы не имел в себе утешающего и вразумляющего Господа. Не пропусти без внимания и того, что говорится в притчах: *тогда уразумеешь страх Господень*. Когда ж это тогда? — Когда *премудрость призовеши и разуму даси глас твой, чувство же възыщеши великим гласом; и аще възыщеши ея, яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю; тогда уразумеешь страх Господень*².

Нечего и поминать о том, что как в предыдущих двух стихах можно видеть указание целей, какие следует иметь при доброделании, так то же можно видеть и в этом стихе. Там указывалось, каких целей не должно иметь в виду; а здесь — какую цель должно иметь. Пророк просит, чтобы Бог научил его и расположил сердце его все делать из угождения Ему единому, творить добро не по одному чувству долга, не по одному требованию нравственного достоинства разумной твари, а потому особенно, что на то есть воля Божия, святая и угодная, что так хочет Бог. Языческая мудрость не восходила выше земли, и искала в самом человеке и около его целей и побуждений к доброделанию; христианство же открыло небо, освоило с ним человека и

¹ Отвѣта нападения, *внутри страха* (2 Кор. 7, 5).—

² Притч. 2, 3—5.

располагает его все делать в угодность Всевидящему и Всеправящему Царю видимого и невидимого мира, внушая притом, что что бы кто ни сделал в этом духе, оно не ускользнет от внимания Того, в угодность Кому творится, хотя бы видимо ничего не давало и не обещало.

Стих тридцать девятый

Отъими поношение мое, еже непщевах, яко судьбы Твоя благи.

«Поношение, говорит блаженный Анфим, бывает двойное: одно — напраслина, когда поносят несправедно, как, например, поносили неверные верующих: от этого поношения не только мы не бегаем, но ищем его, как источника славы и чести; другое, которое следует за грехами нашими и которое особенно покрывает нераскаянных в день суда. Его-то отнять и молит Бога пророк, по благим судам Своим присуждающего прощение и подающего очищение грехов кающимся грешникам».

Грех обещает сласть не без придатка и почета в свойственном ему кругу; на деле же он сопровождается горечью и срамом, не всегда видимо, но всегда существенно. О человеке, сделавшем что-нибудь нехорошее в быту гражданском и семейном, обыкновенно говорят: «ударил себя в грязь лицом», точно так же ударяет себя в грязь лицом грешник в области духовной, пред

Всевидящим Богом, пред ангелами и святыми, пред своею совестью, — пред всем, наконец, миром добра и света. Приходящий в сознание грешник, прежде всего, усматривает в себе эту срамоту, жалеет и досадует на себя, и порывается поскорее избавиться от такого поношения. Но пока он сознает себя находящимся еще здесь, в обычном порядке жизни, это поношение еще не так сильно теснит его; а когда перенесется он мыслию к Страшному суду Божию, тогда ужас объемлет все члены его от представления того, как с такою срамотою будет стоять он пред собором всех чистейших созданий Божиих и пред Самим Богом. Потому и вопиет: *отъими поношение мое*, чтоб и следа не было на мне этой обличительной срамоты греха. «Пророк, говорит святой Афанасий, как человек, сделав грех, видит, что поношение последует за ним к Божественному судилищу по воскресении, а потому молится и произносит предложенный стих».

Отъими поношение, — не прости только, но очисти существенно, — оторви и отбрось, чтобы остаться мне в чистом естестве, как Ты первоначально создал меня по образу Твоему, без прицепки этих гадин греха, которыми я облепил себя. Отпущение грехов дается тотчас же, лишь только покаешься; но вычищение души от грехов совершается не вдруг, а требует труда, как, например, мытье белья. Конечно, Бог, по особым

щедротам Своим, может и вдруг убелить душу и переплавить, как золото в горниле, в одно мгновение; но это есть уже особенная благодать, — а кто же дерзнет испрашивать ее у Бога?

Грешная срамота, об отнятии которой молится здесь пророк, точнее определяется словами: *еже непщевах*. *Непщевать* — значит думать, полагать. Выходит мысль такая: хоть явных грехов я за собой и не вижу, но не могу думать, что я уж бессрамен. Греховная срамота может быть во мне глубже моего сознания. Полагая, что это так, я и молюсь: очисти меня и от этой невидимой мною срамоты. «Молясь об отъятии поношения, говорит святой Иларий, пророк молится об отъятии грехов, потому что за грехами следует поношение. Но видно, что он исповедует здесь не определенный какой-либо грех, совершенный делом, а такой, который только подозревает в себе, по причине немощи плоти; ибо не говорит: отыми поношение, которое во мне есть, а то, которое я непщую, предполагаю, подозреваю, показывая этим, что, сознавая немощь свою, он не может не сознавать и поношения своего».

Излагая подобную же мысль, святой Амвросий намекает на возможность и такой мысли у пророка: отыми срам, который я навлек на себя, задумав сделать грех, хотя и не сделал его делом. Под этим могут быть понимаемы все мысленные грехи — помыслы нечистые, сочувствия,

сосложения с ними и невольные грешные увлечения. Молитва пророка здесь будет та же, что в другом месте: *от тайных моих очисти мя*¹. «Это место, говорит святой Амвросий, несколько темновато, но его уясняет апостол: *ничтоже*, говорит он, *в себе свем, но ни о сем оправдаюся*². Знал он, что человек есть; сколько мог, остерегался не грешить по принятии таинства крещения, и, хотя не признавал за собою явного греха, но, как человек, исповедал себя грешником, зная, что только один Господь Иисус Христос *греха не сотвори, ниже обретется леств во устех Его*³. Подобно сему и пророк, хотя и сам старался уклоняться всячески от греха, но желал, чтобы Бог был отражателем всякого от него греха. Хотя поношение и отнято было уже от него покаянием; но он думал — не остается ли еще оно за ним, скрытно от него. Потому и молил, чтобы и это отнято было от него Самим Господом, Который один знает, чего может не знать и сам сделавший. Может быть, *непщевах* значит — задумывал, и пророк молится: отыми грех, который я замышлял, или которым услаждался в сердце и помышлении моем, но который не совершил делом».

На чем же пророк основывает надежду, что так и будет, как он молится? — На единой беспредельной благодати Божией. Явные грехи

¹ Пс. 18, 13. — ² Хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь (1 Кор. 4, 4). — ³ 1 Пет. 2, 22.

20210
20210

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

прощаются по благодати, и тайные отъемлются по той же благодати. Что дать в искупление греховной срамоты? — Нечего. Хоть бы ты не знал, сколько наделал добрых дел, — все они будут только должные, которым одна надпись: *егда должны бехом сотворити, сотворихом*¹; грехи твои все остаются грехами и стоят на том же месте в жизни твоей, где ты поставил их, как истуканные изделия. Кто примет их с линии жизни твоей? — Одна благодать Божия, смертью Сына Божия, вознесшего грехи наши на крест и раздравшего там рукописание их, — благодать, умоляющая правду Божию сбросить с дороги жизни нашей эту срамоту. Возгрей же посильнее эту веру и привлекни ею благодать; вместе с нею призови и правду, приведи ее на место грехов твоих и проси поглотить их все огнем, извлекаемым твоею верою из креста Господня. *Нестъ иногѣ имене под небесем... о немже подобает спастися нам*².

«Мы, пишет блаженный Августин, впали не в один грех, а во многие; мы покрылись поношением и стыдом. Но приступили мы к крещению — и отнят им всякий грех, а с грехом и всякое поношение. Отъял Господь Иисус поношение мое поношением Своим, когда распялся на кресте: ибо *лицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся*³; не оставалось во мне ничего, о чем бы я имел нужду просить, чтобы отъять. Но после

¹ Лк. 17, 10. — ² Деян. 4, 12. — ³ Рим. 6, 3.

крещения я снова впал в поношение и должен приносить покаяние и молить отъять от меня это поношение. Одно осталось мне прибежище — покаяние; и если я не принесу его, то усугублю тем поношение греха в себе. Чего бояться исповедаться, или сказать грехи свои? Чего страшиться открыть поношение свое пред Тем, суды Коего благи? — Что в других горько, то во Христе сладко и приятно, ибо Он Сам есть сладчайший. *Вкусите и видите, яко благ Господь*¹. Сладки суды Божии тому, кто исповедуется, потому что Сам Бог говорит: *Аз есмь, Аз есмь, заглаждай беззакония Твоя Мене ради и грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судишя: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишишя*². Сладки суды Божии не для одного кающегося, но для всего неба, ибо Господь сказал: *радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся*³. Если так сладки суды Божии, то употребим усилие и труд вкусить от этого сладкого плода».

Мысли эти, в отношении к предметам настоящего восьмистишия, определенно указывают — как окончательно вычищать свою жизнь. Положим всеусильно ревновать о богоугождении, уповая на вседейственную, всегда готовую, разнообразную благодать Божию; положим в трудах доброделания и подвижничества не иметь худых целей, а все направлять во славу Божию под

¹ Пс. 33, 9. — ² Ис. 43, 25—26. — ³ Лк. 15, 7.

действием страха Божия. Кратко, точно, определенно сказать бы так: будь таков, и будешь спасен. Но такому решению противится решение совести самих спасаемых, которые, при всем усилии, не в день, а в каждый час видят себя седмижды падающими. Ко всему указанному доселе недостает, стало быть, еще одного средства, которым очищались бы все эти падения. Оно и предлагается в настоящем стихе; это — непрестанное покаяние. Как только сознаешь внутри себя какую-либо неисправность или нечистоту — спеши к покаянию, и с сокрушением молись: отыми, Господи, эту срамоту, по благодати Твоей! Это — метла, сметающая всякий сор с дороги жизни. Этим правилом завершается весь союз правил. Кто облекся в это оружие, о том можно сказать, что он облекся теперь во вся оружия Божия... Равно, у кого недостает его, о том следует говорить: вооружение его ненадежно; недостает у него очень важного оружия, без которого все другие не приведут его к победе.

Стих сороковой

Се возжелах заповеди Твоя, в правде Твоей живи мя.

Во всем этом восьмистишии выясняется с разных сторон тот закон жизни духовной, что человеку принадлежит в ней искание и труд, сколько сил есть, а самое дело жизни совершается

и спееется благодатию Божиею. Выяснив все, относящееся сюда, пророк делает общее заключение относительно себя: *се возжелах*, говорит, и представляю то, что от меня требуется, всей душою желаю и ищю: даруй же и Ты мне то, что зависит от благодати Твоей, — оживи меня, как положила оживлять нас правда Твоя, вразумляй, возбуждай сочувствие и энергию, дай силы и терпение безостановочно и успешно идти путем угодной тебе жизни. Не указываю, что и когда мне дать: Тебе, единому Всеправедному, вполне ведом путь правды: *имиже веси судьбами, спаси мя*. Блаженный Августин пишет: «Всем сердцем, всею душою и всем помышлением возжелал я любить Тебя и ближнего своего, как самого себя, так как в этом вся совокупность заповедей. Не моею, но Твоею правдою оживи меня, то есть исполни меня той любовью, которой я возжелал; помоги мне исполнить то, что Ты повелеваешь; даруй Сам, что заповедуешь. Сам я в себе имею только то, чем умереть; а чем жить, того не могу нигде найти, как только в Тебе едином: живи же меня правдою Твоею».

Почему же не в начале, а в конце сказал он о таком расположении? — Потому, что оно само приходит не в начале, а после того, как истощатся все свои средства и усилия. С начала обращения, хотя и говорит обращенный: «Господи, помоги!», но сокровенно многого ожидает от своих

усилий и напряженных исканий. И успех ему дается лишь в том, что он навикает этим способом всем порядкам богоугодной жизни; дальше же сам идти не может. Между тем вместе с тем навыком у того, кто внимает себе, раскрывается и сознание существенных требований такой жизни. Когда навык установится, внимание и усилие, до сих пор устремленные на этот навык, остаются свободными. У кого не раскрылось сознание существенного в духовной жизни, у того они засыпают, и дело жизни предается застою; а у кого раскрылось, у того они устремляются в эту сторону, и чем выше теперь цель, тем напряженнее и они. Но чего не дано достигнуть своими усилиями, того и не достигнешь ими, как ни бейся. Опытное удостоверение в этом начинается вместе с устремлением своих усилий на стяжание сознанных черт духовной жизни. Когда перепробуются все приемы, а успеха все нет и нет, тогда остается одно — сложить свои орудия и вопить: *имже веси судьбами, спаси мя*; желаю, ищу, но жить меня силен только Ты правдою Твоею.

В обычных опытах благочестной жизни до очевидности оправдывается это над навыком молитвы Иисусовой. Мало в ней слов, но они совмещают все. Исстари признано, что, навыкнув молиться этою молитвою, можешь заменить ею все молитвословия. И есть ли кто из ревнующих о спасении, кто не был бы знаком с этим

деланием? Велика сила этой молитвы, по изображению святых отцов; а между тем на деле видим, что не все, имеющие навык к ней, причастны этой силе, не все вкушают от плодов ее. Отчего это? — Оттого, что сами хотят забрать в свое владение то, что принадлежит дарованию Божию и есть дело благодати Господней. Начать повторять эту молитву утром, вечером, ходя и лежа, за делом и на досуге — есть наше дело: на это не требуется особой помощи Божией. Трудясь все в том же порядке, можно самому дойти до того, что язык и без нашего сознания все будет повторять эту молитву. Может последовать за этим и некое умирение помыслов, и даже своего рода сердечная теплота: но все это будет, как замечает в «Добротолубии» инок Никифор, дело и плод наших усилий. Остановиться на этом, значит то же, что удовольствоваться уменьем попусая проносить известные слова, даже такие, как «Господи помилуй». Плод от этого такой: будешь думать, что имеешь, тогда как ровно ничего не имеешь. Это и случается с теми, у кого во время навыковения этой молитве, поколику то зависит от нас, не раскрывается сознание того, в чем существо ее. Не сознавая же того, они довольствуются указанными естественными начатками действий ее и прекращают искание. Но у кого сознание то раскроется, тот не прекратит искания; а видя, что сколько ни усиливается действовать

по старческим указаниям, все ожидаемого плода не обнаруживается, пресекает всякое ожидание плода от одного своего усилия и все упование возлагает на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздействию: приходит благодать в момент, ей одной ведомый, и прививает молитву ту к сердцу. Тогда, как говорят старцы, все то же будет по внешнему порядку, но не то же по внутренней силе.

Что сказано об этой молитве, то приложимо ко всякому проявлению жизни духовной. Возьмите сердитого и предположите, что он возревновал погасить гневливость и стяжать кротость. В подвижнических книгах есть указания на то, как должно править собою, чтоб этого достигнуть. Усвояет все это он и начинает действовать по вычитанным указаниям. Докуда же дойдет он своими усилиями? — Не далее, как до молчания уст при серчании, с некоторым укрощением самого серчания, а чтобы совсем погас гнев и в сердце водворилась кротость, до этого он сам никогда не дойдет. Это бывает уже тогда, когда приходит благодать и прививает кротость к сердцу.

Так в отношении и ко всему. Какого бы плода духовной жизни ни взыскал ты, искать — ищи всеусильно, но не ожидай плода от твоего искания и твоих усилий, *а возверзи печаль твою на Господа*¹, без всякого отчисления чего-либо на

¹ Пс. 54, 23.

свою долю, *и Той сотворит*¹. Молись: желаю, ищу; но живи меня Ты, правдою Твоею. Господь определил: *без Мене не можете творити ничесоже*². И закон этот исполняется в духовной жизни с точностью, ни на волос не уклоняющеюся от определенного. Когда спрашивают: что мне сделать, чтобы приобрести ту или другую добродетель? — можно всем отвечать: обратись ко Господу, и Он тебе даст; другого способа к получению искомого нет. Святой Афанасий на настоящий стих и пишет так: «Вот он и хранил заповеди, с любовью расположен был к ним, и исполнял их ради их самих, а все же просит себе у Бога жизни праведной и добродетельной, чтоб она из сердца шла. Так может говорить только желающий жить в Сыне, веруя, что в Нем только жизнь». Блаженный Августин так выражает мысль пророка: «Живи мя правдою Твоею, то есть Христом, ибо Он *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление, да, якоже писано есть, хваляйся о Господе да хвалится*³.

¹ Пс. 36, 5. — ² Ин. 15, 5. — ³ 1 Кор. 1, 30—31.

ШЕШТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

 Шестое восьмистишие идет под буквою *вав* — *крюк*.

Крюк вбивают в берег и привязывают к нему лодки. Привязав крепко лодку свою, хозяин ее спокойно сидит дома, в уверенности, что вода не унесет ее. И якорь есть крюк. Когда якорь надежен, — а он нарочно таким и делается, — тогда корабль, стоящий на якоре, не боится волн, как бы сильны они ни были. Якорь у апостола есть образ упования, — *котва души твердая и известная*¹. Так понимал это слово и пророк и такое давал ему духовное знаменование. Потому-то и собрал он под этою буквою стихи, которые все говорят об уповании. В первых четырех стихах (41—44) излагаются преимущественно основы упования: неложное слово обетований Божиих (41—42) и суды Божии, явленные делом на благочестивых и нечестивых (43—44); в последних четырех изображаются действия, в каких обнаруживается вселившаяся в сердце надежда, именно: широта хождения, или свобода действия (45), небоязненное возвещение истины даже пред сильными земли (46), преследование единого на потребу с беспопечением о всем (47) и терпеливое и

¹ *Якорь для души безопасный и крепкий* (Евр. 6, 19).

неизменное пребывание в добре, несмотря ни на какие препятствия (48). Тут почти целый трактат об уповании. После предыдущего стиха очень естественно было вести об этом беседу. Там остановился пророк на преданности в волю Божию, которая составляет душу упования; но, начав о том речь, он не хотел уже отстать от нее и привел ее чрез все настоящее восьмистишие.

Стих сорок первый

И да придет на мя милость Твоя, Господи, спасение Твое по словеси Твоему.

«Этот стих, замечает блаженный Августин, видимо соединен с предыдущим, потому что не говорит: *да придет*; но *и да придет*, показывая этим, что тут выражается следствие предыдущего». Чего же он просит? — Милости; но милости, не как только благоволения, а как восполнения недостающего самым делом. Потому и прибавляет: *спасение Твое* да придет; да придет то есть милость Твоя спасающая, или милостивое спасение Твое. Милость, исходя от Бога и почивая на человеке, соделывает спасение его. «Если спросишь, говорит далее блаженный Августин, что это за милость, — слушай, что тотчас следует: *спасение Твое*». «Наперед, пишет святой Иларий, молится о милости, а потом о спасении, ибо спасение наше от Божией милости: оно есть дело благодати Божией к нам». «Когда, поясняет Зигабен,

придет милость Твоя, то придет и спасение Твое, ибо конец милости есть спасение».

Но цель у пророка изъяснить этими словами не столько то, чего он просил, сколько то, на основании чего он чает несомненно исполнения просимого, потому что говорит: *и да придет, или да придет же*. Если бы Сам Бог спросил его: почему ты так пристаешь ко Мне? — он ответил бы: *по словеси Твоему*. Как человек смело приходит к человеку, давшему честное слово, и говорит ему: ты дал слово, так сделай же по слову твоему, — так приступает теперь пророк и к Богу, говоря как бы так: Сам Ты в слове Твоем сказал, что не оставишь прибегающих к Тебе; вот я прибегаю по слову сему, сотвори же со мною милость и спаси меня!

«Чтобы не подумал кто, говорит святой Иларий, что он молится в надежде неверной и нетвердой, пророк, помянув о милости и спасении, тотчас прибавляет: *по словеси Твоему*, дабы показать, что упование его в молитве происходит из веры в непреложность обетований Божиих». — «По словеси твоему, то есть по обетованию Твоему; обетования же идут от Того, Кто *нарицает не сущая, яко сущая*»¹, замечает блаженный Августин.

Зачем же обетования? Не достаточно ли одной уверенности в благодати Божией, готовой на

¹ Называет несуществующее, как существующее (Рим. 4, 17).

всякую милость? Господь, по немощи нашей, нашел это недостаточным; оттого по всему пространству слова Своего рассеял обетования. Мысль о том, что благ Господь, может породить и философствующий ум; но эта мысль дает только возможность и вероятность милости, которая держит душу в нетвердой, шаткой, влающейся¹ предположительности. Твердость убеждения, несомненная уверенность в готовой милости порождается только словом, исходящим из уст Божиих. Когда оно слышится и приемлется, тогда — конец всем колебаниям, как уверяет святой апостол: *елика обетования Божия, в том ей и в том аминь*².

Немощь наша в этом отношении так велика, что Бог для восстановления упования нашего не ограничивался одним словом обетования, но прилагал еще и клятву к нему, в удостоверение непреложности совета Своего, *да двема вещми непреложными.. крепкое утешение имами*³. Как будто и после того, как выразил Господь обетование, возможно еще колебание: а что если переменял Он совет Свой? Вот и удостоверяет Господь клятвою, что что сказано Им, то непреложно: *клятва Господь и не раскается*⁴. С этою-то целию обетования Божии изображены в слове Божиим подробно, указаны и предметы их, и условия, и все

¹ Волнующейся. — *Ред.* — ² Ибо все обетования Божии в Нем да, и в Нем аминь (2 Кор. 1, 20). — ³ Евр. 6, 17—18. — ⁴ Пс. 109, 4.

соприкосновенности, чтобы всякому ясно было, что коль скоро он все исполняет по указанию слова Божия, то колебание упования его не должно иметь в нем места; он должен быть твердо уверен, что получит искомое и просимое.

Из этого выходит то, что если кому нужно подогреть ослабевающее упование, то самое надежное к тому средство — восстановление в памяти, сознании и чувстве всех словес Божиих, которыми удостоверяет Он в Своей милости прибегающих к Нему, с тем, конечно, условием, чтобы тотчас полагать намерение исполнять и все то, что Бог возлагает при этом и на нашу голову. Перечитывай словеса Божии и всесердечно подчиняй себя всему тому, к чему они тебя обязывают; и воскреснет упование твое, и начнешь опять ходить, *яко лев уповая*. Много немощей у нас внутри, много неприязнностей и вовне; мы ходим, как по трясине, готовые погрязнуть в ней. Но слово Божие укажет тебе десницу Божию, всегда простертую к тебе и поддерживающую тебя. Опираясь на нее, ты смело пойдешь и по воде пред лицом Господа, только не выпускай из души крепости упования, чтоб не было и тебе, как некогда Петру, справедливого упрека: *малове, почто усумнелся еси?*¹

¹ Мф. 14, 31.

Стих сорок второй

И отвечаю поношающим ми слово, яко уповах на словеса Твоя.

В этих словах две мысли: первая, когда станут поносить меня — зачем я так строго держусь закона Твоего, несмотря на лишения, я отвечу им: потому, что *уповах*, возложил упование мое *на словеса Твои*. В таком случае здесь будет говориться то же, что в предыдущем стихе, то есть будет указываться основа упования в словесах или обетованиях Божиих, с приложением только особого случая обнаружения такого упования, именно — поношения поносящих добродетель и благочестие. Зигабен пишет: «Тем, которые будут поносить меня, зачем страдаю за добродетель и соблюдение заповедей, я отвечу такое слово, что уповаю на словеса Бога моего. Бог обетовал, что даст многие блага тем, кто будет хранить заповеди его. Хоть я и злостражду и бедствую, но заповедей хранить не перестаю, потому что питаю такие благие надежды». Блаженный Феодорит коротко выражает сущность дела: «Твое, Господи, обетование поддерживает меня; с этою надеждою и совершаю я путь».

Чем воодушевлялись святые мученики, вступая в подвиг мученичества, как не уверенностию в непреложности словес Божиих? Милость Божия покрывала их и являла скорую помощь в облегчении страданий; но это было не со всеми,

да и в тех, с которыми было, обнаруживалось не тотчас, как только начинались мучения. Чем поддерживали они себя в этом подвиге? — Словом Господа, которое нередко они и повторяли гласно, когда было терзаемо тело их и слух был оскорбляем поносительными для их исповедания словами.

Святые подвижники, и древние, и нынешние, в чем находили и находят опору твердости в воспринятом ими образе жизни, сущность которого состоит во всесторонних произвольных лишениях с прибавлением, особенно ныне, поносительных против них речей? — Не в чем ином, как в обетованиях Божиих. Хорошо выражается это изречением одного старца: «Господин мой сказал мне: работай мне; о прочем же ни о чем не заботься: то уж моя будет забота».

Истинно добродетельные и истинно благочестивые люди никогда не имеют недостатка в случаях возгревать свое упование или свидетельствовать его пред лицом поносящих. Как сказано в слове Божиим, что *хотящии благочестно жити гоними будут*¹, так оно всегда и бывает. Сказано, чтобы приступающий работать Господу уготовлял душу свою на искушения: они всегда и встречают их, — и это не только от нечестивых и грешных, но нередко и от не чуждающихся порядков богоугодной жизни, по разным недо-

¹ 2 Тим. 3, 12.

разумениям, источника которых не доберешься. Откуда что возьмется; а терпеть — все терпи. Чем же подкрепиться? — Словом Господа: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех*¹. *Мужайтесь, и да крепится сердце ваше!*² *Близ Господь сокрушенных сердцем*³. В деснице его — покров вам; в шуйце — стрелы врагам вашим. *Очи Его — призирают на вас, и уши Его в молитву вашу*⁴. *Живый же в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится*⁵.

Вторая мысль в настоящем тексте такая: когда Ты, Господи, окажешь мне милость и спасешь меня во очию всех, тогда я буду иметь, что отвечать поносящим меня, в оправдание упования моего на Тебя. Очевидная помощь заградит уста поносящих уповающего на обетования Божии. В таком случае тут будет делаться намек на новую основу упования — получение или ощущение действительной помощи от Бога, бывающей тоже по слову Его. Слово из уст Бога глубоко коренит упование; но оно все еще есть нечто чаемое, созерцаемое, теоретическое. Когда же избавление получается на деле, тогда сила Божия ощущается всем существом и упование входит в жизнь. Сознание, что такой человек есть человек Божий, сливается с сознанием его

¹ Мф. 5, 11—12. — ² Пс. 30, 25. — ³ Пс. 33, 19. — ⁴ Пс. 33, 16. — ⁵ Пс. 90, 1.

бытия и становится неотлучным качеством проявлений духовной его жизни. Это дает ему смелость смотреть в глаза поносителям и исходящее от них поношение возвращать на них самих. Уповаю, потому что бываю избавляем, — слепы вы, что ли? *На Мя упова, сказал Господь, и избавлю и, покрью и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его, с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долгою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое*¹.

Один мученик, весь истерзанный и едва стоявший на ногах, когда судья крайне нечестиво поносил его веру в Распятого, помолился внутренно ко Господу, и, в виду всех, раны его исчезли, кровь омылась, силы восстановились, и он стал, как бы не страдавший. «Вот что значит Распятый Господь, упование на Которого ты так уничижаешь!» — сказал святой мученик.

Святой Афанасий так перефразирует мысль этого стиха: если приобрету милость Твою, а милость эта будет для меня в спасении Твоем, то возьмею дерзновение против тех, которые поносят меня и восстают на меня. Скажу, что не заслуживает поношения тот, кто содержит такие догматы, над которыми издеваются чуждые веры невежды; докажу, что догматы эти исполнены разума и премудрости. То же говорит и блаженный Феодорит: «Даруй, Владыко, спасение,

¹ Пс. 90, 14–16.

которое обетовал Ты в священных словесах Твоих, чтобы с дерзновением начать мне речь с смеющимися надо мною; потому что, кто бедствует, тот молча выслушивает делаемые ему укоризны, а кто бывает обрадован избавлением, тот сам обличает злобно укоряющих его». Таким же образом изъясняет это и святой Иларий с блаженным Августином. Первый пишет: «Стих этот соответствует течению мыслей. Если, говорит, придет на меня милость Твоя и спасение Твое, по слову Твоему, то я буду иметь что ответить тем, кто укоряет меня в неразумии и в обманчивой надежде за упование на словеса Твои. Что тогда может сказать неверующий против такого опыта, подтверждающего неложность обетований Божиих?» Второй говорит: «Поносящим слово о Христе отвечаю словом же о Христе, так как Им попрекают нас те, для кого Христос Распятый есть *соблазн и безумие*¹. Они не знают, что *Слово плоть бысть и вселися в ны*², — Слово, которое *было в начале, было у Бога, было Бог*³. Если б знали, *не быша Господа славы распяли*⁴. Но на кого придет милость и покрывающее его спасение, тот ответит поносящим слово истины. Мало иметь в сердце Христа и не хотеть исповедать Его, боясь поношения, но надо отвечать поносящим слово. Мученики отвечали слово, по обетованию: *не вы буде-*

¹ 1 Кор. 1, 23. — ² Ин. 1, 14. — ³ Ин. 1, 1. — ⁴ 1 Кор. 2, 8.

те глаголющи, но Дух Отца вашего, глаголяй в вас»¹.

Опыты милости Божией за упование возвышают упование, сообщая ему небоязненное дерзновение исповедания самого упования. Таких опытов не лишен никто. Всякий, внимательно следящий за жизнью, не может не увидеть перста Божия, изводившего его из действительной крайности или предотвращавшего находившую и готовую постигнуть его беду; и потому жаловаться на недостаток возбуждающих упование случаев никто не может. Могут быть только невнимательные к путям Промысла Божия или зазнающиеся, которые хоть и видят иногда нечто особенное, но приписывают то или случайному стечению обстоятельств, которого не знает истинно верующий, или — что не менее худо — своему благоразумию и умению пользоваться встречающимися обстоятельствами к поддержанию и возвышению своего благосостояния.

Стих сорок третий

И не отыми от уст моих словесе истинна до зела, яко на судьбы Твоя уповах.

Первые слова темноваты, потому что не сразу поймешь, когда и как Бог отнимает слово истины, и притом — *до зела*; значит, отнятие его не *до зела*

¹ Мф. 10, 20.

еще может быть сносно. Потому-то толковники понимают их не одинаково.

По содержанию сего восьмистишия их надо понимать так, чтоб не отдаляться от главного здесь предмета — упования. В предыдущем стихе говорилось: если явишь, Господи, милость Твою ко мне, то я буду иметь, что сказать поносящим меня. Здесь продолжается та же мысль: а если не явишь, то я не буду иметь, что сказать им; слово замрет на устах моих. Пророк молится не ставить его в такое положение, а всегда являть над ним покров Свой, чтоб он мог победоносно такими опытами милости защищать свое упование на судьбы Божии. Зачем, однако ж, повторяется эта мысль? — Затем, кажется, чтобы выразить некоторое ограничение широты своего прошения, как это дает понять слово — *до зела*. Молился: яви милость, и буду иметь, что сказать поносителям моим; теперь прибавляет: а если уже угодно правде Твоей отнять такое защитительное слово сокращением явления милости ко мне, то — не *до зела*; не навсегда оставляй меня в посрамлении пред врагами моими, но, оставив на время поучительным оставлением, опять являй пред всеми покров Свой надо мною, чтоб и я опять находил в устах моих слово истины, что не напрасно уповаю на судьбы Твои. «Молюсь, толкует Беллярмин, да не будет отнято от меня слово истины, которым я мог бы отвечать

поносящим меня. Не лишай меня Твоей милости; не сделай того, что я не посмею слова сказать в оправдание упования моего; не заключи таким образом уст, исповедающихся Тебе и возвещающих надежду на обетования Твои. Но если уж надобно будет отнять его, то отыми на столько, чтоб испытать только меня, а не *до зела*, не совсем, не вконец».

Блаженный Августин переносится вниманием своим к положению мучеников, к тому, как мужественно держали они в устах своих исповедание, невзирая на нестерпимость мучений. Но были и такие, которых одолевал страх, и они отрекались от истины: слово истины словно похищалось из уст их, было отнимаемо от них. Из таких одни навсегда оставались в отпадении, другие — снова возвращались к исповеданию истины; у первых вконец, *до зела* было отнимаемо слово истины, а у последних не вконец, не *до зела*. «Многие, говорит он, теснимые тяготою гонения, не могли вынести поношения и отрекались от Христа, а потом снова возвращались. Как будто имея их в мысли, пророк молится: *не отыми от уст моих словесе истинна до зела*, то есть не вконец, как было и с ними; ибо, отрекшись на время от веры, они потом возвращались в покаянии и исповеданием истины снова восхищали пальму мученичества. Так было и с Петром, который на час отрекся из страха, а потом восстановил себя плачем, в конце

же венчался и мученическим венцом. У него и подобных ему не было отнято слово истины *до зела*, вконец. *Не отыми* — значит не попусти чтобы выпало слово истины из уст моих. И Сам Господь говорит к Петру: *молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя*¹; а это то же значит, что — да не отыметя слово истины у тебя *до зела*».

Блаженный Анфим причину отнятия слова истины или исчезновения его из уст полагает в грехе. Пока нет явного греха, истина возвращается смело; а когда впадешь в грех, то уже совестно становится возвещать истину устами, не оправдывая ее делами и жизнью. Бог не отнимает слова прямым воздействием, но попускает падения за гордость, которыми связывается язык. «Кто впадает в какой-либо грех, говорит он, у того вземлетя слово истины не только из уст, но и из сердца. *Грешнику же рече Бог: вскую поведаеши оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими?*²»

Если брать этот стих отдельно, вне контекста, то можно останавливаться и на этих последних мнениях; но прямая мысль — первая. К ней обязывает вторая половина стиха: *яко на судьбы Твоя уповах*, чем выражает пророк вторую основу своего богоупования. И в этом главная цель его речи. Прежде говорил, что упоает на Бога, веруя слову Его, которым Он обещал не оставлять

¹ Лк. 22, 32. — ² Пс. 49, 16.

прибегающих к Нему и творящих волю его, а теперь говорит, что уповает, будучи располагаем и возбуждаем к тому судьбами Божиими. Судьбы Божии значат здесь те Божии суды, которые Он не изрекал только, но и в дело приводил, наказывая грешников и возвышая и защищая праведников. Пророк испрашивает защиту потому, что уповает, а уповает потому, что суды Божии были таковы и над целыми народами, и над частными лицами и что если по тем же судам и с ним поступит Бог, то ему непременно должно получить милость и спасение от Бога.

Судьбы, имевшиеся при этом у пророка в виду, суть все те, которые были и до него: как Ной с семейством своим спасен был от потопа, как благословлен Авраам и патриархи, как наказан Египет, а народ Божий спасен, как народ этот веден был в землю обетованную среди милостей и караний, как он поселен в земле обетованной и как потом то предаваем был, за забвение Бога, в рабство сильным соседям, то снова избавляем, когда, покаявшись, обращался к Богу. Созерцающий эти суды не может не питать глубокого убеждения, что у Бога всегда готова милость даже к большому грешнику, только не упорствуй и не иди ожесточенно против Бога. Созерцание этих судов было постоянным занятием пророка, и он мог говорить: *яко вся судьбы его предо мною*¹.

¹ Пс. 17, 23.

Из них он почерпал удостоверение в том, что Бог есть *Господь, судьбы творяй*¹ и что *судьбы Его истинны, оправданы вкупе*². Посему, всецело предаваясь Богу, он исповедует: *от лица Твоего судьба моя изыдет*³.

Если перевести речь пророка по-нашему, то выйдет, что упование на судьбы Божии то же, что упование на промыслительное попечение о нас Божие, возгреваемое припамятованием опытов, какие явил Господь около нас и в нас, покровительствуя добрым и вразумляя недобрых. Лиц сторонних нельзя знать так, чтобы верно оценивать, как и почему идут к ним такие и такие суды Божии, а себя как не знать? Если бы у человека достало терпения проследить все изменения в своей участи в течение целой жизни, по отношению их преимущественно к своему внутреннему состоянию и к Богу, то несомненно открыл бы он, что как на весах две чаши в совершенном всегда состоят соответствии, так в совершенном соответствии состоят и наши внешние судьбы, определенные судьбами Божиими, со всем тем, что происходит внутри нас, и особенно с тем, каковы мы в отношении к Богу. Есть лица, которые до того свыкаются с созерцанием этого Божия порядка, что каждую, как говорится, случайность определяют с этой точки зрения; потому-то и носят убеждение, что собственно случайного ничего

¹ Пс. 9, 17. — ² Пс. 18, 10. — ³ Пс. 16, 2.

нет. Философы пишут, что нет случая, а в жизни только и видят, что случайности. Благочестие же и без философии носит в сердце ту истину, что все от Бога. У Бога все, как в устройении великого мира, так и в устройении участи всякого маленького человека, мудро определено мерою, весом и числом. Как это — нашему уму не постигнуть. *Судьбы Божии — бездна многа*¹. Сколько в этом утешения и сколько крепости получает упование того, кто дошел до такого убеждения! Блаженный Августин под судьбами, возгревающими упование, понимает здесь именно судьбы каждого лица. «*На судьбы Твоя уповах, то есть суды Твои, коими Ты меня исправляешь и наказываешь, не только не отнимают у меня надежды, но и возвышают ее; ибо егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет*»².

Стих сорок четвертый

И сохранию закон Твой выну, в век и в век века.

Это вывод из предыдущего и дополнение его. Этим выражается условие к образованию упования со стороны человека. Со стороны Бога оно образуется верою в непреложность слова Божия или Божиих обетований и размышлением о судьбах Божиих, явленных над целыми народами или над частными лицами, преимущественно же над самым тем, кто ищет возгреть в себе упование;

¹ Пс. 35, 7. — ² Евр. 12, 6.

а со стороны человека — решимостию ходить в воле Божией, и особенно самым хранением закона Божия. Это последнее условие столь важно, что без него и первые два не в силах что-либо дать в деле образования упования. Пророк знал необходимость сего и выразил поэтому решение свое в настоящем стихе. Пред сим созерцал он суды Божии, и, конечно, не мог не видеть, что всем им одна надпись: всякая милость — богобоязненным ревнителям об исполнении закона, и всякая кара — нечестивым, не боящимся Бога и небрежущим о Его законе. Вот он и постановляет для себя сам в себе и изрекает пред Богом такое правило: «когда так, то буду хранить закон Твой всегда и во всем, и в сей жизни, и в вечности».

Этот закон упования изрекается пророком не здесь только, но по всему пространству псалмов, в разнообразных формах выражения. Раскройте книгу псалмов, и вы на всякой странице найдете не одно свидетельство о том. Да это такая истина, которой нечего и доказывать: она сама собою держится в сознании благочестно возгревающего к Богу. Как можно что-либо ожидать от Бога, когда сам ты Бога знать не хочешь и в своенравии непрестанно прогневляешь Его бесстрашным нарушением воли его? А между тем если испытать себя как должно, то найдем, что мы не совсем безукоризненны в этом отношении. Мы все молимся, но какой смысл может иметь

молитва без упования? Молимся потому, что, имея нужду в чем-либо, надеемся получить то от милостивого Бога, и знаем, что милостивый Бог всегда готов даровать нам нужное: отчего же молитва наша, и не чуждая упования, не привлекает милости Божией? — Оттого, что отношение наше к Богу неверно. Бог подай нам все, а мы для Него ничего не хотим делать; и если делаем что-нибудь как будто по-Божьему, то только то, что попадет под руку без особенного намерения и избрания; и притом, делая кое-что, оставляем в себе много неугодного Богу, намеренно прикрывая то забвением, как будто мы ни в чем не виноваты. Как же при такой неискренности и небрежности в хранении должного отношения к Богу надеяться, что Бог несомненно сделает для нас то, о чем мы Его просим? Исправьте эту неисправность, и тогда увидите, как пойдут к вам от Бога все милости: *волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит и спасет я*¹.

Скажите: да кто же без греха? И если грех погашает упование, а без упования молитва — не молитва, то зачем и молиться? — Но когда пророк говорит: *сохраню закон Твой*, то выражает не действительное сохранение, а решимость быть всегда верным закону. Эта решимость всегда и живет в благочестивом духе, хотя и то верно, что и праведник седмижды в день падает. Падает

¹ Пс. 144, 19.

седмижды, но не остается и одного раза в падении — а падает и встает, падает и встает. Это похоже на бег по скользкой или камнями усеянной дороге: кто положил достигнуть конца пути, тот сколько бы ни падал, никогда не станет валяться на дороге, а упавши, вскочит и опять победит. Путь богоугождения таков и есть. Старайся всегда быть чистым в совести пред Богом, людьми и собою и, коль скоро попадешь в какую нечистоту, тотчас очищай себя; намеренно же и с сознанием никогда не позволяй оставаться в тебе чему-либо нечистому и оскорбительному для Бога. Стараясь так, будешь в таком же положении, в каком находился и пророк, когда говорил: *сохраню закон Твой*, и будешь иметь дерзновение в молитве, которая будет свидетельствоваться несомненным упованием получить то, чего ты ищешь и просишь.

Смотрите, как широка и всеобъемлюща решимость пророка хранить закон Божий: *выну*, говорит, *в век и в век века*. *Выну*, διὰ πάντος во всем, во всех случаях жизни, и важных, и неважных, — *в век*, пока буду жить в веке сем, — *в век века*, в вечности. Святой Амвросий говорит, что пророк ни одного момента жизни не оставляет в небрежении, а ревнует преисполнить и пропитать всю ее законом. «И в пестунство детства и отрочества, и под дисциплиною юности, и в зрелости мужа и старца обещает не преступать пределов,

положенных каждому возрасту. Ведь и душа имеет свои возрасты, по которым востекает к зрелости, и, протекши которые, может говорить: *течение скончал*¹. Полный возраст души, *возраст старости* душевной, есть *житие нескверно*². Итак, выну хранит закон тот, кто и в возрастах телесных, и в степенях преспеяния душевного не позволяет себе уклоняться от закона».

Святой Иларий, высказав подобную же мысль, обозревает затем все области бытия и всюду видит свои законы. Стало быть, если есть будущая жизнь, — а она есть несомненно, — то и там будет свой закон. «Конца жизни своей не видит пророк. Вера его не ограничивается веком сим, и верность свою простирает он в бесконечность. Сказав: *выну*, он не оставил ни одного момента в жизни, в который допустил бы забвение; а когда прибавил: *в век века*, то восходил к сохранению вечного закона, которого здешний есть только тень и который вступит в силу тогда, когда вечность преемственно заступит место века сего. В загробной жизни есть закон для отшедших отсюда душ, по которому они одна от другой разделяются пропастью великою, как дает разуметь Господь в притче о богатом и Лазаре. И по воскресении будет для воскресших закон, по которому они, как звезда от звезды, будут различаться во славе³. Есть законы и для ангелов, по

¹ 2 Тим. 4, 7. — ² Прем. 4, 9. — ³ См.: 1 Кор. 15, 41.

которым одни непрерывными гласы восхваляют Бога; другие же предстоят невидимому Богу в глубоком молчании; ангелы же детей выну видят лице Отца Небесного¹. Таким образом, зная, что есть вечные законы, пророк обещает и предрасполагает себя хранить их, полагая сохранять в веке сем и те, которые суть только тень их».

Блаженные Феодорит и Августин объясняют, как это будет совершаться в будущем веке. Первый пишет: «Словами *в век века* пророк дал разуметь будущую жизнь, в которой всем дано будет чистое и полное хранение законов Божиих». Второй говорит: «Под законом здесь должно разуметь тот, о котором говорит апостол: полнота закона есть любовь². Этот закон хранится святыми не только в веке сем, но будет храним и в будущем вовеки. Не частные заповеди, но самая полнота закона будет там в действии, без всякой опасности греха, ибо и Бога мы будем любить полнее, потому что узрим его, — и ближнего, потому что *Бог будет всяческая во всех*³».

Стих сорок пятый

И хождах в широте, яко заповеди Твоя възисках.

С этого стиха до конца восьмистишия (стихи 45—48) изображаются плоды упования, или каков стал пророк после того, как возгрел в сердце своем крепкое упование упомянутыми

¹ Мф. 18, 10. — ² Рим. 13, 10. — ³ Будет Бог все во всем (1 Кор. 15, 28).

способами. Блаженный Августин говорит: «Прежде искал, а теперь (в стихах 45—48) повествует и исповедует, каким сделала его милость Божия, которую он испрашивал, — показывает, что услышан, и, вследствие того, вот что: *хождах в широте...*»

Широта хождения всегда есть прямое следствие верности заповедям Божиим, и это потому, что заповеди убивают живущие в нас и теснящие нас страсти. Что всякое стеснение и вязание нашей нравственной свободы зависит от страстей — это всякий сам знает. Что сжимает руку, готовую уже на благотворение? — Своекорыстие: себе нужно. Что томит душу, при виде счастья соседа? — Зависть. Что приковывает к постели или вяжет ноги, когда следовало бы идти в церковь помолиться? — Самоугодие и леность. Так и во всем. Но кто взыскал заповеди, то есть возлюбил их и положил быть всегда им верным, тот, хоть тоже чувствует припадки подобных страстей, но они не определяют его, не вяжут: он тотчас отражает их; а когда окрепнет в делании заповедей, то и совсем почти их не чувствует.

«Тому не тесно, говорит святой Амвросий, кто ума своего не заключает в земное и плотское, но направляет его к небесному и жительство свое имеет на небесах, а грешный сдавливается узами своих страстей. Возьмите богача: он владеет уже множеством полей, а все ему тесно, все желает он

большого: ему мало целой земли». Святой Иларий пишет: «Пророку не тесно. Тесны сердца грешников, и душа оскверненная не удостоивается посещения Божия. Обиталище для принятия Бога необъятного нужно пространное, а оно уготовляется верностию заповедям. Пророк ходит в широте, потому что в нем обитает Бог, а Бог обитает потому, что он заповеди его взыскал. Припомним, в какую широту разумения входит ум наш, когда мы, занимаясь чтением Божественных Писаний, исследуем заповеди Божии, и как широко бывают чувства смирения нашего, когда они пленяются в Божественные желания. Грехи же сокращают широту всякой души; отовсюду бывает тесно тому, кто не удостоился быть жилищем славы Божией». — «Что значит ходить в широте? — спрашивает блаженный Августин и отвечает: — Значит ходить в любви, которая излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Он учит нас исполнению заповедей в любви Бога и ближних».

Зигабен дает этой широте другой оттенок. Он перефразирует это место так: «Во всех делах моих находил я простор и встречал успех, потому что полюбил заповеди Твои и всегда верен был им. Будучи даже в скорби от искушений, не тяготился тем; ибо доброе свидетельство совести моей внутренно удостоверяло меня в крепкой любви и ненарушимой верности заповедям

Твоим, расширяя сердце мое и в скорби. Добрая совесть всегда утешает того, кто ее имеет».

Но, судя по контексту, в настоящем месте прямее будет разуметь ту широту, в какой чувствует себя ходящим и действительно ходит уповающий на Бога. Эту широту упования, равно как и условие ее — верность Богу в исполнении заповедей Его, пространно в разных местах живописует святой Исаак Сирианин. Приведем некоторые из них.

«Есть, говорит он, некоторый сокровенный Промысл. Сподобишься его и ты, если прежде с верою понудишь себя попечение свое возвернуть на Бога и свою попечительность заменить Его промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе, что ты со всею чистотою мыслей доверился Богу более, чем самому себе, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, тогда вселится в тебя та неодолимая сила, и ощутишь, что она с тобою несомненно, — та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, ходя даже по водам, не колеблясь в помысле своем опасением потонуть; потому что вера укрепляет душевные чувства человека, и он ощущает в себе, что как будто что-то невидимое убеждает его не вникать в видение вещей страшных и не взирать на видение невыносимое для чувств»¹.

¹ Исаак Сириан. Слово 49.

«Если однажды ты вверил себя Господу, вседвлюющему для охранения тебя и смотра о тебе, и если пойдешь вслед Его, то не заботься уже ни о чем относительно себя, но скажи душе своей: на всякое дело довольно для меня Того, Кому однажды предал я душу свою. Меня здесь нет; Он это знает. Тогда на деле увидишь чудеса Божии, — увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, как и Промысл Его окружает их, хотя и невидим. Но потому, что невидим телесными очами Хранитель, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться о Нем, будто бы Его нет; ибо нередко открывается Он и телесным очам, чтобы ты благодушествовал¹. Когда утвердишься в таком уповании, тогда побегут от тебя устрашающие и ужасающие тебя мысли, и все, что встретится тебе трудного и неудобного, покажется тебе удобным и легким»².

«Ведение (свое благоразумие) сопровождается страхом, вера — надеждою. В какой мере человек водится способами ведения (то есть сам устроит свое благосостояние по указанию благоразумия), в такой же мере связуется он страхом, и не может освободиться от него. А кто последует вере (уповающей), тот вскоре делается свободен и самовластен и, как сын Божий, всем пользуется с свободою, самовластно. Возлюбивший

¹ Исаак Сириан. Слово 49. — ² Там же.

веру (уповающую), как Бог, распоряжается всяким тварным естеством. А ведение (свое благо-разумие) всюду встречает преграды. И как быть иначе? Текучее естество воды на хребет свой не приемлет телесных стоп, и приближающийся к огню сожигает себя. Вера же (уповающая) властно претупает эти пределы, воодушевляясь обетованием: *еще сквозь огонь преjdeши, не сожжешися, и реки не покрывают тебе*¹. Многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигающую силу огня и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, как по суше»².

Вот как объясняет он то, что такое упование возможно только при верном служении Богу в исполнении Его заповедей. «Человек, который вовсе не имеет заботы о скоропреходящем, но всецело, днем и ночью, вверяет себя Господу, не заботится ни о чем мирском по великой своей рачительности о добродетелях, а все свое время употребляет на занятия Божественные и потому не радит о приуготовлении себе яств и одежд, об устройении жилища телу и о всем прочем, — такой человек прекрасно и разумно надеется на Господа. И это подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо такому надеяться на Бога, потому что он сделался рабом Ему и рачителен к делу Его. Такой достоин, чтобы на нем особенным образом показал Бог попечи-

¹ Ис. 43, 2. — ² Исаак Сирий. Слово 49.

тельность Свою. Но человек, у которого сердце совершенно погребено в земном, который всегда ест с змием персть, никогда не печется о благо-удном Богу, не имеет попечения ни об одной добродетели, — такой человек не может иметь светлого упования. Будучи стесняем скудостью или подавляем плодами беззаконий своих, может быть, и он скажет: возложу упование на Бога, и Он сделает меня беспечальным, и даст мне послабление. Безрассудный! до сего часа не вспоминал ты о Боге, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя, как написано, хулимо было язычниками, а теперь осмеливаешься открывать уста свои и говорить: на Него возложу упование. Он поможет мне и попечется обо мне! В посрамление таковых хорошо сказал Бог чрез пророка: *Мене день от дне ищут и разумети пути Моя желают, яко людие, правду сотворившии и оправданий Бога своего не оставившии*¹. К числу таких-то принадлежит и тот безрассудный, который и мыслию своею не приближался к Богу, а коль скоро окружили его скорби, он воздевает к Нему руки свои с упованием: возложу, говорит, упование на Бога; Он избавит меня. Не обольщайся; надежду на Бога предваряет труд для Бога в делании заповедей Его. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих? Да сопровождает же веру твою и приличное делание, и тогда услышит тебя Бог»².

¹ Ис. 58, 2. — ² Исаак Сирий. Слово 67.

Стих сорок шестой

И глаголах о свидениях Твоих пред цари, и не стыдяхся.

Это второй круг дел, в которых обнаруживается крепкое, созревшее в сердце упование — небоязненное свидетельство истины Божией. Когда слово и дело идут наперекор желаниям и пристрастиям слышащих и видящих, оно везде сопровождается неприятностями, а тем более слово истины, когда оно изрекается пред сильными земли. Можно у пророка видеть здесь речь вообще о свидетельстве истины и правды пред кем бы то ни было, — свидетельстве нестыдящемся, небоязненном, несмотря на последствия; а что он сказал: *пред цари*, то можно доразумевать *даже*, то есть *даже* пред цари, а о других-прочих и говорить нечего.

Свидетельство истины и правды есть прямое следствие верности закону и хождения в заповедях, которыми образуется в сердце искренняя добросовестность, которая не может допустить, чтобы язык скрыл истину или сказал противное истине. Но такая добродетель обнаруживается тихо и когда к тому случай откроется в житейском или гражданском порядке жизни. Тут, когда не касаются ее и не спрашивают, — она молчит. Но у пророка разумеется особая добродетель мужественного свидетельства истины, когда она не сидит на месте и не ждет, когда ее затронут,

а сама исходит на поприще народов и действует среди их небоязненно. Вызывает же ее пламень любви к Богу и славе его, и особенное мановение свыше, а то и прямое послание от Бога, как это было у пророков, апостолов, мучеников и исповедников.

Что движет и воодушевляет человека, верного Богу и заповедям его, на дело свидетельства истины? — Убеждение, что он исправляет чрез то дело Божие, которому Помощник и Покровитель Сам Бог; потому-то он и уверен, что Бог поддержит его и не даст ему пасть пред напором противляющихся и грозящих ему сил. Неприятности, потери, муки и самая смерть не ставятся в числе неудач; мученик, например, замученный считается победителем, потому что, несмотря на множество орудий к отклонению его от истины, он устоял в ней непоколебимо. Что на душе у таких свидетелей в час свидетельства? Они не на земле в эту пору, а на небе, в созерцании обетованных благ. Очевиднее всего это было в мучениках, которые и воодушевлялись тем, что вот-вот оставят бедную землю и вселятся в светлые обители Божии, и нередко умоляли мучителей не отлагать мучений, а скорее посредством их препроводить их ко Христу, да будут с Ним причастниками славы его.

Наши толковники все стоят вниманием при этом стихе на картине мучеников. Святой Афона-

сий пишет: «Таков был Павел, таков Петр, таков лик апостолов и мучеников». Святой Амвросий говорит: «Прилично исходить такому слову из уст всякого мученика, который, быв позван пред судилище, не стыдился, когда князи и судьи поносили его за веру в Распятого, а, напротив, вменял себе в славу крест Христов и небесными свидетельствами доказывал, что в кресте спасение миру». Блаженный Феодорит перечисляет и ветхозаветных свидетелей истины: «С великим удобством, говорит пророк, совершал я путь и, живя по заповедям Твоим, не боялся царского могущества, а с великим дерзновением обращал речь и к царям, потому что жизнь, согласная с законом, делает человека дерзновенным. Свидетель сему и великий Давид, потому что прежде грехопадения с великим дерзновением говорил пред Саулом; а после греха спасался бегством от сына-отцеубийцы, шел, поникнув в землю и покрыв главу. И великий Илия, твердо полагаясь на правду, обличал злочестие Ахавово¹, и Даниил сказал Навуходоносу: и теперь, *царю, совет мой да будет угоден тебе, и грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих*². Так и Павел вещал Агриппе, Фесту и Феликсу; так добропобедные мученики ни во что ставили угрозы царей злочестивых»³.

Но некоторые толкователи наводят на мысль, что здесь можно разуметь и проповедников сло-

¹ Цар. 16. — ² Дан. 4, 24. — ³ См.: Деян., гл. 24 и 26.

ва Божия во всякое время. Проповедь немолчна в Церкви, и хотя обращается к христианам, однако ж не всегда встречается среди их христианский прием. В этом стихе внушается примером пророка не кривить проповеди истины, не прикрывать ее какими-либо изворотами из угождения сильным земли, но излагать без уклончивости, смело. Убеждение в истине, при доброй жизни, дает дерзновение. Святой Афанасий пишет еще: «Как приличествует слово сие (стих этот) мученику, который за Христа ведется *пред владыки и цари*¹; так приличествует оно и отверзающим уста свои пред царственными святыми душами. Посрамления достоин тот, кто, прияв слово от Бога, не благовествует силою многою!» Святой Иларий восходит к источнику такого слова: «Долг расширенного сердца — обильно изливать из себя словеса Божественного учения. Проповедникам истины должно при этом руководствоваться не примером только пророка, но и словом Господа, Который знающим ее заповедал проповедать ее всюду, воодушевляя их: *не бойтесь*». Дидим, у Зигабена, располагает таковых возыметь ум мучеников: «Произносящему устами своими словеса Божии надобно иметь ум мучеников и всегда быть готовым на страдания за слово истины. Посему-то свидетельство Божие и названо словом, означающим вместе и мученичество».

¹ Мф. 10, 18.

И всякий всюду, в своих обстоятельствах жизни может непрестанно встречать поводы к свидетельству истины и может даже пострадать за то. Чем же ему воодушевляться на такое свидетельство, как не упованием на Бога, не оставляющего правды и правых?

Стих сорок седьмой

И поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело.

Третий плод упования — искание единого на потребу. Читая этот стих, невольно переносишься мыслью к Марии, сидящей у ног Спасителя и внимающей словесам, исходившим из Божественных уст его. Тут же приходит на мысль и урок Господа в лице Марфы, изреченный всем: *Марфо, Марфо, печешися и мовиши о мнозе; едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея*¹; а далее и общий закон, возложенный на всех: *ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*². Что же выходит? — То, что пророк, возгревши в себе упование, отрешился сердцем от всего житейского, земного, суетного и занят был одними заповедями Божиими, то есть как лучше уразуметь их и как лучше исполнить; ибо *пучахся* — значит учился не понимать только, но и уметь делать. Все это потому, что возлюблены заповеди, а возлюблены потому, что в них одних кроются

¹ Лк. 10, 41. — ² Мф. 6, 33.

вечные элементы жизни, к созерцанию которых перенесло его упование, возгretое, как указано выше, в предыдущих стихах.

Как только придется услышать нам слово о *едином на потребу*, тотчас приходят на ум потребности, необходимые для поддержания тела, и рождается вопрос: да как же это? Но когда говорится, что надо избрать *единое на потребу*, то это не значит, что внушается ничего не делать, а только соразмерять труды с достоинством дел: главному делу посвящать главную заботу и преимущественный труд, а делам побочным, придачным — заботу второстепенную и даже десятистепенную и таковой же труд. Положи на первом месте богоугождение и спасение чрез исполнение заповедей, а на втором, третьем и четвертом — все прочее, относящееся к поддержанию жизни; и к первому прилежи всем сердцем своим, а к последним относись внешне, касаясь их как бы только концами пальцев, и будешь верным исполнителем того, что сказал Господь о *едином на потребу* и об избрании части благой. То будет у тебя главное дело, а это все — приделки или поделия, как выражались древние великие подвижники. Нельзя не трудиться и не делать в житейском и гражданском быту, но надо вести эти дела в подчинении главному, в его духе, а не противно ему.

Припоминаю при этом беседу одного старца с учеником, в которой, когда старец, объяснив различие дела и приделков, жаловался, что ныне (в то время то есть, когда это говорилось) порядок извратился и приделки стали главным делом, а главное дело — приделком, ученик просил его объяснить ему это примером. «Вот видишь ли, сказал старец, сидишь ты за рукодельем, а тут ударили в било к церковной молитве; следует тотчас бросить работу и спешить в церковь, положив несколько поклонов в келлии своей. Ты так и сделаешь, если у тебя на сердце главным делом имеется дело Божие. Но если ты скажешь: dokonчу, немного осталось, и просидишь сколько-нибудь за работою, отняв это время у службы Божией, то покажешь, что для тебя работа и приобретение работою дороже дела Божия, и строй твой душевный перевернулся головою вниз, а ногами кверху. Так разумеи и о прочем».

Прилагая это сказание к себе и обобщая его, мы получим вот что: коль скоро у кого только и заботы, что о временных потребностях, дело же спасения и богоугождения всегда из-за них отодвигается на задний план и относящееся к нему исполняется лишь на столько, на сколько допускают те заботы, и притом кое-как, наскоро и наполовину: то у него главное стоит не там, где ему следует быть, и приделье занимает не свое место. Там, где число таких лиц размножается до

того, что непохожих на них уже не видно, все общество находится не в настоящем строе; с духовной точки зрения это будет общество ходящих вверх ногами. А так как это не в порядке вещей, то естественно, что за этою непорядочностию развивается в нем и всякая другая непорядочность: отсюда смятение, разложение и пагуба. Сколько хлопот, шума, толкотни! Выходит же из всего этого одна грязь. Часто слышим, что оставившие мир и уединившиеся в обители толкут воду; — нет, вот эти толкут, да добро бы воду, а то грязь; те избрали благую часть, которая не отнимется от них. Они питают благое упование, которое не посрамит их; безуповательным же ничего другого и не остается, как хвататься за щепки, которые вместе с ними погрязают в бездну.

Стих сорок восьмой

И воздвиг руце мои к заповедем Твоим, яже возлюбих, и глумляхся во оправданиях Твоих.

Четвертый и последний плод созревшего в душе упования — неуклонное пребывание на добром пути, или терпение в доброделании. Воздвигающий руки к заповедям то же, что возложивший руку свою на рало, по слову Спасителя. Как этот последний только тогда успешно обрабатывает землю, когда не озирается вспять и не глядит по сторонам, а проводит борозду за бороздою, несмотря на то, что трудноато и пот льет, —

так и делатель, воздвигший руки свои к заповедям, только тогда может преуспеть в исполнении их, когда вооружится терпением и ни труда не будет жалеть, ни препятствий устрашаться, а все дело за делом вести сообразно с заповедями. Что именно об этом речь у пророка, на это, кроме однообразности выражения с приточной речью¹ Господа, наводит еще и слово *глумляхся* — *ἠδολέσχομαι*, то есть приседел оправданиям и заповедям Божиим, терпеливо пребывал в добродетели.

Чем производится такое постоянство и твердость? — Любовью, которая *никогда не отпадает*². Но прежде чем придет любовь, чем воодушевлять себя и чем действительно воодушевляются делатели? — Ничем другим, как упованием.

В уповании приступают к делу спасения и богоугождения, в уповании и продолжают его. Какого ни возьмите предпринимателя, душа предприимчивости его есть надежда на успех; так и здесь. Надеются успеть — и трудятся. Это упование сначала бывает голое, одно, без всякой поддержки со стороны других духовных движений, кроме непоколебимой веры, которая все живит; но потом, когда посредством терпеливого приседения заповедям и оправданиям покажутся хоть слабые плоды успеха и сердце начнет входить во вкус этого рода жизни, — тогда упование имеет

¹ Речь притчами. — *Ред.* — ² 1 Кор. 13, 8.

это вкушение сладости добродетели, как одежду от холода и прикрытие от зноя, и окрыляется еще более, как окрыляется идущий домой, когда увидит издали кров свой: и ног своих удержать не может они бегут сами собою. Такое самоохотное хождение в заповедях есть плод терпеливого пребывания в исполнении их.

Святой Афанасий пишет: «Пророк называет здесь руками деятельные силы, потому что дело есть конец поучения в заповедях. По приятии слова о заповедях, всего лучше воздвигать руки к исполнению на деле того, что требуется в заповедях, — не с печалию или по принуждению, но с добрым расположением». Блаженный Феодорит прилагает: «Царство Божие не *в словеси*, но *в силе*¹. Посему и пророк к научению присовокупил и деятельность. Чему научился, то и делом исполнил. *Не слышатели бо закона праведни пред Богом, но творцы закона оправдятся*²; потому-то он и сказал: *глумляхся во оправданиях Твоих*, так как непрестанно был занят ими».

«Прекрасный порядок! — взывает святой Амвросий. Прежде размышлять и поучаться в заповедях Божиих, чтобы тем расположить себя к усердному действованию по ним, а потом и действовать по ним. Как конец изучения, например, истории есть памятование о событиях ее, так конец поучения в Божественных словесах есть

¹ 1 Кор. 4, 20. — ² Рим. 2, 13.

действие по ним, — труды, направленные к исполнению их. Надо руки поднять на дело по заповедям и делать их с любовью и радостью, чтобы не вынужденно было добро наше, не со скорбью и тяготою делалось, а доброхотно. Не с охотою делающий — раб. Кто друг, тот делает дело доброхотно. Постараемся же, заключает святой Амвросий, чтобы доброхотным исполнением заповедей и нам заслужить слова: *вас же рекох други*»¹.

Святой Иларий идет далее: «И размышление с любовью недостаточно: надо приложить деятельность воли — воздвигнуть руки к заповедям, не на разорение их, а для смиренного исполнения, чтобы вере и упованию соответствовали дела. *Глумление* показывает непрерывность делания. Он себя представляет постоянным блюстителем оправданий, постановленных свыше, не столько взирая на настоящее их, сколько прозревая и услаждаясь будущим».

Это прозревание в будущее, подаваемое упованием, есть главная подпора терпению в делании должных дел и производитель их. Апостол заповедует, например: *в молитве терпите, бодрствующе в ней*². Для чего же? — Для того, что *просияй приемлет, ищай обретает и толкущему отверзается*³. Святой Петр учит: *подадите... в воздержании*

¹ Я вас назвал друзьями (Ин. 15, 15). — ² Кол. 4, 2. — ³ Мф. 7, 8.

терпение. Это для чего? — *Сия бо сушая в вас и множащаяся, не праздных ниже бесплодных сотворят вы в Господа нашего Иисуса Христа познание*¹. Далее: *и всяко, еже аще творите, от души делайте, яко Господу, а не человеку*. Для чего? — *Ведяще, яко от Господа примете воздаяние достояния*². Так без терпения в доброделании — ни в чем не успеешь, а терпения этого негде почерпать, как в уповании. Это упование и должно посему возгревать всеусердно, вооружась верою.

 Седьмое восьмистишие идет под буквою *зѣин* — *маслина*.

Маслина — дерево, из плодов которого выделяется елей — символ милости Божией и всего утешительного и целительного. Ни один, может быть, предмет из мира вещественного не прилагается в слове Божиим так часто и разнообразно к предметам духовным, как елей: то он елей радости³, то помазания⁴, то целительности⁵, то светения⁶, то елей жертвенный⁷, то хлебный (в хлебе)⁸, то благочестия⁹, то мира (в песни: *милость мира* — Ἐλεον εἰρήνης).

¹ 2 Петр. 1, 5–8. — ² Кол. 3, 23–24. — ³ Пс. 44, 8. — ⁴ Исх. 25, 6. — ⁵ Ис. 1, 6. — ⁶ Исх. 27, 20. — ⁷ Лев. 6, 15. — ⁸ Лев. 8, 26. — ⁹ Екк. 7, 2.

В настоящем восьмистишии святой Давид собирает изречения, выражающие то, о чем скорбела душа его и откуда брал он утешение для нее. То беспокоит его медленность исполнения обетований Божиих (стих 49), то смиряющие обстоятельства жизни (стих 50), то гордые враги и насмешники (стихи 51—52), то, вообще, размножение греха и нечестия (стих 53), то пребывание на земле — месте странничества нашего (стих 54). Во всех этих прискорбиях он ищет и находит утешение себе только в Боге и святом законе Его, всячески стараясь сохранять должное к ним отношение. Это последнее выражается разнообразно по фразе, но почти одинаково по мысли, как это мы увидим (стихи 55—56).

Стих сорок девятый

Помяни словеса Твоя рабу Твоему, ихже упование дал ми еси.

Словеса с упованием, на которые пророк питал утешительные надежды, были данные ему обетования. Он просит вспомнить о них, конечно, потому, что в текущих обстоятельствах было что-нибудь не соответствовавшее ожиданиям, возбужденным словами Господа, или потому, что впереди видел он нечто такое, что могло разрушить его надежды, или потому, что чувствовал в ту пору нужду в утешении и милости Божией; обетования же обещали всякую милость, потому

он и говорит: «Помяни, что́ сказал, и даруй хоть малую часть из обещанного, потому что, в особенности теперь, я чувствую в том нужду». В основе такого прошения лежит непоколебимая уверенность в непреложности слова Божия.

Помяни... Но неужели и у Бога бывает забвение, как у человека? — Не может быть. Так почему же говорится — *помяни?* Слово это часто употребляется в Писании и в прямом, и в обратном смысле, как, например: *почто мя забыл еси?*¹, или: *вскую... забываеши нищету нашу?*² И Сам Бог говорит чрез пророка, что забудет все согрешения грешника, если он, обратившись, покается³. Забвение в Боге следует понимать не так, как понимается оно у нас, людей. Когда Бог, сверх ожидания человеческого, изменяет порядок вещей, не изменяя Совета Своего, *пребывающего во век*⁴, то говорится, что Он *раскаяся*. Так говорится о Нем — *забы*, когда, по-видимому, Он замедляет Своею помощью или исполнением обетования Своего, или должным воздаянием грешникам, или другим чем-либо, как будто выпало из памяти у Него то, чего надеются или чего боятся, но что не сбывается, хотя Бог делает это по особенному промыслению Своему, не по оскудению памяти и не по изменению воли. Таким образом, когда говорится Ему: *помяни*, то этим выражается лишь

¹ Пс. 41, 10. — ² Пс. 43, 25. — ³ Иез. 18, 21—22. — ⁴ Пс. 32, 11.

желание молящегося получить обещанное, а не то, чтобы что-либо предлагалось Богу, как будто выпавшее у Него из мысли. *Памяни*, говорит, *словеса Твоя рабу Твоему*; это значит: исполни то, что Ты обещал рабу Твоему; *ихже упование дал ми еси* — значит: «положившись на слова Твои, выражавшие обетование, я, толкует блаженный Августин, стал питать надежду».

Святой Иларий видит в этом слове еще ту мысль, что как обетования Божии суть условные, даны то есть под условием верности того, кому они даны, то пророк, не надеясь исполнить этих условий сам, просит Бога помочь ему в этом, чтобы потом исполнить и обетование, ограниченное такими условиями. «Пророк молится, говорит он, да явится достойным того, чтобы Бог удостоил его помянуть о слове Своем, которым обнадужил его.»

Что это за словеса Божии к Давиду — определено указывается в слове Божиим. Так Бог говорил ему чрез пророка Нафана: *поях ты от пажити овчия на властелинство людем моим Израилю, и бех с тобою во всех, аможе ходил еси, и искорених вся враги твоя от лица твоего*. И далее: *и упокою тя от всех враг твоих*, и проч. Услышав такой ответ Божий, святой Давид воззвал: *Кто есмь аз, Господи мой, Господи, и что дом мой, яко возлюбил мя еси даже до сих? И мала сия пред Тобою суть, Господи мой, Господи, и глагола еси о доме раба Твоего вдалеко*.

И ниже: *И ныне, Господи мой, Господи! Ты еси Бог, и словеса Твоя будут истинна, и глагола еси о рабе Твоем благая сия. И ныне начни и благослови дом раба Твоего, еже быти ему во век пред Тобою, яко Ты, Господи мой, Господи, глагола еси, и от благословения Твоего да благословится дом раба Твоего, еже быти в век пред Тобою*¹. Обнадеженный этими словами, святой Давид не переставал ожидать сбытия их и, опираясь на неизменяемость слова, изреченного чрез пророка, приступает к Богу с молитвою, да помянет обетования, о которых необычно Ему забывать. «Не по горделивому какому-либо притязанию, толкует святой Амвросий, говорит он так, но в уверенности, что Бог истинный не может быть ложен в словах Своих. Он говорит как бы так: не по восхищению уповал я; напротив, Ты сам сделал то, что я стал питать надежды. Раб я — жду питания от господина; воин я — жду оброка от царя».

Таков смысл этих слов в устах святого Давида. Но в каком смысле можем и мы обращать их к Богу? И нам всем даны в Господе Иисусе обетования, не о будущем только, но и о настоящем. Приводя посему на мысль эти обетования и не видя их исполнения на себе, молись, да помянет их Бог и исполнит в тебе, и если препона к исполнению их находится в тебе, то проси вместе с тем разрушить эту препону и сделать

¹ 2 Цар. 7, 8—29.

тебя достойным принятия того, что обетовано. Так, обещано всепрощение кающимся; но всепрощение приносит радость, а у тебя все та же туга и как будто нечаяние, — молись же, чтобы Господь изрек в сердце твоём обетованное всепрощение и ты ощутил радость от того, потому что *блажени, ихже оставишася беззакония и ихже прикрывшася греси*¹. Обещано, что крещеный водою и Духом или омытый слезами покаяния обновляется духовно и начинает жить новою жизнью: это же должно совершиться и в тебе; а между тем ты сознаешь, что деяния ветхого человека все продолжают прорываться с такою же будто бы силою, как и прежде, — и молись, чтоб избавил тебя Господь благодатию Своею от *тела смерти сея*² и чтобы не грех, а уже Сам Бог жил в тебе. Обещано, что все будут научены Богом, не внешне, чрез письмена, а внутренне, чрез написание невидимым перстом глаголов Божиих на скрижалях сердца: следует и в тебе этому быть; а ты видишь все неясно, и в сердце твоём никогда не изрекается всепросвещающее и животворящее слово, — и молись, чтобы Господь стал наконец для тебя светом, просвещающим всякого человека, грядущего в мир. Обещано, что истинные поклонники будут поклоняться Богу духом, — следует и тебе так поклоняться; а ты между тем видишь, что и телесное-то поклонение твое неисправно,

¹ Пс. 31, 1. — ² Рим. 7, 24.

а духовного и начатков нет, — вот и молись, чтобы *Давущий молитву молящемуся*¹ и тебя научил приступать к Нему в молитве достоительно. Так поступай и в отношении ко всему другому. Но при этом, чтобы молитва твоя не была пустым словом, не забывай исполнять или обещаться исполнять то, что требуется от тебя самого, дабы смысл слов твоих всегда был таков: «вот я делаю, или буду делать по силе, что от меня зависит, — вспомни же, Господи, и Ты, что обетовано Тобою работающим Тебе, и исполни благ Твоих бедную душу мою». Когда потрудишься так в жизни, то и в конце ее можешь сказать с апостолом: *подвигам добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия*². Это верх обетований и надежд, опирающихся на слово Господа: *идеже есмь Аз, ту и слуга мой будет*³.

Стих пятидесятый

То мя утеши во смирении моем, яко слово Твое живи мя.

Прежде сего, пророк выражал мысль, что в жизни его есть что-то не соответствующее обетованиям Божиим, потому и просил вспомнить о них; теперь определенно сказывает, что именно смущало его. Это — какие-то смиряющие,

¹ 1 Цар. 2, 9. — ² 2 Тим. 4, 7–8. — ³ Ин. 12, 26.

уничжающие, убивающие дух обстоятельства, и что среди их он оживляет убитую горем душу свою словом Господним.

Что же такое это «смиряющее?» — Могло быть и сознание нравственных своих недостатков, с которыми не справишься; «оживляющее» же в этом случае будет слово Господа о том, что тот, кто смиренно думает о себе, возвысится, а более всего то обетование, что восскорбевший об этом и взывающий к Богу всегда получит благодатное оживление: пошлет Господь Духа Своего и созиждется разорившийся нравственный строй его. Так учит блаженный Августин: «Можно здесь разуместь, говорит он, то смирение, которым смиряются, исповедуя грехи свои и горделиво не приписывая себе правды. Смиряющим себя таким образом дано такое утешительное слово: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать*¹. И Сам Господь сказал: *возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*². Но, прибавляет блаженный Августин, хорошо разуместь здесь и то смирение, когда кто смиряется скорбию, посылаемую к сокрушению гордости и испытанию терпения. Живительное для таковых слово такое: в *терпении вашем стяжите души ваша, и — влас главы вашей не погибнет*³; и еще: *верен Бог, иже не оставит вас искуститися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмоути вам понести*⁴. Такое

¹ Иак. 4, 6. — ² Лк. 14, 11. — ³ Лк. 21, 18—19. — ⁴ 1 Кор. 10, 13.

же упование дал Господь и в молитве, которой научил нас, повелев говорить в ней: *и не введи нас во искушение*. Если Он хотел, чтобы молящиеся так говорили в молитве, то, конечно, этим дал и обетование, что исполнит просимое».

То же разумеет и святой Афанасий о словах пророка: *то мя утешити во смирении моем*. «Это самое упование (о коем сказано в предыдущем стихе), порожденное во мне словом Твоим, утешало и успокоивало меня столько, что если постигало меня какое-либо бедствие или опасность, чаяние смерти, тяжкая болезнь, или потеря имущества, или гонение, или что-либо другое, по мнению людей тяжкое, — то утешением для меня было упование».

Святой Амвросий говорит также: «Упование, осенившее меня, воздействием слова Твоего утешало меня и воодушевляло к терпению неприятностей, встречаемых мною в жизни. А уповал он так потому, что верен был Господу: без этого не возымел бы он упования. Это видно на святом апостоле Павле. Когда Павел шел против имени Господа, то не имел утешения упования, а когда начал терпеть за имя его, то почерпал утешение из источника упования. Смотри же, как, сделавшись верным, и всех воодушевлял он к терпению и благодушию. *Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко*

Тебе ради умерщвляем ислы весь день; вменихомся, яко оуцы закаления. Затем прибавляет и то, как можно все это перенести: *но во всех сих препобеждаем за Возлюбшаго ны*¹. Итак, кто хочет препобедить противности, когда случится гонение, или беда, или смерть, или тяжкая болезнь, или набег разбойников, или отобрание имений, или другое какое бедствие, — удобно препобедит все это тот, кто преисполнен утешительною надеждою. Пусть встретится что-либо подобное — оно не может действовать подавляющим образом на того, кто в сердце носит убеждение, что *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей явитися в нас славе*². Кто чае лучшего, тот не может быть сокрушен чем-либо маловажным».

Еще и другое разумеет святой Амвросий под *смиряющим*, именно, внутренние искушения от греха и диавола, с которыми надо вступать в борьбу в надежде победы силою благодати Господней. «Во время смирения нашего, говорит он, утешительница наша — надежда. Временем же смирения души нашей я полагаю время искушения. Душа наша смиряется, когда бывает предаваема искустителю на испытание тягостными трудностями, которые неизбежны, чтоб устоять в борьбе и препобедить, когда чувствуешь приступ противной силы. В этих-то искушениях и живится душа словом Божиим. Оно есть жизненная

¹ Рим. 8, 35—37. — ² Рим. 8, 18.

эссенция души нашей, которою она питается, возвращается и управляется. И нет ничего, что могло бы так живить душу разумную, как слово Божие. Насколько вкореняется оно в душе нашей, когда, разумеется, оно приемлется и вкушается, настолько раскрывается и жизнь души. Напротив, по мере того, как оскудевает слово Божие в душе, — и жизнь души терпит ущерб и оскудение. Как союз между душою и телом поддерживается и живится жизненным духом, так словом Божиим и благодатию Духа животворится душа наша (поддерживается союз ее с Богом, источником жизни). Потому-то мы всячески должны стараться, чтобы, оставя все прочее позади, собирать словеса Божии и вносить их во владычественное наше (ум), в чувства (сердце), в начинания (волю), и во все дела наши, чтобы вся деятельность наша согласна была с изречениями Писания, и деяния наши нисколько не разнились с строем небесных заповедей. Тогда и ты можешь говорить: *слово Твое живи мя*».

Последнюю мысль святой Афанасий выражает так: «Ничто не дает разумной душе сил жить своею жизнью так, как Божие слово. В какой мере Божие слово возрастает в душе человеческой, постигаемое и приемлемое ею, в такой же мере возрастает и то, что составляет жизнь (а именно, чтобы жить здесь добродетельно) и что впоследствии даст жизнь вечную».

Святой Иларий все изложенные мысли совмещает кратко в следующих словах: «Упование утешало его *во смирении*, то есть когда терпел он презрение, насмешки и обиды, когда бесчестуем был поношениями. Зная, что борьба с искушениями такого рода неизбежна в настоящем веке, он утешал себя в ней надеждою, возбужденною в нем Самим Богом, и оживотворялся словом Божиим. Из него почерпал он удостоверение, что слава на небесах несравненно выше, чем степень нынешнего его уничижения за верность воле Божией. Знал он также, что душа, наполненная словесами Божиими, содержит в себе как бы некое пастбище вечной жизни. Кто живится словом Божиим, того не колеблет пустая слава счастливец. Знает он, что его бедность богаче их богатства, его постность насыщается небесным благообилием, его смирение вознаградится преславною честью».

Стих пятьдесят первый

Гордые законопреступоваху до зела, от закона же Твоего не уклонихся.

«Гордые, говорит, преступали закон Твой в продолжение многого времени, но я не последовал их худому примеру и беззаконию; или так: гордые беззаконно поступали в том, что насмехались надо мною, как непрестанно поучающемся в законе Твоем, но из-за насмешек их я не оставил

поучения в законе Твоем. Гордыми называет он презрителей и преступников Божественного закона, потому что такие преступники обыкновенно бывают горды». Так объясняет этот стих Зигабен.

В предыдущем стихе из неопределенно скорбного указал он на смиряющие обстоятельства жизни; а теперь и из этого круга скорбных случайностей выделяет он такие, которые исходят от гордых презрителей закона, хулящих закон, насмехающихся над исполнителями его и сбивающих всех с должного пути. Это — коноводы всякого зла, встреча с которыми наиболее болезненна для людей, преданных закону и искренно, всем сердцем, любящих его. Они-то и суть законопреступники *до зела*, то есть не только преступающие закон, но и восстающие на него, презирающие, ненавидящие и вооружающиеся против него злым словом своим. Против них-то пророк вооружался постоянством и твердостью в верности закону, не позволяя себе не только преступить его, но и подумать о чем-либо противном ему. «По закону, говорит, проводил я жизнь, соблюдая владычественную силу души моей (ум), чтобы не утаивать в сердце моем слово беззаконное»; «ибо, толкует это место святой Афанасий, когда преступают они закон *до зела*, я даже и в малом не преступал закона Твоего».

В этом стихе выражает пророк только твердость своего характера, но эта твердость не исключала и сердечного болезнования. Где же находил он целительный елей на такую рану сердца? — В воспоминании о судах Божиих. Вот и урок, как надо действовать, когда вокруг нас распространяются не преступники только закона, но и презрители и поносители его. Пусть их! Ты пребудь тверд: всех не переговоришь и не переверишь. Есть на небе Судия всех, Который видит, как восстают на Его повеления, и сумеет воздать всем должное.

«Гордость, говорит святой Амвросий, в человеке есть великий грех. От нее получило начало и наше повреждение. Этою стрелою в начале уязвил и поразил нас диавол. Если бы человек, обманутый хитрою речью змия, не восхотел быть Богом и если бы, довольствуясь данными ему ограничениями, не коснулся запрещенного, то никогда не перешло бы к нам пагубное наследство падения. Да что говорю я о человеке! Сам диавол через гордость потерял благодать естества своего, когда сказал: *выше звезд небесных поставлю престол мой... буду подобен Вышнему*¹, — и ниспал из сонма ангелов. Будучи праведно наказан за такое преступление, он вздумал сделать причастным тому и человека и перелил в него яд свой. Что может быть хуже такого греха, который

¹ Ис. 14, 13—14.

начало свое получил от восстания против Бога! Потому-то Писание и говорит: *Бог гордым противится*. Как отмститель оказанного Ему неуважения, Бог предпринял как бы специальную брань с гордостью. Он говорит как бы так: «гордый — это Мой враг; Меня он вызывает, Мне надо схватиться с ним». Потому-то пророк и говорит: *гордиши законопреступоваху до зела*, то есть гордым свойственно не только делать неправду, но неправду *зельную*. Показав, какова сила зла в гордости, надо было научить нас и тому, как побеждать ее. Он это и делает: *от закона*, говорит, *Твоего не уклонихся*. Таким образом, один закон Божий может выжать сок гордости, научая богобоязненного и благоговейного человека осмотрительности, с которою он должен править собою. Многие, не только чуждые вере, но из тех, которые уже довольно вкусили от доброго глагола заповедей, бывают прельщаемы успехами гордых, видя, как нарушители закона, ходатаи нечестия, высокомерные презрители искренно верующих, превозносящиеся над теми, которые, по страху Божию и повиновению небесным заповедям, смиряют сердце свое, — видя, как такие обилуют в веке сем богатством, славою, почестями и властью, и как, чем тягчайшие они делают неправды, тем обильнейший получают приток мирских выгод, и как люди праведные большею частию терпят недостаток и другие невзгоды, — видя все это,

возмущаются тем до омрачения ума и склоняются к тому, что будто в этом суд Божий некоторым образом погрешает, забывая ту главную истину, истину очевиднейшую, что воздаяние за труды богоугождения положено не в этом веке, а отложено на век будущий. Но редкие берут это во внимание. Вначале и сам Давид соблазнен был этим, как пишет: *се сии грешницы и гобзующии в век* (богачающиеся в веке сем), *удержаша богатство. И рех: еда убо всуе оправдих сердце мое и умых в неповинных рuce мои, и бых язвен весь день?*¹ Нередко и среди нас, несовершенных, иные, видя подобное, говорят: где же провидение Божие, где правда? Вон горделивец обилует, высокомерный богатится, нечестивец счастлив и в силе; а этот праведный лежит, брошенный всеми, в такой бедности, что хлеба насущного не имеет, и к тому же терпит поношение от нечестивца, попирается гордецом. Конечно, это не легкое искушение, и ты не избудешь его, если не прозришь в грядущее, если не питаешься обильнее небесными оброками. Давид думал прежде, что он знал эту истину; но когда пришло искушение, то оказалось, что не знает, потому-то и волновался и болезновал духом; потому и говорит: *и непщевах разумеи: сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие, и разумею в последняя их*². Увидев в пророческом духе как гордые за то, что так возносятся,

¹ Пс. 72, 12—13. — ² Пс. 72, 16 — 17.

будут отвержены и унижены, он говорит: *како быша в запустение? Внезапу исчезоша, погибоша за беззаконие свое, яко соние востающего*¹. Так познал он, что успехи нечестивых в веке сем суть сновидение, а не действительность; их преимущества дотоле и видятся им, пока спят. Как только пробудятся они от сна сего, тотчас окажутся жаждущими те, кои видели себя доселе напоенными, — алчущими, которые видели себя обильно напитанными, словом, из сна того не вынесут они ничего твердого, что успокоило бы их в действительности. Да, крепким сном спят люди века сего... Пусть бодрствуют они для мира, но для Бога они спят; и хорошо говорит о них святой Иов, который прежде дивился их показности: *будут, аки плевры пред ветром, или якоже прах, его же взя вихрь*; умирают в горести души, ничего не вкусивши и не имея никакого блага². А праведник, имея свидетельство доброй совести, утешает себя особенно тем, что ожидает его напоследок, зная, что с исходом из сей жизни он освободится от всех притрудностей и несомненно получит воздаяние за дела свои. Но это доступно только тому, кто может сказать о себе: *от закона Твоего не уклонихся*, — в ком не только сияет благодать доброделания, но и чистота искренней совести. Мы воинствуем Господу по закону не видимыми только делами, но и сокровенными чувствами.

¹ Пс. 72, 19—20. — ² Иов. 21, 18, 25.

Закон и говорит: *да не будет слово тайно в сердцу твоем беззакония*¹, чтобы то есть не только делом не погрешал ты и не проговаривался словом, видя гордых в славе, но и в тайне сердца своего не принимал приращения неправды, когда помышляешь при этом о судах Божиих.

Изложим теперь кратко, какое настроение следует иметь мужу святому. Во-первых, ему должно памятовать небесные обетования; во-вторых, разуметь, какая участь положена для живущих, чтобы, когда встретятся беды и скорби, не падал он духом, но утешал себя надеждою, почерпаемою из цепи свидетельств Божественного Писания; в-третьих, не следует ему, как неверу какому, уклоняться от закона, когда увидит, что гордые нечестивцы и неправедники обилуют богатством в веке сем, но твердо теши по своей стезе, избегая общения с гордыми, дабы избежать и заражения от них, так как *нечист пред Богом всяк высокосердый*².

Стих пятьдесят второй

Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся.

Этот стих служит дополнением предыдущего. «Помянул я, Господи, говорит он как бы так, праведные суды Твои, от начала мира Тобою явленные, как Ты страждущих за добродетель чтить и прославляешь, как тех, которые полны счастья со

¹ Втор. 15, 9. — ² Притч. 16, 5.

грехом, бесчестишь и посрамляешь, и воспоминаем этим утешился в скорбях и злостраданиях моих пред лицом гордых порицателей закона Твоего». Так толкует это место Зигабен. «Содержа, говорит святой Афанасий Великий, в памяти то, чем от века и до века воздается каждому, чем утешается праведник и пребывает беспечален; вспомянув суды, какие творил Ты древле над притеснителями израильтян, я утешился, зная, что и сам не буду оставлен в гонениях, и что с людьми все бывает по суду Божию». «Привел я себе на мысль, поясняет блаженный Феодорит, что было с Авелем, Авраамом, Исааком, Иаковом, Иосифом, Иовом, Моисеем, как попущено было впасть им в различные искушения и как соделал Ты их впоследствии славными и знаменитыми, я почерпнул в этом для себя достаточное утешение». «Гордые, пишет святой Амвросий, своими нападками на закон колебали мою преданность закону; но я помянул суды Твои и, утешась ими, возвратился к прежним убеждениям и решениям; ибо, если кто, будучи научаем законом и убеждаем примерами, не станет питать той глубокой уверенности, что слова Божии непреложно истинны, тот в опасности скоро уклониться от закона. Но собери в памяти прошедшее, пересмотри цепь древних событий, и увидишь, что как грешник не избегает кары за свои неправды, так и праведник не лишается воздаяния за свою

правоту. Смотри, вон в самом начале Адам, за преступление небесной заповеди, изгоняется из жилища райского; вон Каин Божиим приговором осуждается оплачивать стенанием и трясением братоубийственное злодейство; вон Енох, за боговеинство взятый на небо, избегает жала смерти; вон Ной, за богоугодную праведность победитель потопа, делается новым родоначальником рода человеческого; вон Авраам за веру приемлет обетование потомства по всему лицу земли; вон Иаков за терпение печатлеет народ верующих печатью нового данного ему имени (именем израильтян); вон Давид за кротость предпочитается старшим братьям и облачается честью царскою; вон Илия, за ревность Божию колесницею взятый на воздух, вселяется в нового рода жилище, в обитель небесную. Перебирая все это в памяти, найдешь, откуда взять утешение и чем подкрепить себя в верности Божиим повелениям. Хранящему заповеди сладки суды Божии, а небрежущему о них горьки, ибо в посрамлении грешных он предвидит готовящийся ему самому приговор Божий. У кого совесть чиста, тот не смущается ничем, прилагая к себе утешительное определение: *наследницы Богу, наследницы же Христу, понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся*¹.

Как естественно находящемуся в горести, особенно терпящему напраслину, обращаться в

¹ Рим. 8, 17.

утешение себя к праведному суду Божию, это доказывает повседневный опыт. Обижаемый какое обыкновенно произносит слово, когда возьмет его за сердце? — «Бог тебе судья!» или: «Есть Бог праведный, Который все видит!» — и тем вполне облегчает свое горе и успокоивает свое сердце. С другой стороны, ничто так не остепеняет грешников и обидчиков, как воспоминание о судьбах Божиих и праведном окончательном суде Его, на котором ничто уж не укроется и ничто не останется без воздаяния. Кто хоть немного придет в сознание и чувство этого суда, тотчас опускает руки, простертые на беззаконие, и останавливает ноги, текущие на грех. Суд Божий есть постоянный проповедник покаяния, и внимающий этой проповеди не посрамится. Блаженный Августин замечает, что слово *утешихся* некоторые понимают, как «получил урок», принял наставление.

Святой Амвросий обращает ко всем такое слово: «Кто же из нас таков, чтобы мог утешиться воспоминанием судов Божиих? Для грешников страшны и человеческие суды, — насколько же страшнее должны быть для них суды Божии! Посмотрите, как бывает в обычном течении дел. Невиноватые с радостью идут в суд и, досадуя на медленность, требуют скорейшего решения, а виноватые боятся и бежат суда, и когда попадутся в чем-либо, то всячески стараются оттянуть

подальше день суда, — и каким испугом поражаются они, когда наступает наконец час его! Подобное тому, но в необъятнейших размерах, повторится и на суде Божиим. Блажен, кто с радостью может ожидать сего небесного суда!»

Стих пятьдесят третий

Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой.

Размножение нечестия и повсемственного¹ разврата — вот новый источник скорби для пророка! Впереди указал он на выдающиеся из этого круга личности, — на насмехающихся и на нападающих; теперь обозначает всю сплошную массу грешащих без страха Божия и страха суда Его, хоть и не нападающих, но видом своим и бесстыдством смущающих благочестивое сердце. В этом стихе он говорит только о скорби из-за того, а в следующем указывает, откуда приходило ему утешение в такой скорби.

Печаль брала его при виде умножения греха столь сильная, что он бывал близок к обмороку, как показывает греческое слово *ἀθυμία* и соответственное ему слово еврейское. Сердце, любящее Бога и ближнего, и не может иначе относиться к этому, ибо грехом и Бога бесчестят те, кои носят на себе имя Божие, и себя самих губят безвозвратно, если не покаются. Принимая то и другое

¹ Повсемственного. — *Ред.*

к сердцу, искренно благочестивый мучится. О праведном Лоте святой апостол Петр пишет: *видением и слухом праведный живой в них (среди беззаконных содомлян) день от дне душу праведну беззаконными делы мучаше*¹. То же испытывал и праведный Давид: *видех, говорит он, беззаконие и пререkanie во граде. Днем и нощию обыдет и по стенам его, беззаконие и труд посреде его, и неправда. И не оскуде от стога его лихва и лесть*². Болезнующ о таком положении людей, он и говорит: *печаль прият мя.*

«Не многим обще такое чувство, говорит святой Амвросий. Большая часть печалются, когда терпят от кого-либо обиду, или убыток, или бесчестие; но более совершенные и более крепкие духом печалются не о своем унижении, а о грехе тех, кто унижает их. Им причинена обида, а они вздыхают о падении другого, оплакивая себя, как причину греха обидчиков. Так поступал и святой Павел: *от печали многия и туги сердца, писал он к коринфянам, написах вам многими слезами. Но, скорбя сам, он не хочет, однако ж, опечаливать тех, которые достойны были обличения: не яко, прибавляет он, да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имах изобильно к вам*³. Понятно, что он хочет того, дабы падшие пришли в сокрушение покаяния, уверяя их, что такого рода сокрушение будет для него источником радости: *аще бо, продолжает он, аз скорбь творю вам, то кто есть*

¹ 2 Пет. 2, 8. — ² Пс. 54, 10—12. — ³ 2 Кор. 2, 4.

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

*веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене?*¹ Таким образом, он хоть и обличает, но с тем, чтобы, причинив некую скорбь, привести ко спасению, — осуждает, чтобы разрешить, — отлучает, чтоб искреннее принять. Павел таков, между прочим, и потому, что, будучи сведущ в законе, знал поучительный пример того, кто говорил: *печаль прият мя от грешник*. Болезновал Давид не о том, что его презирали, не от того, что ему доставалось, а о том, что был оставляем и презираем закон Божий; болезновал о тех, которые это делали, потому что они погибали чрез то для Бога. Как добрый отец, когда помешавшийся сын бранит его, и злословит, и даже бьет, оплакивает не себя, но бедственное положение сына своего; так и добрый человек, когда видит, что какой-либо грешник делает недостойное, в присутствии даже старца, не уважая седин его и не сознавая в греховном обезумлении, как непристойно и нечестно поступает он, болит о нем, вздыхает, как о смертельно больном. Как добрый врач сначала предлагает советы, потом, взявшись лечить, не бросает уже больного, несмотря на то, что больной от нетерпения скажет что-нибудь и неприятное ему; так и праведник не отвращается от грешника, несмотря на презрение, которое терпит от него. Встречая даже обиды, приписывает их не ему, а неистовству смущающего его врага, и

¹2 Кор. 2, 2.

заботится не о вознаграждении себя, а об уврачевании души отчаянно больного духом».

«Источник такой заботы о грешниках, говорит святой Иларий, есть любовь по Богу, в силу которой, когда страждет один член, состраждут ему и все другие». «*Печаль прият*, пишет святой Афанасий, то есть печаль о грешниках, из которых одни грешат, не изведав и начала законов, а другие хоть и знают закон, но преступают его. *Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди*»¹.

Равнодушие к разливу нечестия и поголовного разврата обличает ослабление нравственно-религиозных чувств. Когда это случается, общество бывает в положении эпидемическом. Когда пойдет куда холера, все жители чувствуют припадки холерины в разных степенях; так и тут: расширяющиеся нечестие и разврат затрагивают понемногу всех. Иной и не участвует делом, зато смотрит; иной хоть и не смотрит, но молчит, и редко-редко кто подымет голос, да и то полушепотом. Таково и наше несчастное время! Это, однако ж, не оправдывает равнодушия, потому что ревновать о славе Божией и о царствовании добра и света есть долг всех сознающих, что в этом — истинное благо человека, человеческого обществ и человечества.

¹1 Кор. 12, 26.

Стих пятьдесят четвертый

Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришельства моего.

Пета — фалта, — петельны, возбуждали то есть к пению. Кто занят чем-либо до воодушевления и с чувством удовольствия, тот готов петь, и поет, если умеет. От избытка сердца уста говорят. Так и пророк, углубляясь в оправдания Божии, восприяв их сердцем и увлекшись любовью к ним, пел о них, хвалил и выражал их достоинство, Божественную важность и обязательность для всех.

Поставляя эти слова в соотношение с предыдущим, мы видим, что там высказывалась печаль, а тут указывается источник утешения. Он как бы так говорит: «Грех и нечестие, размножившиеся вокруг меня, повергали в печаль душу мою, а я, углубляясь в оправдания Твои, согревал любовью к ним сердце мое и тем прогонял мрачное настроение в себе и то пагубное влияние, которое обыкновенно оставляет в душе окружающая нас греховность». Или так: «Скорбно было видеть разлив зла и нечестия вокруг себя, но я утешался оправданиями Твоими, размышляя о них и возгревая удостоверение в непреложности и спасительности их, в противоположность пагубе, наводимой нечестием».

Место пришельства это — настоящая жизнь. Чувство, яко странни и пришельцы есмы на земли¹,

¹ Евр. 11, 13.

обще всем искренно богобоязненным людям. У пророка оно возвышалось тем, что в окружающих он не видел никакого согласия с настроением своего сердца. Они замышляли и делали одно, а он — совсем другое, и потому был чужой между ними. В нем действовал иной дух жизни, не от мира сего. Потому-то, отделясь от всех, он прилеплялся к тому, что исходило из той же области небесной, из которой была и сила жизни, воодушевлявшая и услаждавшая его оправданиями, исшедшими от Бога. Они веяли на него родным воздухом Отечества духовного. И как весною, когда пробудившаяся новая жизнь охватывает вышедшего на простор поля из душного жилья, невольно исторгается песнь для выражения радости жизни, так пел и пророк, когда в оправданиях охватили его родные духу небесные стихии. Этим он и себя утешал, и отгонял навевшийся на него дурной дух из грешного мира.

И в Церкви Божией затем установлено пение песней духовных еще святыми апостолами, чтобы души собравшихся благочестивых людей утешить в разнообразных прискорбностях и вместе с тем отвеять дух мира, который не может не влиять тлетворно на живущих в его среде. Вошедший в дом Божий не может вдруг стать пред Бога: его надо отпеть, а когда он отпоется, надо ввести в сочувствие с духовною областью. То и другое достигается духовным пением в храмах.

20210

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

Без пения богослужение не будет в своем чине.

И вне храма ничем так легко не отвеешь дух мира, как пением духовных песней. Когда припадки его усилятся — начинай петь, и он отойдет. Для этого надо иметь заученные псалмы и песни. Святой Иларий пишет: «Пророк, восприяв однажды слухом псаломские песни, примером своим научает нас всегда хранить их в сердце, чтобы потом повторять их и устами, как бы службу справляя». «Гордые, говорит святой Амвросий, не уклонили его от закона; он находил утешение в судах Божиих. И печаль от грешников не поглощала его; против нее вооружался он пением об оправданиях Божиих. Что держится на сердце, о том обычно и поется; а что поется, то лучше запечатлевается в чувствах. Не следует нам поверхностно пробегать то, что читаем, дабы не во время только чтения содержать то в мысли, но и когда нет книги в руках. Оправдания Божии да будут для нас гимном, песнию, псалмом; воспоем духом, воспоем и умом¹, чтобы, если забудем о том во время нужное, не сказано было каждому из нас: *отвергн еси словеса Моя вспять*². Чтобы прогнать забвение от святого дома, мудрый Соломон велел петь певцам, и они возвещали о дивных делах Божиих³. В собрании молящихся Богу всегда должны быть поющие, чтобы пением их

¹ 1 Кор. 14, 15. — ² Пс. 49, 17. — ³ 2 Пар. 5, 12.

отгоняем был дух нечистый, подобно тому, как пением святого Давида отгоняем был дух, мучивший Саула¹. Случалось, что и пророки, пред тем как пророчествовать, приказывали искусным певцам петь, чтобы приятным сладкозвучием расположиться к наитию благодати Духа². Сладко пение не то, которое нежит слух, но которое возвышает дух и сердце; и Новый Завет назван песнию, ибо Сам Господь благоволил изречь: *пискахом вам, и не плясаете*³. Воспел Он нам в Евангелии отпущение грехов. Должны были внять сему иудеи — не вняли, и заслужили укор».

«Но оправдания Божии не могут быть певаемы тем, кто не отрешился от всех забот земных. Посему пророк и прибавил: *на месте пришествия моего*. Здесь — мы пришельцы, а у Бога — свои. Потому-то апостол говорит, что в доме Божиим по призванию к вере мы уже не странники и пришельцы, но сограждане святых и домашние Божии⁴; а кто домашний Божий, тот уже выходит из мира; кто возвращается в небесных вещах, тот странник на земле; кто поет, у того отложены все тяготящие заботы или расчеты, сжимающие сердце. Не как опечаленный заботою о недоступных, но как свободный от всех телесных нужд и страстей пел тот же пророк: *воспою Тебе, Боже,*

¹ 1 Цар. 16, 23. — ² 4 Цар. 3, 15. — ³ *Мы играли вам на свирели, и вы не плясали* (Лк. 7, 32). — ⁴ Еф. 2, 19.

в гуслах. *Возрадуется устне мои, егда воспою Тебе, и душа моя, юже еси избавил*¹. Так пел он в радости, потому что был насыщаем лучшими благами. Дух его насыщался пищею благоговения к Божественному — и он пел».

Стих пятьдесят пятый

Памянух в нощи имя Твое, Господи, и сохраних закон Твой.

Последние два стиха представляют общий вывод из предыдущего, на чем то есть, главным образом, должно останавливаться при всех неприятностях, наводящих скорбь, или какой всеобъемлющий закон жизни нашей на земле, полной скорбей и бед. Этот закон словами сына Давида можно выразить так: *помни Бога и заповеди Его храни*, взывая их, конечно, всею душою, *яко сие всяк человек*². Это есть содержание подлежащих стихов.

Памянух в нощи имя Твое. Ночь здесь означает или обыкновенную часть суток, или в смысле переносном — настоящую жизнь вообще, или скорбные обстоятельства жизни, или припадки забвения, нечувствия и восстания всяких недобрых помыслов, чувств и страстей.

В первом случае будет мысль такая: ночью, когда все вокруг меня погрузилось в глубокое

¹ Пс. 70, 22—23. — ² *Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека* (Еккл. 12, 13).

молчание, когда и душа моя освободилась от гнета внешних впечатлений, я вспомнил имя Твое, живее сознал, что Ты и Творец, и Промыслитель, и Воздаятель милостивый и праведный, в руке Которого всё; следовательно, и я с бедною душой моей. Помянув это, я воодушевился большею решимостию хранить закон Твой. Или так: не ночью только, но и во всякое другое время я всегда поминал имя Твое; оно не выходило у меня из мысли при всех делах и обстоятельствах жизненных, и это подало мне удобство сохранить закон Твой. Если я хранил его доселе, то потому, что воспоминал о Тебе, что Ты всеприсущ, — сознавал, вместе с тем, как неуместно при этом допускать что-либо неуютное Тебе, не только в словах и делах, но и в мыслях, и всегда оставался я верным закону Твоему.

Во втором смысле можно понимать это так: хотя неприятности, бедствия, напасти и всякого рода неудачи наводили мрак на душу мою и колебали верность закону Твоему; но, помянув в этой ночи имя Твое и сознав, что все от Тебя и все строится ко благу моему, я успокоивался и оставался верным закону Твоему.

Какую ни взять мысль, намерение у пророка при этих словах одно — внушить, что памятование о Боге есть источник всякого утешения и полной крепости нравственного характера, всегда верного Богу.

Блаженный Феодорит пишет: *«помянух в нощи..»*

Лик святых, всегда вставая ночью, и молится, и песнословит Бога всяческих. Но думаю, что ночью именуется здесь время искушений, потому что оно приносит мрак и подобно ночи постигает людей. В это-то время преимущественно необходимо памятовать о Боге всяческих: это утешает, ободряет и отражает противные помыслы».

Блаженный Августин подводит под это и все скорбности, о которых поминалось в сем восьмистишии: «Ночь, говорит он, есть и уничижение, в какое поставляет нас наша смертность, — ночь от гордых, законопреступствующих *до зела*, — ночь от печали из-за грешников, оставляющих закон Божий, — ночь, наконец, от места пришельствия сего, пока приидет Господь и во свет приведет тайные тьмы и объявит советы сердечные, и тогда похвала будет каждому от Бога¹. В этой ночи должно человеку памятовать о Боге, *хваляйся, о Господе да хвалится*²; потому-то и написано: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*³, так как чрез это можно расположиться хранить закон не ради себя, а ради славы Божией, как это и делал Давид, по указанию настоящего стиха. Не сохранил бы он закона, если бы, понадеявшись сам собою сохранить его, не помнил об имени Божиим; *ибо помощь наша во имя Господа*»⁴.

¹ 1 Кор. 4, 5. — ² 1 Кор. 1, 31. — ³ Пс. 113, 9. — ⁴ Пс. 123, 8.

Святой Амвросий говорит: «Праведному свойственно во всякое время устремляться на хваление Бога, не только днем, но и ночью. *Помянух*, говорит, — всегда, значит, помнил, не позволял ни одному моменту времени пройти без молитвенного обращения к Богу. Если занимающиеся светскими науками не поблажают сну, то во сколько раз больше желающие познать Бога не должны быть воспящаемы¹ в этом со стороны сна телесного, уступая ему лишь столько, сколько требуется естеством! Давид всякую ночь омочал слезами постель свою, вставал в полночь и исповедовался Господу; а ты всю ночь думаешь отдавать непробудному сну! Тогда-то наиболее и должен ты молиться Господу; тогда-то наиболее и просить Его помощи, наиболее опасаться греха, когда кажется тебе, что ты от всех сокрыт. Когда тьма вокруг и стены укрывают тебя, тогда сильнее восстанавливай мысль, что Бог видит все и сокровенное. Не говори: покрыт я тьмою, — кто меня видит и кого мне бояться, заключенному и спрятанному в стенах? *Лице Господне на творящая злая*². Но пусть не видишь ты свидетеля, а само себя разве не видишь? И разве не боишься ты свидетельства своей совести? Не знаешь разве, что мрак ночи — не обезопаситель, а возжигатель греха? Когда сном и пищею разгорячается тело, тогда ослабляется бодренность ума, и

¹ Отвлекаемы. — *Ред.* — ² Пс. 33, 17.

крепость его расшатывается сном, а затем нападает похотливость и возмущает сердце. И это бывает тем опаснее, что тогда не видится срамота нечистоты, не ценится светлость непорочности, не сознается слава целомудрия. Ночь была, когда Иуда предал Господа и Петр отрекся от Него. Особенно в это время надлежит памятовать о Боге, пересматривать оправдания Его, перечитывать увещательные наставления Его. Заповеди о чистоте да не отходят от мысли твоей; занятый ими ум отвратит воспламенение похоти, охладит разжжение плоти».

Стих пятьдесят шестой

Сей бысть мне, яко оправданий Твоих взысках*.

В этом стихе могут быть допущены две мысли: память об имени Божиим была для меня причиною того, что я взыскал оправданий Твоих; и еще: память эта *бысть во мне*, образовалась и укрепилась в душе моей потому, что я взыскал оправданий Твоих.

* По нашему переводу, *сей* относится к закону, о котором пред сим упомянулось; но по-гречески *αὐτῆ*, не может относиться к закону, который, и по-гречески, мужского рода. Куда же отнести это? Впереди слово женского рода стоит только *ночь*; но нашли, что относить к ночи *αὐτῆ* неуместно, и положили относить его к подразумеваемой памяти. Так думают святой Амвросий, святой Иларий, блаженный Августин и Зигабен. Последний пишет: «Обычно святому Давиду во многих случаях глагол превращать в соответствующее ему имя, и разуметь его в речи, даже не ставя его. Впереди сказал — *помянух*... а теперь говорит: *эта память бысть мне*». — *Авт.*

В ходе жизни ревнующих о богоугождении и спасении то и другое совершается на самом деле. Вспомнит человек о Боге, о том, что во всем от Него зависит и что должен будет некогда во всем дать отчет Ему, — и приходит в себя; видя затем неисправности в жизни, решается исправить их и посвятить потом себя на хождение в воле Божией. Очевидно, что не иное что, а памятование о Боге заставило его взыскать оправданий Божиих. Так разумеет это блаженный Феодорит: «Это, говорит пророк, привело меня в состояние одержать верх над собою (переломить себя) и избрать для себя стяжание Твоих оправданий». Затем взыскавший такого рода жизнь не может обойтись без того, чтобы не памятовать о Боге, ибо всякая заповедь, какую предлежит ему исполнять, есть Божия заповедь, а ему предлежит исполнять их непрестанно, так как все дела и отношения наши обложены заповедями. Всякий шаг и напоминает ему о Боге, и жизнь, постоянно верная заповедям, неизгладимо напечатлевает память о Нем в уме и сердце. За такое дело образования памятования о Боге он и сам произвольно берется, и нудит себя к нему, в той уверенности и опытом изведенной пользе от сего, что при этом исполнение заповедей течет благоуспешнее и страсти преодолеваются легче и глубже.

Святой Иларий пишет: «*ἄυτη* *haes*, относится к памятованию, которым поминал он по ночам имя Божие, а словами *бысть мне* означает, что оно набежало не случайно, воспринято не на время, но всегда было и пребывало в нем, и навсегда укоренилось внутри его силою веры. *Бысть* же таким оно для него потому, что он взыскал оправданий. Чрез непрестанное взыскание их он достиг того, что стал содержать непрестанную память о Боге во Христе Иисусе, Господе нашем».

Этот стих, как замечено, вместе с предыдущим составляет заключение сего восьмистишия, в котором святой пророк, указав разные скорби и источники утешений в них, выражает, наконец, на чем остановиться и оставаться вернее. Он говорит как бы так: взыскав угождать Богу чрез хождение во святой воле Его, пребудь в непрестанной памяти Божией, всего себя предав Богу и от Него ожидая содействия всякому благому делу. Отсюда прибудет тебе неодолимое мужество в борьбе со скорбями и непоколебимая верность заповедям Божиим.

Приводим на этот предмет несколько слов святого Исаака Сирианна:

«Человек, сомневающийся, что Бог помощник в добром делании, боится тени своей и во время недостатка и обилия томится голодом, и при окружающей его тишине исполняется бури; а кто уповает на Бога, тот тверд в сердце своем, и всем

людям явна достаточность его, и пред врагами его похвала его.

Заповеди Божии выше всех сокровищ мира. Кто стяжал их, тот внутри себя обретает Бога. Кто успокоивается всегда в Божием попечении, тот приобрел Бога домоприставником своим; кто вожделевает исполнения воли Божией, тот будет иметь путеводителями небесных ангелов; кто боится грехов, тот беспреткновенно совершает страшное шествие и во время сумрака пред собою и внутри себя обретает свет. Стопы боящегося грехов охраняет Господь, и во время поползновения¹ предваряет его милость Божия».

П Восьмое восьмистишие идет под буквою *хет* — *грех*.

Пророк говорит тут не о самом грехе, а о том, как грешник вырывается из уз его и какие употребляются приемы, чтоб устоять на добром пути. Он берет грешника в ту минуту, когда по пробуждении от греховного усыпления ему предстоит решить — или перестать грешить, или, отложив покаяние, опять ходить тем же путем греха. Перед ним мир со сластями и Господь

¹ Искушения. — *Ред.*

с заповедями. Обсудив как следует ту и другую сторону, он решает: *часть моя еси, Господи; грех сохранили закон Твой* (стих 57). Решился хранить закон вперед — а с прежнею-то жизнью что сделать? — Ничего другого, как, припадши к человеколюбцу Богу, вопиять: *помилуй мя по словеси Твоему* (стих 58)! Покаяние принесено, разрешение грехов получено: за тем что же делать? — Надо обдумать новую жизнь, и в общем, и в частности, подвести ее под заповеди Божии, — и возвратит ноги свои на свидения Божии (стих 59). При вступлении в новый путь сколько препятствий! Но когда обдумывались порядки новой жизни, все они были предусмотрены, и на подъятие их и преодоление изъявлена готовность, чего бы это ни стоило. Оттого-то встреча с ними и не колеблет положившего намерение хранить заповеди (стих 60). Чувствительнее всего могли бы колебать это намерение товарищи греховной жизни и греховные навыки, но и они не заставят твердо решившегося забыть закон Божий (стих 61). Таким образом, все связи с грехом порваны. Но искушениям еще не конец: надо укреплять себя в добре и запасаться силами на противостояние злу. Пророк указывает три могущественнейших на это приема: ночные бдения (стих 62), общение в слове и молитве с людьми богобоязненными (стих 63) и особенно — предание себя милости Божией (стих 64).

Стих пятьдесят седьмой

Часть моя еси, Господи; грех сохранили закон Твой.

Часть моя еси, Господи. Кому прилично сказать это? — Прилично и оставляющему все и возжелавшему служить едину Господу, но прилично и оставляющему грех и возвращающемуся на добрый путь закона Божия. Оба они в сердце своем говорят: «Тебе, Господи, посвящаю всего себя», первый — чтобы всегда пребывать с единым Господом, избирая часть Марии, слушавшей у ног Господа только слово Его; а второй — чтоб угождать Господу исполнением заповедей Его в сильном служении братьям. На обоих их призывает Господь, так как и они полагают в сердце своем Ему угождать.

Мысль в этом стихе та, что душа в едином Господе полагает верховное свое благо, свое сокровище и источник всего желанного. Люди избирают себе разные предметы, в которых чают находить удовлетворение своим желаниям и которым потом посвящают все свои занятия и все свое время; находят ли искомое — им самим это лучше знать. Но те, которые, минуя все, в едином Боге полагают свое последнее благо, действительно находят его в Нем, так как ничто не может дать довольства духу нашему, кроме Бога: уж таково свойство его. Он-то и служит непрестанным призывателем душ наших. Зовет же он не гласно, а молча, изъявляя недовольство всем,

чем из круга тварей думает напитать его человек. Слово Божие дает ясность и определенность Его зову, а благодать — силу. И вот когда, по милости Божией, сретят они человека, живущего или вдали от Бога, или в богозабвении, обымут и проникнут его; тогда, склоняясь на них и решаясь жить по их указанию, он отвращается от всего и говорит во глубине сердца своего: «*часть моя еси, Господи*. Отселе все прочь; Тебя единого буду искать, к Тебе единому стремиться».

Судя по заглавию восьмистишия, пророк имел тут в мысли именно этот момент, как это видно и из второго полустишия: *rex сохранити закон Твой*. Блуждал я доселе на распутьях греха; теперь полагаю твердое намерение хранить закон Твой, Господи, чтоб, угодив Тебе, стяжать Тебя и в Тебе обрести полное успокоение сердцу моему. Отселе Ты часть моя, и закон Твой — правило моей жизни! Это решение есть вывод, или следствие из предшествующих изменений, происходящих в душе грешника, ибо не вдруг он может сказать так. Какой грешник не сознает, что он грешник и что ему надо бросить, наконец, худой образ жизни своей! Это свойственно лишь ожесточенным и отчаянным. Большая же часть их думает так: погрешу еще немного, а потом брошу. Хотя чрез это они все больше и больше запутываются в сетях греха; но отрицать в них такой мысли нельзя, разве уж они дойдут до

ожесточения и окончательно предадут себя греху и чрез грех сатане, к чему, впрочем, и идут они, отлагая свое обращение. Таким образом, все почти грешники думают только ныне погрешить, а завтра обратиться. Но иным приходит на ум не завтра, а ныне, сейчас, заняться своим обращением, и притом с тою серьезностью, какой требует самое дело.

Как это приходит на ум, как приковывается к тому внимание и как заинтересовывается этим человек до того, что, оставя все, один только этот предмет берется обсудить и решить окончательно, не отлагая ни на минуту, — это секрет нашей духовной жизни, которого никто объяснить не в силах. Говорим только, что благодать Божия, ей только ведомыми путями, проходит внутрь до глубины сознания и совести, и растревоживает там дух человека так, что он находит неотложным делом сейчас же заняться своим нравственным состоянием и исправлением его.

Но это только начало дела. Можно сказать, что редкий грешник не испытывает внутри такого поворота; но, побыв в нем несколько минут, или час-другой, или даже день-другой, отступает от него, не дошедши до должного решения, и опять предается прежнему «завтра». Уж это дело свободы, так как обращение производится не одною благодатию, а совместно с свободою. Благодать расшевелила дух, слово Божие прошло

до разделения души и духа, сознание и совесть внятно слышали обличение прежней жизни и согласились с ним, — теперь предлежит самому человеку работа — обсудить, и одно отбросить, а другое принять. И это главное: тут начинается борьба внутри на жизнь или на смерть. На одной стороне — привычный грех с сатаной и миром; на другой — дух и совесть с благодатию, а сознание с свободой стоит посреди, с желанием, однако ж, отделаться от рабства греху, преодолев поработителей. Как и что происходит тогда в лаборатории духа — кто определит? И сам тот, в ком это происходит, не всегда припомнит все, бывающее в ту пору. Но, наконец, грех, мир, сатана обличаются в неправости, разоблачается их обманчивость; человек ясно сознает, что был прельщаем и увлекаем призраками на пагубу себе, и отвращается от них, как от врагов, переходя желанием и избранием на противоположный им путь заповедей и богоугождения. Благодать Божия закрепляет это желание за человеком, и в духе произносится решение: *«рех сохранити закон Твой, Господи. Отселе — Ты, Господи, часть моя!»*

Вот момент, который изображается пророком в этом стихе. Это есть первый, главный и источник порыв из области греха. После него и все прочее идет уже хотя не беструдно, но не безуспешно. Человек стал уже твердою ногою на землю обетованную.

Стих пятьдесят восьмой

Помолихся лицу Твоему всем сердцем моим: помилуй мя по словеси Твоему.

Человек-грешник положил намерение не оскорблять более грехами своими Господа и всегда хранить закон Его; ну, а с прежнею-то жизнью как быть? Куда девать это множество безобразных дел, которые в книге правды вечной числятся за грешником и должны быть изглажены, чтобы та же самая правда дала свободный доступ милостям Божиим к грешнику? К такому изглаждению грехов у самого грешника нет никаких способов. Осмотревшись кругом и ниоткуда не чая в этом отношении помощи, он прибегает только к милости Божией, и вопиет: *помилуй мя!* И не просто говорит это, но от всего сердца, и не как-нибудь неопределенно, но ясно сознавая Бога присущим пред собою и правосудящим неправды его, не предъявляя никаких прав на милость, которую оскорблял, греша в надежде на нее, а припоминает только обетование Божие, что Он готов принимать всякого кающегося: *помилуй мя по словеси Твоему!*

На этом пункте враг облик уловлять обращающегося от греха безнадежием помилования, ради множества грехов, и тем пресекать ему путь к обращению. «Куда, говорит, идешь? Нет тебе помилования! Видишь, сколько срамных дел ты наделал! С каким лицом предстанешь ты пред

Бога, Всесвятого и всеправедного?» Поразительно раздается этот голос в совести; и нет грешника, который не был бы им поражаем на пути обращения своего. Доселе враг выставлял только прелести царства своего, как у него все сладко, славно и всего вдоволь; но когда грешник, ощутив горечь сластей его, срамоту славы его, убыточность довольства его, решительно отринул все, — то он берется за другой прием: «Отсюда отстанешь, представляет он ему, а туда не пристанешь. Видишь, каков ты? Кто тебя примет? Уж оставайся так, как есть. Бог правды решил уже участь твою и положил, ради великих непотребств твоих, не принимать тебя более на лицо к Себе».

Искренно кающийся все это и сознает, и соглашается, что так и следовало бы поступить с ним; но вера удостоверяет его, что нет греха, побеждающего милосердие Божие. Он видит в Боге не милость, которую заслоняет правда, а правду, заслоняемую милостию, — и милостию не голою, а такою, которая ведет с правдою все расчеты праведно, удовлетворяя все ее предъявления. Он верует, что Господь Иисус Христос все грехи наши вознес на древо и крестом все рукописания их растерзал. Остается только усвоить себе этот акт экономии спасения нашего, что и делает он, прилагая к обету хранить закон обет спострадать Господу. Воодушевляясь

этим, грешник говорит пред Богом в совести: «Я все готов перенести, и внешне, и внутренно, измучу себя, преогорчу за греховные сласти и утехи, только помилуй!» Эта совестная епитимия, согреваемая верою и от ней получающая вес пред Богом, открывает вход благонадежности в сердце; и наперекор искустителю, устрашающему, что Бог на лицо его не примет, обращающийся начинает лицу-то Божию и молиться от всего сердца: *помилуй мя*, живо сознавая, что он стоит пред Самим Богом, неисследимо великим и всеправедным, и притом так, что в оправдание свое ничего не может представить, — а все-таки стоит перед Ним, окриляемый благонадежностью, что давший ему бытие и хранивший его во дни беззаконий его не отринет его и не лишит участия во спасении, щедродательно устроенном для всех и всем независтно подаваемом. Сознание о Боге живо в кающемся, и наипаче с той стороны, что Он есть огонь поядаяй. Оттого и благонадежен он, стоя пред Ним и предавая участь свою в руки Его, потому-то от всего сердца и молится Ему: *помилуй мя!*

От всего сердца — не с холодным рассуждением, а с полнотою покаянных чувств. То стыд, что так унизился, то самоукорение, что мог, да не хотел, то сокрушение, что столь милосердого Бога оскорблял, то жаление, что так себя испортил, то страх — ну, если в самом деле Бог

отвергнет, то опять благонадежность, что Тот, Кто Сына Своего не пощадил для нашего спасения, как же не даст прощения, испрашиваемого во имя Его? Все такие чувства проходят одно за другим и держат молящегося в напряженном состоянии, в котором он болезненно вопиет из глубины души: *помилуй мя по словеси Твоему!*

Доколе же так вопиать ему? — Начал, и пусть вопиет. Разве можно забыть, как много оскорблен Бог? — Если нельзя, то нельзя назначать и времени, когда совесть перестала бы вынуждать вопли сокрушенного покаяния. И это еще за прошедшее; а тут поминутно подбавляется и новое, хоть и не самоохотно; потому-то сокрушенному покаянию нет предела. Оно составляет фонд богоугодной жизни: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит*¹. Путь сокрушенного безопаснее от падений, ибо смиренны *стопы его, и не поткнутся*².

Стих пятьдесят девятый

Помыслих пути Твоя, и возвратих ноге мои во свидения Твоя.

О грехах плачь, а жить все-таки надо, как обещался, по закону Божию. В сердце держи плач, а прочими членами делай дела правды, как прежде делал ими дела неправды. Не ходи уже там, где прежде блуждали ноги твои, а направляй их

¹ Пс. 50, 19. — ² Пс. 36, 31.

на пути Божии, во свидения Его и заповеди. Освободившись от греха, поработись правде, и как прежде представлял *уды свои рабы нечистоте и беззаконию*, теперь представляй *уды свои рабы правде во святыню*¹.

Благодарение Господу, мы не имеем надобности ломать голову свою над тем, как жить, чтобы более, уже не оскорблять Бога делами своими. У нас есть Евангелие, есть апостольские Писания и Писания пророческие. Всюду пространно изображены *пути Божии* — пути, Им Самим определенные для нас. Приведи на мысль пути эти, приложи их к себе и к течению жизни твоей, приладь все так, чтобы тебе удобно было ходить по ним, и потом возврати ноги твои с путей недобрых.

Заповеди исполняются не одними ногами, но на всякий член есть своя заповедь. Не блуждай глазами, чтоб не встретиться с грехом, который осужден Господом; не открывай слуха своего на всякую речь, чтоб не раздражить похотных помыслов или не набрать материалов для пересудливости в осуждение себе; воздержи вкус от сластей и гортань от многоядения, чтоб от меньшей сласти не перейти к пагубнейшей и умножением тука² не добыть разленения, сонливости и болезней; свяжи язык молчанием и благоразумием в слове, чтобы словоохотливостию не забрешь

¹ Рим. 6, 19. — ² Жира. — *Ред.*

к пустословию и, растревожив улегшееся в себе зло на зло себе, и в других не засеменить подобного же зла; замени ненужные развлечения домоседством, чтобы, углубив внимание уединением, являться всегда крепким на борьбу с собою и со врагом; приучи руки к щедродательности и труду, чтобы за неимением праздного времени некогда было занимать их делом грешным и чтобы молитва облагодетельствованных тобою всегда покрывала тебя от невидимых стрел. Занимайся только Богом и вещами божественными; предприятия и начинания направляй лишь к тому, чтобы от них больше было добра во славу Божию; не ищи других утех и наслаждений, кроме тех, кои о Господе. Собери все это и подобное сему и направь жизнь свою так, чтоб она вся шла по свидениям Божиим.

Собирая свидения Божии и прилагая их к себе, в них же найдешь и нравственное подкрепление себе к хождению по ним. Вот что говорит святой Афанасий Великий: «Поелику всю мысль мою устремил я на заповеди Твои, то и вступил на путь свидений». Привлекательны Божии свидения; заповедь Господня светла и светоносна. Когда осветишь ею всю жизнь свою, то в каком привлекательном свете явится она, особенно когда сопоставляешь ее с мрачною жизнью в грехе и страстях! Вступил ты на путь сей, так имей же эту светлость и светоносность заповедей

путеводною звездою и напрягайся достигнуть ее. Естество наше прекрасно, стройно и богославно. Заповеди ничего лишнего не налагают, а только поставляют естество наше как ему следует быть. Кто всегда исполняет заповеди, тот сам становится светлым и светоносным, и это потому, что заповеди пролагают путь Богу в душу или, вернее, Сам Бог чрез них устрояет этот путь Себе к нам и, вселившись и возобитав в нас, преисполняет светом все естество наше. Крепись и мужайся! Сколько мрака, тревог и нестроений испытал ты, живя в грехе; столько же света, покоя и мудрой во всем стройности предлежит тебе, если пребудешь верен заповедям, которые познал ты, обдумал и нашел их приложимыми к себе.

Помышление о путях Божиих однажды на всю жизнь устанавливает стопы обратившегося от греха и сопутствует ему на всяком шагу. Обдумать и обсудить в начале можно только общее; между тем всякое дело, всякий шаг имеет свои особенности, которые тоже все должно определять при свете свидений Божиих. Но, коль скоро начала ведомы ясно, частности из них определяются почти сами собою. Однако ж внимать все-таки надо и непрестанно обсуждать и слова, и дела свои, чтоб не погрешить и не запятнать чем-либо совести своей. Опыты жизни потом приучат к этому так, что определение должного ни

в каком случае не затруднит, как бы запутанным оно ни казалось. В этом смысле выводит отсюда такой урок для нас святой Иларий: «Пророк поминает, как он поступал, и дает урок, как и нам надлежит поступать. Он обдумывает каждый шаг свой и так полагает его, чтоб он был сообразен с свидениями Божиими. Ни языку говорить, ни ноге ступать, ни руке простираться к деланию чего-либо не позволял он прежде, чем обсудить все дело во всех подробностях, чтобы действие было потом лишь исполнением положенного в уме, при свете свидений Божиих». Оттого и тверд бывает человек в делах своих, и если встретит что-либо, то не останавливается, потому что все это большею частью вошло уже в его план. Такого уж не поразишь нечаянностью.

Стих шестидесятый

Уготовихся и не смутихся сохранити заповеди Твоя.

Уготовление, как и обдумывание путей Божиих, двояко: одно — в начале вступления в этот путь, при обзоре его всего; другое — каждодневное, при прозрении возможных случайностей дня. Еще премудрый Сирах советовал приступающему работать Господу, да уготовит душу свою *на искушения*¹. Не на покой и утехи зовет и Господь вслед Себе, но говорит: *в мире скорбни будете*².

¹ Сир. 2, 1. — ² Ин. 16, 33.

«Обращающийся от греха к добродетели, говорит святой Афанасий, для угождения Господу наперед это видит и, избирая этот путь, готовится на все неприятности, или, по слову Господа, берет крест свой и последует Ему. Оттого, что ни встретилось бы с ним, ничто не смущает, ничто не колеблет его мужества, потому что, поясняет блаженный Феодорит, «приведши себя в готовность встречать приращения бедствий, не подвергается обуреванию и при внезапном приращении. Так мужественный Даниил, так блаженные отроки, так досточудные Маккавеи, так все мученики Спасовы преодолевали злочестие».

Безуспешность препятствий или тех, кои стремятся поколебать благоразумно приступающего к Господу, зависит от того, что он в самом начале, когда еще решается на этот путь, отвергается себя, отвергается то есть жизни своей, и решением воли приносит ее в жертву Господу. Потому-то, хотя бы и смерть встретил, она не была бы для него неожиданностью. Как к борцу, который борется на отчаянную, приступа нет, ибо самое настроение придает ему поражающее мужество, так нет у врага приемов к преодолению того, кто, вступая на путь добродетели, наперед положил — умереть, но не отступить от нее.

Святой Павел видит источник несокрушимой крепости таковых в любви их ко Господу. С Господом сочетаются они в начале, ибо чрез веру

в Него возникают к благонадежности помилования, и не чрез веру только, но с приложением решимости и желания войти в спострадание с Ним. От того горят к Нему любовью, и любовь эта есть несокрушимая их сила. *Кто ны разлучит от любви ко Господу, — скорбь ли, или теснота, или гонение?.. Ничто, ни смерть... ни настоящее, ни будущее... Все препобеждаем за Возлюбльшаго нас¹.*

Таково общее приготовление; но бывает у них, или должно быть у всех нас, приготовление частное. Каждый день с утренней молитвы обозри все возможные случайности и, соответственно тому, какие могут они, по свойству своему, возбуждать в тебе мысли и чувства, заготовь противомыслия и противочувствия и огради их благими помышлениями, чтоб они имели крепость в себе. Это же делай и всякий час, как скоро видишь что-либо приближающееся; поскорей окинь взором возможное и облекись в орудия противодействия. Нечаянность поражает и полошит душу, а всполошенная, она не может иметь ни силы, ни соображения.

Приготовление это состоит в том, чтобы загодя положить не поддаваться впечатлению и не допускать возбуждающегося движения до сердца. Там глаз, там слух, там слово, там движение, там другое что-нибудь падают на сердце, как камень на спокойно стоящую воду, — и пошли

¹ Рим. 8, 35 — 38.

круги помыслов и движений. Борись с ними! А если не допустишь до сердца, если наперед противомыслием и противочувствиемкрепишь поверхность сердца, так что она станет будто льдом покрывшаяся вода, тогда все эти камешки, совне внутрь падающие, будут отскакивать, свидетельствуя звуком своим лишь то, что они ударили, но вглубь не прошли.

Пророк готовился и не смущался, а всегда хранил заповеди Божии, к исполнению которых обязывали его встречи. Иное возбуждало гнев, а он не гневался; иное возбуждало похоть, а он не похотствовал; иное приводило к осуждению, а он не осуждал; иное — к зависти, а он не завидовал; иное заставляло тщеславиться и выситься, а он не тщеславился, а смирялся. Так и во всяком случае, какая заповедь на него приходилась, ту и исполнял. И это шло у него всегда верно и правильно, потому что ко всему этому он готовился. Не в ту пору прибирал заповедь, когда действовать приходилось, а наперед заготавливался; оттого и успех был добрый.

Стих шестьдесят первый

Ужя грешник обязашася мне: и закона Твоего не забых.

Ужя, по объяснению блаженного Феодорита, означает верви; *обязашася* — затянуты на мне; верви, какими чувствует себя затянутым обраща-

ющийся от греха к добродетели, суть или связи с грешниками — греховное сотоварищество, или свои греховные навыки, которые, действительно, суть верви, вяжущие всякого грешника туго-натуго. Порвать то и другое — труднее всего; даже и тогда, когда они бывают порваны, трудность эта не уменьшается, ибо при встрече или с прежними обстоятельствами, или лицами в голове подымается буря воспоминаний, и сердце отзывается на них сочувственно. Тогда они заслоняют собою, как туманом или облаком пыли, светлый лик закона, и безобразие свое преобразуют в заманчивую прелесть. Несмотря на это, я, говорит пророк, не забыл закона Твоего, не дал им затмить его в моем сознании или дать сочувствию к ним какой-либо перевес над сочувствием к закону.

Порвать эти верви необходимо бывает в первый же акт решимости, как это и бывает, ибо тогда все приносится в жертву Господу, несмотря ни на какие последствия такого шага. Затем, когда обдумываются порядки новой жизни (стих 59), имеется в виду и то, как противодействовать дурному товариществу, и то, как искоренять худые навыки и в самом себе. В таком порядке и идет потом самая жизнь обратившегося. Но он еще только исправляющийся; сочувствие к прежнему пробуждается в нем всякий раз, как скоро возбуждают их какие-либо случаи, а возбуждаясь,

они как будто вновь вяжут и затягивают. Тут-то для противодействия им и восстает в сознании и совести память закона, которому положено следовать вседушно в час решимости. Эта память вновь разрывает те верви, как порвала их вначале решимость хранить уже закон. Хотя пророк говорит: *не забывь*, но этим дает разуметь, что содержал в памяти закон и что память эта была ножом, обрезававшим те верви, когда они вновь самодельно сплетались и покушались затянуть его.

Рассказывают об одном исправившемся, что, когда товарищи недоброй жизни, встретив его, звали на прежние дела, он сказал им наотрез: «Я уже не тот», и, отвернувшись от них, пошел своею дорогою. Так-то сильна и многозначительна первая, полная и неотступающая решимость! Она дает ту крепость и силу воли, которую не сильны поколебать даже и более нежные связи, чем сотоварищество.

Святой Иоанн Колов в «Достопамятных сказаниях» предлагает на этот предмет такую приточную историйку. «В одном городе жила красивая прелестница, имевшая много поклонников, понравилась она и правителю области. Раз он сказал ей: обещаю жить целомудренно, и я жениюсь на тебе. Она согласилась и поступила к нему в дом. Но прежние поклонники ее не переставали искать ее и, узнав, что она взята

правителем, обдумывали, как бы выманить ее оттуда. Если, рассуждали они, мы прямо пойдём в дом, то правитель засадит нас в тюрьму, а мы сделаем вот что: пойдём позади дома и свистнем; она узнает наш свист, и выйдет к нам. Так и сделали. Но остепенившаяся прелестница, услышав свист, заткнула уши и, вбежав во внутренние покои, заперла двери». Притчу эту святой Иоанн Колов толковал так: прелестница — грешная душа; ее друзья — страсти и грешные люди; правитель — Христос; внутренний покой — сердце, преданное Христу; свистание — соблазны помыслов и встреч. Так обратившаяся ко Господу душа всегда убегает в сердце, чтобы в молитве предстать там Господу и тем разгонять восстающие соблазны.

Вот как греховные верви, порванные первою решимостию работать Господу, удобно разрываются потом и всякий раз, как враг замышляет снова опутать ими исправляющегося грешника.

Стих шестьдесят второй

Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея.

Этот стих и два последние указывают, какие приемы берутся, дабы удобнее отторгнуться от уз греха. Многое и из сказанного доселе имеет тот же смысл, потому что и то, чтобы обдумать все порядки новой жизни и определить их заповедями,

есть прием противостояния греху, — и то, чтобы наперед готовиться к возможным встречам, могущим соблазнить, есть тоже прием; прием и то, чтобы порвать все грешные связи и изменить обычаи, питающие грех. Но здесь указываются самые решительные приемы.

Полунощи востах. Разумеем это, как ночное бдение, проводимое в славословии и молитве. Святой Афанасий пишет: «Не только день, но и ночь, даже самую средину ночи, когда овладевает наиболее приятный сон, проводил я, песнословя Тебя и воспевая праведные определения Твои. Так поступал и божественный апостол вместе с Силою, когда, прияв на себя раны и бичевания, с связанными ногами растворял молитву с песнопением и пожал плод сего прекрасного бдения, потому что изведаль на себе Божественную щедродательность».

К этому подходят и слова святого Амвросия: «Не довольно днем молиться, — надобно вставать и ночью, и в полночь. Сам Господь проводил ночи в молитве, чтобы Своим примером возбуждать и тебя к молитве. Прежде говорил пророк: *помянух в нощи имя Твое* (стих 55); а теперь говорит: *в полунощи востах*, — чтобы научить и тебя не ночью только, но в самую полночь вставать на молитву. Можно помянуть ночью Бога и не встать; можно встать и не стать на молитву, — а он говорит: встал в полночь и стал

20270
20270

на молитву исповедатися Богу. В это наипаче время надо молиться Богу и оплакивать грехи свои; не только просить прощения в прошедших грехах, но молитвою отвращать грехи настоящие и предограждать себя от будущих, ибо в ту пору много подступает к нам искушений. Тогда наипаче горит похоть плоти, и враг строит свои приманки, цепляясь за нее. Тогда кровь бывает в большем движении, а ум, одолеваемый сном, теряет трезвенность свою. Враг и подступает свободно, и разбрасывает свои сети, чтобы запутать душу, отложившую осмотрительность. Нечистые духи обступают ее, окружают мраком и начинают внушать всякое непотребство, толкуя, что никто не видит: нет ни доносчика, ни свидетеля. Если ум воспротивится, то вступают с ним в спор, представляя в пример много святых, которые согрешали, но потом испрашивали себе прощение и покрывали прежние грехи. Такого рода исправления ненавидит враг, но, чтобы обольстить, обещает это исправление. Когда же успеет вызвать согласие на грех, тогда, видя, что от самого греха душа удерживается уже не любовью к добродетели, а страхом суда и наказания, натолковывает ей разные обманные мысли, так что она и сама себе начинает уже говорить: *кто мя видит? Тма окрест мене, и стены закрывают мя... кого боюся?*¹ Не видит Вышний, не доходят до

¹ Сир. 23, 24–25.

Него грехи наши, не смотрит Он на наши гнусности. Так-то время это удобно для искушения. Рассмотря все это, и бодренно воспаряй тогда мыслию к Богу, чтобы враг, видя, что светом пребывания твоего с Богом заключен для него приступ к душе твоей, бежал от тебя, и ты без соблазна перешел полночное время. Вставай же в этот час на молитву, в который искушитель обык ввергать нас в непотребства. Чем больше опасность, тем большую надо привлекать и помощь свыше. Она и готова, но только бодрствующему и молящемуся. Вставай же и возбуждай ум свой. Не воздремлет и Хранящий тебя, если найдет недремлющим, но Сам восстанет, будучи возбуждаем бодренностию души твоей; повелит ветрам, и улягутся, и водворится тишина в груди твоей, взволнованной бурей вражеских приражений. Надо нам в эту пору вставать и потому еще, что Жених приходит в полночь. Смотри же, чтоб не застал он тебя спящим. Надо вставать для славословия Господа и воспевания благодарных Ему песней; надо исповедать судьбы Его вечные, восписуя Ему все доброе, бывающее с нами. Что ты на добром пути, это Его присуждение: он хранит предающих себя Ему. И во всякое время так надо поступать, — и ни днем, ни ночью, и ни в какое другое время не переставать славословить Бога». И все желавшие пресечь в себе худое и водворить доброе любили посвящать

полночь молитве и, вообще, большую часть ночи проводить в беседе с Богом. Святой Исаак Сирианин приписывает этому подвигу весьма великое значение в преспеянии духовном.

Почему же пророк из всех подвигов поминает только об этом? — Потому, что он есть сокращенное представление всех других. Кто в полночь не дает покоя телу, тот будет ли покоить его в другое время? Даст ли ему пищи в сытость и питья вдоволь? Поблажит ли ему в лености на труд? Позволит ли ему омовения, курения и масти благовонные? Попустит ли гулянья и развлечения? Вставанье в полночь есть цвет на дереве всех телесных подвигов. Равно молитва полночная есть сокращение всех душевных подвигов — трезвения, бодренности, внимания, богомыслия, углубления в слова Божии, созерцания таин Божиих и всех дел Его промысления, и всего прочего, что обыкновенно делает душа, в видах противления греху и страстям и насаждению в себе добродетелей. Об этом только и помянул пророк, зная, что, кто так поступает, тот видит, что за полунощным бдением у него стоят и все другие делания, свойственные подвизающимся; потому нечего было и поминать об них. По ходу же его наставительных молитвенных воззваний, надобно было коснуться сего предмета, как звена, совершенно необходимого в цепи его уроков.

Стих шестьдесят третий

Причастник аз есмь всем боящимся Тебе, и хранящим заповеди Твоя.

«Симмах, вместо причастник, говорит: «союзник», переводчик же Сирский: «друг». Отвращаясь то есть тех, которые избирают противное законам Твоим, я имел сообщниками и близкими к себе поставляющих выше всего страх Божий и вознамерившихся жить согласно с законом. То же сказал пророк и в другом месте: *мне же зело честни быша друзи Твои, Боже!*» (Феодорит).

Прежде выставляемы были греховные связи с грешниками, как самое крепкое вервие, влекущее ко греху; теперь, в противовес тому, предлагается благочестное общение с богобоязненными и добродетельными людьми. В полунощной молитве совместил пророк все труды, подъемлемые человеком в пользу добра в себе самом, в своем лице; в общении же с боящимися Бога и хранящими заповеди Его совмещает он все, чем можем мы пользоваться к победе над злом от других, идущих тем же с нами путем, разумея здесь взаимную беседу, совет братский или заповедь старческую и взаимную любовь. Становясь всеми этими способами причастником с другими ревнителями добра, подвизающийся делается столько же сильным, сколько сильны все они вместе, — и Бог посреди их. Если там Господь, где два или три

¹ Пс. 138, 17.

собраны во имя Его, то тем более там, где их десятки и сотни, особенно когда никто из них не тянет куда-либо в сторону или назад, а все идут вперед и вперед, к почести высшего звания. Вступившему в такое содружество и ослабеть некогда, и уклониться некуда. Пример и соревнование непрестанно и ревность возжигают, и представляют способы удовлетворять ей.

Один молодой подвижник спрашивал старца: «Как мне возыметь страх Божий?» — «Поди, — ответил ему старец, — прилепись к мужу, исполненному страха, и научишься, как иметь страх Божий». — Другому старцу говорили: «Что ты не учишь ученика своего и не толкуешь ему, как и что нужно делать?» — «Что учить? — отвечал он. — Пусть смотрит, как я делаю, и себе пусть так делает». И страху Божию и всякой другой добродетели пример — самый лучший учитель. Ни одного слова не произносит он, а все изъясняет и всему научает столько, что слову потом и дополнять нечего. А сколько имеет силы общая молитва! О скитских подвижниках говорили, что нет ничего, чего бы они не могли испросить кому угодно в молитве своей, когда все начнут молиться. Оттого, пока там держался тесный братский союз и пока все одинаково ревновали о преуспевании, — и процветала духовная жизнь. Всякий с верою объявлял им: «Братия и отцы! такое и такое искушение томит меня, — помолитесь!»

Начиналась молитва, и искушение проходило. И во всякое время и во всяком месте общение людей богобоязненных, взаимная их любовь и доверие дают такую крепость их нравственному строю, которым всякий из них силен бывает противостоять всякому искушению, как бы оно сильно ни было. Вот почему и святой пророк, говоря о приемах, какие употреблял он против греха, в числе сильнейших поместил и братское общение с боящимися Бога и хранящими заповеди Его.

«Кто, говорит святой Григорий Великий, прилепляется к человеку, ревнителю добра, тот получает пользу от одного пребывания с ним, а не только что от его бесед и примера. Он возгревает тем в себе любовь к истине и добродетели, научается, как освободиться от тьмы греховной, воспринимает желание созерцать свет вечный; в нем уже не найдешь равнодушия или холодности к вещам Божественным».

Стих шестьдесят четвертый

Милости Твоя, Господи, исполнь земля, оправданием Твоим научи мя.

И подвиги, которые несет сам в себе ревнитель добра, и помощь, какую получает он от общения с людьми богобоязненными, — сами по себе только человеческие орудия и действительны только в меру сил человеческих. Если они являются

мощными к преодолению зла, то потому, что Господу угодно бывает приложить к ним Свою силу. Привлекая благодать Божию, они рассеивают зло и укрепляют в добре. Потому-то при всех их внимательная вера не останавливается на них, но, минуя их, восходит горé и, при всех трудах своих и при всем пособии от других, ожидает помощи *оттуда*. Вот это самое и выражает пророк в словах: *оправданием Твоим научи мя*. И я, говорит, обучаю себя в подвигах душевных и телесных, и другие меня учат и словом, и примером, — но и то, и другое мало надежно и мало успешно. Ты Сам, Господи, научи меня всему, и укажи, что нужно делать, и дай уменье, как делать, и силу к тому подай. Как мастер, который берет к себе неуча и, обучив его, потом пускает от себя полным знатоком своего мастерства, настоящим мастером, так и Ты, Господи, возьми меня и обучи мастерству доброделания и угождения Тебе единому. Вот о чем просит пророк! Надежду же свою на умоление Господа и на получение просимого основывает на одной благодати Божией. Вся земля, говорит, исполнена милости Твоей, Господи, — я ли один буду обделен ею? Уповаю, Господи, что не лишишь Ты и меня милости Твоей. Не богатства прошу себе, не чести и славы, а ищу только — научи меня, как благоугождать Тебе, верно исполняя все заповеди Твои. Если ты питаешь и неразумное животное,

то усомнюсь ли я, что питаешь и душу мою, созданную Тобою по образу и по подобию Твоему? *Милости Твоя, Господи, исполни земля, оправданием Твоим научи мя*.

В деле преспеяния духовного это ненадеяние на себя и на других и чаяние истинной помощи только от Господа есть расположение первой важности. Приступающий работать Господу обыкновенно много загадывает делать сам, и делает; но это делание не простирается далее обучения себя внешним порядкам благочестивой жизни, и много-много если на удержание греховных в душе движений, настолько, впрочем, чтоб они не проторгались в слово и дело, как, например, гнев. Но надо еще насадить добродетели в сердце, а для этого исторгнуть отсюда страсти; надо поставить ум пред Господа и всегда пребывать с Ним; надо стать и душевно, и телесно во всем святым и непорочным, как подобает готовящемуся получить Царство Небесное, куда не войдет ничто нечистое. Кто же введет все это в душу? — Никто, как Господь благодатию Своею! Усердно начавший работать Господу скоро сам научается опытно, что сам собою он ни к чему недоволен¹. Дальнейшие опыты утверждают его более и более в этом убеждении, и дело кончается совершенною преданностью себя и всей участи своей в волю Божию, с воплем сердечным:

¹ Неспособен. — *Ред.*